

**ЖИЛА, БЫЛА
ОТ АВТОРА**

Она жила в Ленинграде, обыкновенная девочка из обыкновенной большой семьи. Училась в школе, любила родных, читала, дружила, ходила в кино. И вдруг началась война, враг окружил город.

Блокадный дневник девочки до сих пор волнует людей, обжѐг и моѐ сердце. Я решил рассказать о былом и отправился по следам горя, безмерных страданий, безвозвратных потерь. Но отыскались родственники, семейные фотографии, архивные бумаги, нашлись свидетели. Я держал в руках вещи, что хранили касание рук девочки, сидел за партой в классе, где она училась, смог бы с закрытыми глазами обойти её прежнее жильѐ и назвать все предметы.

Порою казалось, что я рядом с той девочкой. В том блокадном, трагическом, непокорном городе. И мучило бессилие помочь, спасти. И вспомнилось пережитое лично.

...Никому не дано творить чудеса, ничто не изменить, не исправить в прошлом, но можно и должно предупредить и оградить будущее. Я расскажу, обязан рассказать.

Итак, жила-была девочка. Звали её Таня Савичева.

**ГЛАВА ПЕРВАЯ
САВИЧЕВЫ**

Ленинград стоит на островах. Самый большой из них – Васильевский. Вдоль, как полосы на спине бурундука, тянутся проспекты с названиями, поперек – безымянные улицы. Зато каждая сторона улицы – линия имеет свой номер. На 2-й линии, в доме 13/6 жили Савичевы.

Внизу – Таня с мамой, братьями, сестрами и бабушкой, во втором этаже, прямо над их квартирой, – два одиноких брата, Танины дяди. Так что в одном подъезде жили сразу девять Савичевых.

ТАНЯ

В доме только и разговоров о скором отъезде в Дворищи. Потому, наверное, и приснилась дедовская рубленая изба-пятистенка. Будто выходит Таня из полутѐмных сеней на светлое крылечко. Вся такая нарядная, городская. Синее, в крупный белый горошек платье, зонтик курортный в руке, через плечо сумочка матерчатая из того же ситца и тоже мамой сшитая, белые носки с двумя голубыми полосочками и спортсменки со шнуровкой. Русые волосы прижаты обручем, пружинистой дужкой, обтянутой цветным целлулоидом.

Сошла по ступенькам на землю. Позади со стуком оконные створки распахнулись, кто-то спросил: «Ты куда наострилась?» И Таня этак по-взрослому: «На Вельское озерцо, искупаться».

Миг – и за околицей. Идѐт-бежит на деревенский пляж, перепархивает луговые цветы и травы. И чувствует: захочет – поднимется выше зелёных косогоров, поплывѐт над псковским краем.

И вот она уже в небе.

В Дворищах вся родня на улицу высыпала. Улыбаются, ахают, машут. Кто ладошкой, кто платком.

А это ещё кто-что? За огородами, на солнцепеке лежит коза не коза. Голова у неё человеческая, как у египетского сфинкса. И колышек, к которому привязана, высокий, фигурный, чашей увенчан. Точь-в-точь бронзовый светильник у Невы.

«Бе-е, – зовёт коза. – Бе-бе! Спускайся, молочком угощу».

«Спасибо, – отвечает Таня. – С удовольствием бы, и пить ужасно хочется, но такая красота в небе!»

В лиловой дали город, древний Гдов у знаменитого Чудского озера; вблизи – многолюдные Дворищи. Вдруг рядом бесшумно планер объявился. За прозрачным колпаком пилотской кабины сестра видна. В комбинезоне, летчицком шлеме, в больших очках – будто с запомнившейся Тане праздничной демонстрации на Дворцовой площади.

Покачала сестра приветственно крыльями, спросила: «Нравится?» – «Прекрасно, дух захватывает! И ничуть не страшно», – восторженно кричит Таня. Нина вздыхает: «А мама запретила мне летать, заставила бросить аэроклуб...»

Таня шепчет: «Ты смелая, я горжусь тобой». Планёр грустно отмахнулся крыльями. Что уж теперь говорить об этом. Ни к чему душу бередить.

«Летим в Ленинград!» – Нина не предлагает, командует. Она не только внешне, но и характером в маму: добрая и решительная.

«Летим!» – с радостью соглашается Таня.

С высоты поднебесья видно далеко-далеко. Вон уже Исаакиевский собор, Адмиралтейство. Заблестали золотые...

«Бе-елые», – поправил, заикаясь, мужской голос.

«Почему – белые?» – возражает Таня. Купол храма и шпиль с корабликом – золотые.

Заспорила – сон и оборвался, кончился полёт.

– Чёрных сама засушу, – сказала мама.

МАМА

Голос мамин особенный, с улыбкой.

– Как в Дворищах говорят? «От Марии Игнатьевны без сухарей не уедешь». Так, Мишулька?

Брату уже двадцать лет, Мишулькой называли его в детстве.

– То д-давно было, когда г-голодовали, – Миша с малолетства заикается.

– В деревне и ныне не очень сытно, – говорит мама. – Прикупи сухариков, батончиков белых. Да пряников с повидловой начинкой.

– Дорога сама з-знаешь какая... – продолжает упрячиться Миша.

Путь в Дворищи не очень долгий, но сложный. Поездом до Кингисеппа, затем километров десять лесом и полем. В дождь и парная упряжка застревает. А пеши, с громадным чемоданом и тяжеленным рюкзаком...

– Все руки об-борвёшь.

– Надо, Михаил, – совсем уже иначе произносит мама. Человек мягкий, добрейший, но слово её твердо. Бесплезно перечить. И не принято в семье старших не слушаться.

– Л-ладно.

* * *

Таня лежала с закрытыми глазами: жаль расставаться с полётом.

В другой комнате застрочила, как пулемёт в кино, швейная машина: мама принялась за работу. В передней возился Миша, собирался идти по магазинам.

«А почему он не на заводе?» – удивилась Таня и вспомнила, что брат с сегодняшнего дня в отпуске и завтра уезжает в деревню. Через две недели поедут следом и Таня с мамой. Отпразднуют бабушкин день рождения и поедут. На всё лето. А Лёка, Нина и Женя придут в Дворищи тогда и на столько, когда и какой кому отпуск дадут на работе.

БАБУШКА

Таня приоткрыла глаза: сон всё равно не вернётся.

Кровать с никелированными шарами на высоких спинках отгорожена гигантским буфетом и трёхстворчатой ширмой. Буфет с резными дверцами, множеством отделений и бесчисленными ящичками разделяет комнату на спальню и гостиную. Ширма красного дерева с узорчатыми стеклами – сбоку.

Из-за ширмы выглядывала бабушка. Её давняя подруга и родственница как-то гостила здесь и рассказывала, что бабушка – тогда, конечно, ещё не бабушка, совсем молодая женщина – выделялась умом и красотой. Она и сейчас такая, уверена Таня.

Умные, выразительные глаза, чистый и высокий лоб; несмотря на седые волосы, ни за что не угадать, сколько на самом деле лет. А бабушке 22 июня исполнится семьдесят четыре. Знакомые и соседи обращаются к ней почтительно, по имени и отчеству – Евдокия Григорьевна. Она старше всех Савичевых, но очень бодрая и всё успевает, со всем управляется, главная кормилица...

– Пробудилась, маленькая?

Таня самая младшая в семье – но какая же она маленькая?

– Ба-абушка, я в четвёртый класс перешла, мне скоро двенадцать будет!

Счастливый сон не забылся. Таня сладко потянулась, будто крылья развела, похвалилась горделиво:

– А я опять летала.

– Ну и хорошо, ну и замечательно. Стало быть, растёшь, вырастешь. Ну, поднимайся, маленькая, одна ты ещё не кушала. Некогда мне, я в гости наострилась. Поедешь к тётке Дусе?

Дуся – бабушкина племянница и, значит, никакая Тане не тётя, да и знают о ней всего ничего. Сюда не ездит, к себе на Лафонскую улицу не зовёт. Время от времени ее навещает бабушка и берет иногда с собою Таню.

Прокатиться через половину города к Смольному заманчиво, но и упустить прогулку с дядей Васей жаль. С ним так всегда интересно!

– А можно, я останусь? – вежливо отказывается Таня.

Бабушка ничуть не обиделась:

– Оставайся.

РОДОСЛОВНАЯ

Таня ела без охоты. На завтрак яичница, булочка с маслом и чай.

– Молока в Дворищах вволю попьёшь. Козье. Оно вкусное, целебное, врачами тебе прописанное.

– Не люблю козье, – поморщилась Таня. – Жирное, сладкое.

– Любишь не любишь, а надо. Для здоровья твоего требуется. Ну, кушай, кушай.

– Ба-абушка, «кушай» говорят маленьким.

Евдокия Григорьевна сдвинула брови:

– Яйца курицу учить будут!

Строгое выражение лица тотчас и пропало, сменилось обычной весёлой ласковостью.

– Все вы для меня маленькие, все мои дети.

Вообще, усадить рядышком бабушку, маму, Лёку, Нину, Мишу, Таню – сразу признаешь близких родственников. Все тёмно-русые, сероглазые. А вот у Жени чёрные, жгучие глаза и волосы чёрные почти. Она вся в папу, в Николая Родионовича. Он в конце жизни, конечно, иначе выглядел. Облысел, в усах и бороде клинышком густая проседь...

– О чём размечталась? Ешь, не отвлекайся на фантазии.

Таня послушалась, но вилка опять замерла в руке.

– Ты – Фёдорова, и мама была Фёдорова, пока папа не женился на ней.

– В тех самых Дворищах и поженились, – с удовольствием подхватила историческую семейную хронику бабушка. – Мы с твоим дедом были направлены туда из Петербурга. Так назывался тогда Ленинград. Дед твой – рабочий-металлист, участник революционного подполья... А с чего ты вдруг в родословную ударилась?

– Так все мы на тебя похожи, какой ты на старой карточке снята.

– Порода, стало быть, такая, в Арсеньевых-Фёдоровых пошли, – не без удовлетворения подтвердила бабушка. Девичья фамилия её была Арсеньева.

– Но Женя...

– Она брюнетка, в Савичевых.

– А тогда почему у дяди Васи и дяди Лёши глаза тоже серые и волосы...

– Ешь! На часы погляди своими серыми глазами: сколько над тарелкой сидишь?

Настенные часы-ходики показывали без пяти десять.

– Через минуту чтоб ни крошки, ни капли! – приказала бабушка и ушла переодеваться.

Таня посмотрела в окно. Напротив кухни глухая стена другого дома, слева арка – проход во второй внутренний двор. Ничего интересного.

– Кушаешь или опять в облаках витаешь? – донеслось из глубины квартиры.

– Ем! – И Таня, чтоб не огорчать бабушку, совладала наконец с несчастной глазуньей.

– Ну и молодец. Убери за собой, а я поехала.

– Маня! – крикнула уже из передней. – Я поехала к Дусе!

– Счастливо, мама, – отозвалась Мария Игнатьевна.

И Таня пожелала доброго пути.

– Ну, с богом.

Бабушка рассмеялась:

– «Богомолка»! А ещё в пионерки готовишься.

Таня надула припухлые губы:

– Сама же так говоришь всегда.

Кто и куда ни уходил бы из дому, обязательно докладывал: «Я пошёл», «Я пошла, бабушка». А та неизменно напутствовала: «Ну, с богом».

– Ну говорю, ну привычка такая, – оправдалась бабушка. – Я же когда родилась и росла? В прошлом столетии! И в церкви венчалась. Тогда иначе нельзя было, незаконно. Да и мама твоя ещё в старое время замуж выходила.

Таня знала, что в лакированной шкатулке с красивой палехской росписью хранятся как фамильные драгоценности мамины свадебная фата и свечи. А ещё там лежит небольшой листок с безысходным названием «Свидетельство о смерти», где написано, что Савичев Николай Родионович умер 5 марта 1936 года.

ЖАРА

Такого жаркого лета не помнила и бабушка, уроженка Ленинграда. Коренная жительница, она считанные годы была в разлуке с родным городом. И Танины родители, поженившись, еще в начале века переселились в северную столицу. Так что, как полагала Таня, Савичевы жили в Ленинграде всегда. Правда, она и большинство ее братьев и сестер появлялись на свет в Дворищах, ныне Псковской области.

С маминых слов выходило, что она специально ездила туда за своими детьми: «Природа там красивая, молоко парное и дышать легко. Зимой не холодно, летом не жарко».

* * *

Ленинградский климат от Псковского мало чем отличается, но в том, тысяча девятьсот сорок первом году лето в городе было действительно тяжёлым.

* * *

Запотевший стакан с «газировкой» приятно охлаждал руку. В подкрашенной лимонным сиропом воде метались пузырьки, выскакивали на поверхность, лопались в пене, щипали в носу.

– Ещё? – щедро предложил Миша. Таня отрицательно качнула головой:

– Колется.

– Тогда всё, с-спасибо.

Продавщица, женщина средних лет с бородавкой на щеке, толстая, жирная – весь халат в буграх и складках, – выудила из тарелки мокрые медяки.

Миша ссыпал сдачу в кошелек и заглянул в бумажку.

– Та-ак, мука пшеничная – два пакета, макароны для Дворищ... Ладно, м-макароны лёгкие, они с дырками.

Таня не поняла шутки, спросила:

– А как в них дырочки делают?

Брат посмотрел на неё сверху вниз, улыбнулся:

– На расточных с-станках или дрелью, вручную.

– Каждую макаронину?!

– Персонально! – И не выдержал, заулыбался: – Какая ты ещё маленькая!

Миша давно окончил фабрично-заводское училище и работал слесарем-сборщиком на заводе. Таня надула губы: «Большой, а обманывает».

– Ладно, не обижайся. Не спец я в м-макаронной технологии. Спроси чего полегче.

– А почему в этом году лето такое жаркое?

– Много будешь знать, скоро состаришься, – выкрутился Миша.

– А я про всё хочу знать. И не состарюсь никогда! – с вызовом заявила Таня.

– Фантазёрка ты, верно бабушка говорит. Все люди в стариков и старух обращаются, а ты, з-значит, будешь вечно молодой?

– А вот и не состарюсь!

– Л-ладно, – уступил милостиво брат, – живи вечно!

* * *

Поезд Ленинград – Кингисепп отправлялся вечером. Жара к тому времени отступила, хотя солнце висело ещё высоко, как и должно в разгар белых ночей.

На вокзал Мишу провожал только Лёка. Таня с Василием Родионовичем дошли до трамвайной остановки у моста Лейтенанта Шмидта.

Трамвай шестого маршрута «Кондратьевский проспект – Балтийский вокзал» пошел почти сразу же. И поговорить на прощание не успели. Брат уже с площадки прокричал:

– Танечка, жду тебя с мамой через две недельки!

Скрежеща и тренькая, вагон укатил по мосту через Неву.

СФИНКСЫ

Попрощались на две недели, а расстались будто навсегда, так стало тяжело. Обратно шли молча, по набережной, вдоль каменной береговой ограды.

У гранитного спуска несли караульную службу сфинксы.

Дядя Вася изумлённо поднял мохнатые брови, словно впервые увидел сказочные фигуры:

– Эт-то ещё что и откуда?

Таня сперва неохотно вступила в излюбленную игру:

– «Сфинкс из древних Фив в Египте перевезён в град Святого Петра в 1832 году», – ответила словами русской надписи на постаменте.

– А что за фигуры и значки? – выводя Таню из грустного состояния, спросил дядя, показав на иероглифы, и она «расшифровала» древние письмена:

– «Сын Ра Аменхотеп, правитель Фив, строитель памятников, восходящих до неба, подобно четырем столпам, несущим небесный свод».

Царь Египта, сын Солнца Аменхотеп, высеченный из камня сиенита в образе человека-льва, бесстрастно и незряче глядел вдаль. Высокий двухъярусный головной убор *немее* и гофрированный воротник, ниспадающий гладкими латами на грудь с многорядным ожерельем, придавали фараону божественность; туго сплетённая борода, подвязанная ремешком, означала жизненный опыт и мудрость.

У левого сфинкса борода и губы с отколами. Раны, нанесённые завоевателями Фив, или дорожные увечья. Путь от места археологических раскопок до Европы не близок.

«Ему, наверное, до сих пор больно», – думала с состраданием Таня. Сфинксы для неё были как живые.

Дядя Вася рассказывал, что эти самые сфинксы несколько тысячелетий назад стояли у священного храма в древней столице Египта. Они считались самыми надёжными стражами, но, увы, не спасли от разрушения ни храм, ни город. Завоеватели снесли Фивы с лица земли, похоронили под обломками грозных сфинксов. «Нашествия врагов, – заключал Василий Родионович, – не могут отразить ни божества, ни фараоны».

Он знал, что говорил, сам на фронте сражался в мировую. И дядя Лёша, Алексей Родионович, солдатом был.

ЗАСИДЕЛИСЬ

Серебристый таинственный свет белой ночи играл в чешуйчатой ряби Невы, отражался в окнах зданий на другом берегу, яростно горел золотом в ребристом шлеме Исаакиевского собора, в гранёном шпиле с парусным корабликом Адмиралтейства.

Деревья же в сквере на Сенатской площади, между Адмиралтейством и памятником Петру Первому, виделись сплошной чернильно-лиловой зарослью.

Медный всадник на скале – совсем чёрным.

– Чудо как хорошо, – умиротворённо произнёс Василий Родионович.

Они сидели на гранитных ступенях пандуса, наслаждались речной прохладой. Внизу, у самых ног, с лёгким журчанием всплескивала Нева, позади и над ними глядели друг на друга древнеегипетские сфинксы.

Три с половиной тысячелетия несли они свой бессмертный караул на земле и под землёй в жаркой Африке, второе столетие лежали тут, где, быть может, восхищённый поэт бормотал вдохновенно строфы нарождающейся поэмы: «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, береговой её гранит...»

– Так прекрасно, что дух захватывает.

Будто очнувшись от колдовства, дядя вытянул за цепочку часы из кармашка, серебряные, с крышкой, откинул пятернёй волнистые пряди волос, вздохнул:

– Загуляли мы с тобой, дружок. Поплелись?

Они и в самом деле плелись, шли нога за ногу. Завернули в Румянцевский сад.

На скамейках вокруг обелиска с бронзовым шаром и орлом, монумента в честь виктории над турками в позапрошлом веке, сидели влюблённые.

В громадном здании, к которому примыкал сад, некогда был Кадетский корпус. В нём воспитывался будущий фельдмаршал.

Таня рано выучилась чтению и не пропускала ни одной вывески, ни одной надписи. «Румянцева победам» на цоколе обелиска она переиначивала на «Румянским победам».

– Поплелись?

Идти оставалось совсем ничего – миновать несколько домов, два магазина.

В доме одиннадцать керосиновая лавка, издали доносится всепроникающий, неистребимый запах керосина.

А в тринадцатом, через стенку от квартиры Савичевых, помещалась булочная.

Из дома напротив, то есть с Третьей линии, из раскрытых настежь окон студенческого общежития Академии художеств лилась патефонная музыка, быстрые фокстроты и тягучие танго.

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Самые долгие дни в Ленинграде начинаются 22 июня. В сорок первом чёрном году начало солнцестояния выпало с субботы на воскресенье.

В школах гремели медью оркестры, торжественно вручались аттестаты. После выпускного бала весёлые нарядные стаи уже вчерашних десятиклассников бродили по набережным, сидели на каменных скамьях и гранитных ступенях. Вся жизнь впереди!

А мир был уже взорван, надежды сокрушены, но миллионы людей в России ещё не знали об этом.

Таня в субботу легла рано: надо хорошенько выспаться. Нина обещала свозить её с подружкой на Кировские острова. На всё воскресенье!

И опять снились полёты. Над свинцовой рекой, медно-золотыми куполами и шпилями, над сиенитовыми сфинксами. В грозном, в тучах и молниях небе с диким рёвом кружили боевые самолёты, того и гляди, полоснут острыми крыльями. Пришлось снизиться, погрузиться в зной, в духоту.

Таня беспокойно ворочалась, раскрывалась. Мама то и дело укрывала её, шептала успокаивающе:

– Спи, спи, доча.

Они спали в одной кровати. С раннего детства так повелось, когда обнаружилась болезнь – костный туберкулёз в ребрах. Тогда жив был ещё отец и стояли рядом, впритык, две кровати. Танюшка спала то с папой, то с мамой. Ей хорошо, и им по ночам спокойнее.

– Спи, спи, доча.

А самой уже не уснуть. С трёх часов ночи гул самолётный не утихает. «С чего так разлетались? Учение, манёвры проводят», – объяснила сама себе Мария Игнатьевна, а на душе всё равно тревожно.

«Нет, не будет сна», – поняла и тихо ушла на кухню.

УТРО

На часах-ходиках стрелки показывали половину пятого. «В шесть заговорит радио, на весь дом заиграет, – подумала Мария Игнатьевна и выдернула из розетки вилку громкоговорителя. – Сегодня воскресенье, пускай отоспится трудовой народ».

Первым делом – тесто на крендель поставить. На все семейные торжества выпекались особенные, савичевские крендели с изюмом, красавцы великаны почти метровой длины. Когда-то такую традицию завёл Николай Родионович. И выпекал сам...

Вспомнив покойного мужа, Мария Игнатьевна пригорюнилась, но – дело есть дело. Закатала рукава сатинового халата с поблёкшими турецкими узорами, надела передник. Подумала было с досадой, что банка с изюмом в комнате, в буфете осталась, но успокоилась, рассудив, что до изюма черед дойдёт, когда весь дом уже на ноги поднимется.

Только опару поставила, пришла бабушка.

– Что ни свет ни заря встала?

– Утро доброе, мама. С днём рождения тебя, с праздником!

– Какой уж праздник, Маня. Восьмой десяток почти споловинила, – без сожаления и грусти как факт отметила Евдокия Григорьевна. – Чем в завтрак кормить будем?

– Яичницу можно, сыр. – Мария Игнатьевна неопределенно повела округлым плечом. Дети не избалованы разносолами.

– Приелись им яйца да сыр. Нажарю я котлеток.

– Вот угодишь. Они твои котлеты обожают. Ни у кого такие сочные и вкусные не получаются, – без лести, ничего не преувеличивая, сказала Мария Игнатьевна.

Бабушка открыла форточку, прислушалась.

– Отлетались. Полночи жужжали.

– И Таню самолёты тревожили, раскрывалась поминутно.

– Изнурила маленькую жара. Что за лето? Не припомню такого.

– Войны бы только не было, – сказала вдруг Мария Игнатьевна невпопад. С ночи отчего-то мысль эта в голову лезла.

– Ну, с Германией у нас теперь пакт о ненападении, – авторитетно напомнила бабушка.

В будние дни радио на кухне разговаривало с утра до ночи, бабушка всегда была в курсе всех событий.

ЛЁКА

Пришлёпал босой, полуголый Лёка. Так Леонид сам себя в детстве окрестил.

– С днём рождения! Будь здорова, живи сто лет!

– Сто не сто, а правнуков понянчить надеюсь, – со значением отозвалась бабушка. – Жениться-то думаешь? Какой год Вале голову морочишь.

– Я бы на её месте давно на него рукой махнула, – включилась заинтересованно мама. – Такой девушке проще простого свою жизнь устроить.

– Внешностью, характером – куда уж лучше, – пустилась агитировать бабушка. – И не посторонняя какая-нибудь, на одном заводе трудитесь. Не ценишь, не видишь, даром что очки на носу.

Лёка предупредительно выставил ладонь:

– Ниже пояса не бить.

Сильная близорукость – Лёкина беда. Разлучила с любимым футболом, закрыла мечту стать радистом-полярником, превратила в белобилетника, то есть негодного для службы в армии.

Бабушка потерявила русый вихор, произнесла назидательно и ласково:

– Разве я боль тебе причинить хочу? О счастье твоём пекусь. Двадцать четыре, а всё в холостяках.

– Женюсь, бабушка, женюсь.

Пустил воду из крана над раковиной. Сильная струя ударила в зашарканную эмаль, во все стороны полетели брызги.

– Лёка!

Он уменьшил поток, наклонил мускулистую спину, стал плескаться. Уже растирая плечи жёстким полотенцем, вспомнил о подарке, припасённом загодя и спрятанном в одном из ящичков необъятного буфета.

– Прости, бабушка, забыл! – и направился в комнаты.

Мать шикнула вслед:

– Потише там, девочек не разбуди.

– А я уже здесь!

На пороге кухни стояла Таня. Глазища сияют, точно не со сна, а с прогулки человек явился. И – сразу к бабушке с поздравлением.

Бабушка медленно-медленно развернула сверток. В нем оказалась пластмассовая фигурка, восточная девушка с кувшином.

* * *

Евдокия Григорьевна любила всякие безделушки, в доме было множество статуэток из фарфора, керамики, стекла, деревянных и металлических. Пастушки с ягнятами, мальчики со свирелями, собачки, птицы, котята в корзинках, лилипуточки в кринолинах и даже большой, полуметровой высоты рыцарь. Вообще, рыцарем его только называли, в действительности это был древний римлянин или грек, воин с копьём. Все Савичевы, конечно, знали про бабушкину слабость.

– Прелесть какая! И дорогая, видать, слоновой кости.

– Что ты, бабушка! – успокоила Таня, радуясь, что так удачно выбрала подарок. – Она из пластмассы.

– Не может быть. Такая тяжелая!

– Это подставка, много весит.

– Всё равно замечательная вещь. Ну прямо как из Эрмитажа!

– Тогда вот тебе для пары ещё одну турчанку-персиянку, – и Лёка протянул точно такую же статуэтку. – И духи в придачу.

Нина – от себя и Миши – преподнесла тёплый клетчатый платок, а Мария Игнатьевна – нарядный передник собственной работы.

– Вконец задарили, – растрогалась бабушка.

– А кто-то ещё должен что-то подарить, – интригуяще сказала Таня. Она имела в виду дядей и Женю.

ЖЕНЯ

После замужества старшая сестра переселилась на Моховую улицу. Однако не сладилось у неё с Юрием, разошлись. Женя осталась одна, в доме на Васильевском бывала по воскресеньям и праздничным дням и приезжала обычно к обеду. Бабушку поздравить явилась утром.

– Где ты раздобыла такое чудо? – Бабушка со всех сторон разглядывала старинный фарфор – чашку с блюдцем. Синий кобальт с золотом, в овальных рамочках цветные миниатюры, кавалеры и дамы на фоне королевского замка. – В Гостином и Пассаже такие не продают.

– В комиссионке, – небрежно пояснила Женя. Она понимала в вещах, но была к ним равнодушна.

– Уйму денег, должно, ухлопала. – Бабушка радовалась и одновременно беспокоилась: издержалась Женя сильно. Скромный заводской архивариус много ли получает? Такой фарфор треть зарплаты поглотил. – Сколько ж ты заплатила, Женечка?

– Сколько стоило, столько и отдала. Не твоя забота, оставим эту тему, бабушка. – И уже к матери: – Чем помочь?

– А ничем, дожарятся котлеты, завтракать сядем.

– Мы в комнате будем? – спросила Таня. В семейные торжества ели за большим столом.

Отличный был стол, раздвижной, устойчивый. На нём даже в китайский теннис играли, в пинг-понг. Вечерами вся семья вокруг усаживалась, каждый своим делом занимался, а Таня, когда совсем маленькой была, сидела посредине, в плетёной бельевой корзине. Низко над столешницей свисал шелковый колокол абажура.

– Конечно, в комнате, – сказала мама. – Вот и займись этим, а Женя поможет.

И сёстры, самая старшая и самая младшая, пошли готовить стол к праздничному завтраку.

– А что у тебя нового? – сразу приступила к расспросам Таня. – Где была, что видела?

– Какие у меня новости, – досадливо произнесла Женя. – Сижу в архивных бумагах, как мышь в норе. Позови-ка Лёку, пусть уберет свою музыку.

Стол был занят инструментами: гитары, банджо, балалайка, мандолина. Мандолина итальянская, с инкрустацией, на ней Лёка играет. Вчера здесь была очередная репетиция. Самодеятельные артисты струнного оркестра – Лёкины друзья-товарищи. Неспособные в музыке тоже при деле. Игорь Черненко считается «директором», а Вася Крылов – «администратором».

– Сейчас всё будет чин чином и чин чинарём! – весело заверил Лёка.

«Чин чином» – любимое присловье, а если добавляется ещё и «чин чинарём», то, значит, настроение распрекрасное.

«Музыка» переключалась на кровать и диван.

– Вот и полный порядок. Вопросы, предложения, просьбы? Нет? Следовательно, я свободен.

– Свободен, свободен, – подтвердила Женя. – Без тебя управимся. Посуду я сама, Танюша. Ты приборы раскладывай.

Это она умеет, и не только это, всем по дому помогает.

– А почему как мышь? – возвратилась к прерванному разговору Таня.

– Какая мышь?

– Которая сидит в архивных бумагах.

– Ну, это же не в буквальном смысле, – улыбнулась Женя. – Образное сравнение.

– Как в театре, когда артисты просто наряжены в костюмы крысиные, – вспомнила сразу «Щелкунчика» Таня. Женя, заядлая театралка, сводила её как-то на балетный спектакль.

– Ох, как ты испугалась вначале!

– Я же маленькая ещё была, – оправдалась Таня. – И не догадалась, что то ненастоящие крысы.

– Да, все мы и не всегда сразу обо всем догадываемся, – непонятно заговорила Женя. – А потом – поздно, поздно, поздно.

Почему сестра вдруг так расстроилась?

– О чём ты, Женечка?

– Да так, накатило, не обращай внимания на старуху.

– Какая же ты старуха! Тридцать два года! – рассмеялась Таня.

Дяди

Что-то они запаздывали сегодня. «Дядя Вася, наверное, уснул только под утро, а дядя Лёша ещё с прогулки не вернулся», – решила Таня.

Василий Родионович давно страдал бессонницей; Алексей же Родионович, напротив, засыпал мгновенно и вставал чуть свет. «Привычка – вторая натура, – объяснял он. – Василий кем был? Директором букинистического магазина, а книжные лавки когда открываются? То-то и оно. Заводскому снабженцу залёживаться никак нельзя, с восхода ноги в руки – и пошёл добывать то, без чего производству тормоз и крах».

Выйдя на пенсию, дядя Лёша добывал только свежие газеты, первым занимал очередь у киоска на Большом проспекте. С пачкой газет под мышкой заходил на Андреевский рынок, долго и придирчиво осматривал прилавки в торговом зале под стеклянной крышей, справлялся о ценах, но покупал редко. Просто удовлетворял любопытство.

В то утро он появился с букетом рыночных гвоздик.

– Дорогая и многоуважаемая Евдокия Григорьевна! – начал со старомодной церемонностью.

– Премного благодарна за внимание, Лексей Родионыч, – в тон ответила бабушка и вежливо осведомилась: – Почем нынче капуста на Андреевском? И какие разные новости вычитали спозаранку? Поделитесь, пожалуйста.

Они всегда так шутливо беседовали.

– На капусту внимания не обратил, хотя урожай в этом году и на неё отменный, а новостей – никаких. Если не считать учения МПВО, местной противоздушной обороны. Дворники все с красными повязками и противогазными сумками через плечо. Милиционеры при револьверах и противогазах.

– Вот оно что, – облегчённо вздохнула мама, – оттого и самолёты ночью гудели.

– Странно лишь, что прессу до сих пор в киоски не подвезли. Очередь выросла, как за хлебом в карточные времена.

– Ну, Лёша, вспомнил что, – сказала бабушка. – Слава богу, шестой год без норм обходимся, всего вдоволь.

Тане разговор о нормах и карточках был не ясен. В магазинах, продовольственных и промтоварных, не всегда купить всё можно, но то, что есть на полках и витринах, пожалуйста, без ограничений.

– Садись, Лёша, завтракать сейчас будем, – пригласила мама.

– Бежать надо, прессу не прозевать, – не без сожаления отказался дядя.

– Жениться бы ему в своё время, – не впервые высказала такое суждение бабушка. – Мужчины, особенно вдовцы, плохо к самостоятельности приспособлены.

– А Василий? – поддержала разговор мама.

– Он, Маня, однолюб.

Василий Родионович после трагической гибели невесты – она утонула на его глазах – поклялся всю жизнь хранить верность любимой.

– Все Савичевы – однолюбы, – убеждённо сказала мама. – Женя разошлась с мужем, он давно женился, а она так и не полюбила другого человека.

Война!

Таня никогда не видела дядей такими. Бледные как смерть.

– Слышали? Война!

Мама схватилась за сердце:

– Как – война?

Дядя Вася показал на чёрную тарелку «Рекорда». Таня поняла, включила радио. Духовой оркестр играл боевой марш.

– А мы в Дворищи собрались, – растерянно произнесла мать.

– Поездку отложить, – категорически распорядился дядя Вася, тяжело придыхая.

И бабушка обрела наконец голос:

– У нас же с ними договор...

Странно, а может, и совсем не странно, что никто ещё не назвал агрессора, но все и так понимали, кто напал на СССР.

– Нашли кому верить. Фашистам! – с укором сказал дядя Вася. – На рассвете напали. Вероломно! Уже бомбили Киев, Севастополь, Каунас.

Военные оркестры ещё долго играли марши по радио, затем, в полдень, все слушали заявление правительства и обращения к народу. Оно заканчивалось бодро и уверенно:

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

* * *

Тогда, 22 июня 1941 года, в первый день войны, оглушительный, сокрушивший привычный ход бытия, никто и не сомневался в обречённости врага. Более того, мы верили в скорую нашу победу. Не сразу поняли, что началась не простая война.

Потом, позже, её назовут Великой Отечественной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Война

Ничто, кажется, не изменилось в городе. Белые ночи, жара, очереди на остановках транспорта и у кинотеатров, суeta и многолюдье. Но в яркой по-летнему толпе всё больше зелёного и серого – солдатских гимнастёрок и шинельных скаток, наискось через плечо.

По асфальту и брусчатке маршируют колонны. Идут молчащим строем батальоны и полки, сформированные из вчерашних рабочих, крестьян, интеллигенции; лихо печатают шаг морячки и курсанты; стараются держать походную колонну ополченцы в штатском.

Танин дядя тоже попытался записаться в отряд добровольцев. Человек с красными глазами, не обратив внимания на боевую медаль за Первую мировую войну, глянул в паспорт и вернул: «Увы, гражданин Савичев... Следующий!»

* * *

– А следующий, – рассказывал обиженный дядя Вася, – щуплый, ниже на голову, в плечах уже. И – взяли!

– Значит, моложе тебя, лет на двадцать, – попытался объяснить и утешить дядя Лёша. – Какие из нас солдаты теперь. Отслужили своё, отвоевали, отработали. Н-да. Верно, племянник?

Лёка молча кивнул. В семье только Нина была посвящена в его тайную попытку уйти на фронт. Начальник цеха прилюдно выволочку устроил: «Дезертировать, понимаешь, вздумал! Кого надо, того взяли, кого можно, того отпустили. На две трети цех оголился, а кто срочные военные заказы выполнять будет?» А вечером, один на один, сказал мягко и сочувственно: «Куда тебе, понимаешь, с такими телескопами, Леонид, в солдатские ряды? В двух шагах без очков ни чёрта не видишь».

Всё верно, всё правильно, а смириться невозможно. Друзья-товарищи уже в армии. Игорь Черненко на второй день войны шинель надел. И не только парни. Женщины, девушки, подростки мобилизованы на оборонные работы. Нина с заводчанами роет окопы где-то под Рыбацким. Женя кровь сдаёт для спасения раненых бойцов и командиров. (В строжайшем, конечно, секрете от бабушки и мамы.) Мама, мастер-надомник швейной артели имени 1 Мая, на военный лад перестроилась: не модные блузки шёлковой гладью украшает – строчит рубахи и кальсоны для армии.

Нинин друг и воздыхатель Вася Крылов говорит: «Не судьба нам, Лёка, с оружием в руках сражаться, но и фронт без тыла не бывает». У Крылова совесть чиста: не на гулянке пальцы на левой руке потерял, в бою.

Он же, Лёка, по всем статьям годен: сердце, лёгкие, печёнки-селезёнки, мускулатура – всё чин чином, но глаза...

Никогда прежде не страдал так Лёка Савичев из-за своего слабого зрения. Думал с горечью и болью: «Школяры и те больше для победы делают».

ЗАДАНИЕ

– Слыхали радио? – Борька посмотрел на каждого из своей дворовой команды. – В сражения начинают вступать наши главные силы. Теперь Красная армия врежет фашистам по первое число!

До войны Борька Воронеж был как все, ничем особенно не выделялся, разве что неугасающим румянцем на тугих щеках. И вдруг выяснилось, что Борька – прирожденный командир, знаток военного дела.

– Самое верное оружие против вражеской брони – зажигательная бутылка, – доходчиво разъяснял Борька постановление о сборе миллиона бутылочной тары.

В первые дни войны ребята азартно помогали отрывать щели, узкие и глубокие окопчики для укрытия от бомб и снарядов. Потом очищали от хлама чердаки. Теперь срочно требуются пустые бутылки.

– Сделать противотанковую зажигалку пара пустяков. Берётся жидкость, которая сама вспыхивает на открытом воздухе, заливается до горла, затыкается пробкой, заливается сургучом – и всё. Врежут такой штуковиной по танку – бац! Стекло вдребезги – и пожар! Просто и дёшево. Одна бутылка – один танк!

Но к чему тогда целый миллион бутылок?

Вопрос был настолько детский, что Борька даже не счёл нужным отвечать лично. Кивнул неразлучному другу и помощнику Коле Маленькому.

– Растолкуй.

Сами-то они, очевидно, обсудили и продумали всё до мелочи.

– Погрузка, разгрузка, доставка, – затараторил Коля. – Ещё до фронта половину раскокать могут.

И потом, у фашистов же не только танки. Бронетранспортеры, броневики, другие броненосцы.

– Броненосцы – это уже корабли, – поправил Борька.

– А самолёты сбивать можно? – вежливо спросил рыжий Павлик.

Борька Воронеж, Коля Маленький, а за ними и вся компания рассмеялись.

– Ими же не из пушек выстреливают, вручную кидают, как гранаты. Подпустят танк совсем близко – и бац!

Сказал и замолчал, и все ребята притихли, об одном и том же подумали: не всякий раз удастся подпустить вражеский танк на близкое расстояние, не каждая бутылка попадёт в цель...

– За дело! – приказал Борька Воронеж. Буфеты, шкафы и шкафчики, антресоли, кладовки, чуланы уже обыскали. Пошли шарить по чердакам и подвалам.

КАРТОЧКИ

Все строго нормировано: на хлеб, мясо, жиры, сахар, крупы – на всё специальные карточки, плотные листочки, расчерченные на талоны. Без них не купить ни крошки, ни капли. Карточки именные и разной категории, то есть неравнозначные. Хлеба, к примеру, рабочим и ИТР, инженерно-техническим работникам, полагается на день восемьсот граммов, служащим – шестьсот, детям и иждивенцам – четыреста.

В столовых, кафе, ресторанах без карточек не поешь: за супы, котлеты, гарниры, кисели и чай вырезают талончики на крупы, мясо, сахар, жиры. А хлеба – по желанию: хочешь, бери сразу всю пайку, хочешь – часть. Для того и поделена в карточке каждая однодневная норма на пятидесятиграммовые доли.

– Ну и хорошо, что карточки ввели, – считает бабушка. – Никто не обойдён, а то некоторые в панику ударились. Скупают, выменивают, ловчат, самоличные бадаевские закрома устраивают.

Склады имени Бадаева размещаются в Московском районе. В деревянных хранилищах все городские продовольственные запасы.

Нормы не только на съестное. Одежду, обувь, ткани отпускают только по специальным купонам.

Вместо «купить» стали говорить «отоварить», «отовариться».

– Всё ничего, все терпимо, – считает бабушка. – Лишь бы на фронте удача была.

БЕДА

Военные сводки удручали. Дядя Вася прикинул к стене карту, наготовил булавок с флажками, но так и не сумел чётко обозначить линию фронта. Одесса, Киев, Брест, Смоленск, Таллинн – в наших руках, а часть Украины, Белоруссии, Прибалтики уже заняты фашистами. Гитлеровцы рвутся к Москве и Ленинграду, то есть уже восточнее и Одессы, и Таллинна. Поди разберись, где передний край. И росли, множилось недобрые слухи.

– Говорят, немцы уже в Стрельне.

– Не может быть! Туда ведь трамвай ходит, двадцать девятый маршрут!

Ленинград наводнили беженцы. От них узнавали невероятные новости. Будто 9 июля сдали Псков.

– Как же Миша выберется оттуда? – ужасалась мама.

От Михаила не было никаких вестей. В армию его взять не могли: не подлежал пока мобилизации. И домой, очевидно, выехать не успел. Дорогу через Кингисепп перерезали, на Лужском направлении шли жестокие бои.

– Как же он выберется оттуда?!

* * *

Оттуда значило не просто из деревни на Псковщине, а с территории, оккупированной германскими войсками. Уже стало известно, что они творят на советской зем-

ле. Жгут дома, зверствуют, убивают, не щадят ни стариков, ни детей. Беженцы такие страшные истории рассказывали, волосы дыбом вставали.

Началась эвакуация из Ленинграда. На юго-восток потянулись эшелоны. Вывозили не только детей, в первую очередь – детей, женщин, больных и немощных, но и целые заводы и фабрики, с оборудованием и людьми.

* * *

Ребят во дворе заметно поубавилось. Уехал и Серёжа, добрый, надёжный товарищ. Они учились в одном классе, Серёжа и Таня. Когда она болела, он был единственным мальчиком, кто навещал её. Девочки не в счёт.

И вот он пришёл в последний раз. Грустный, виноватый, будто по собственному хотению покидал Ленинград. Серёжин папа – военный инженер, преподаватель. Училище срочно переводят куда-то в глубокий тыл.

– Мы по приказу... – оправдывался Серёжа.

Многие эвакуируемые стеснялись своего отъезда, как бегства. Те, что оставались, ничуть не завидовали, даже сочувствие выражали, а Борька Воронец, тот не скрывал презрения: «Драпают».

Такое вот новое словечко в обиходе появилось. Или возродилось из времён Гражданской войны.

– Мы по приказу...

– Понятно, – напуская на себя равнодушие, сказала Таня.

– До свидания.

– Прощай.

– Я напишу тебе. Можно?

Таня повела плечом. Пиши, мол, если делать будет нечего.

Потом, позже, она не раз со стыдом вспоминала своё невежливое поведение. Не хорошо, обидно простилась с Серёжей. Может, они больше никогда-никогда уже не встретятся, не увидятся. Вдруг свершится мрачное предсказание Серого: «Скоро всем нам крышка».

СЕРЫЙ

Белые ночи кончились, но фонари не зажигались. С заходом солнца город погружался в настороженную темноту. Все окна были перечеркнуты бумажными крестами, плотно зашторены, ни один лучик не пробивается.

Автомобильные фары закрыли щитками с узкими щелями, в трамваях и троллейбусах тлели подслеповатые синие лампочки.

Военные патрули сурово требовали специальные пропуска у запоздалых прохожих.

Тугой размеренный стук метронома из чёрных раструбов уличных динамиков усиливал ощущение беды.

Разговоры в очередях становились всё тревожнее, слухи – один другого ужаснее. Говорили, что Ленинград окружают со всех сторон: скоро не выехать и не въехать, не подвезти продовольствие.

Магазинные полки опустели, исчезли даже банки с камчатскими крабами, которых до войны и за еду не считали. С мясом и маслом трудности, но овощей у зеленщиков и на рынках полным-полно и очереди в булочную не очень длинные.

Выкупать хлеб, отоваривать хлебные карточки стало обязанностью Тани. Магазин в соседнем подъезде, отчего не сходить.

Люди встречались в очереди, как старые знакомые. Таня многих знала в лицо, хотя не ведала ни имён, ни фамилий. Один из постоянных обитателей очереди в булочную ходил в любую погоду в долгополом сером плаще с потускневшими армейскими пуговицами. Таня и окрестила его мысленно «Серым».

Сиплым, булькающим голосом Серый высказывал самые безнадежные мысли, устрашал слухами. Дворник Федор Иванович постоянно обрывал его: «Не каркай, а то живо в трибунал сволокём». Никто, однако, не трогал Серого. Какой спрос с несчастного калеки! У Серого кисть левой руки неестественно подвёрнута, пальцы скрючены – будто лапка мертвой птицы.

Вчера Серый объявил:

– Со всех сторон света напирает, в клещи берёт. Скоро нам всем полная крышка.

Дворник цыкнул, пригрозил:

– Ты эти загробные слова брось, а то...

Да так и не договорил.

На всех стенах расклеены листовки: «Все силы на защиту родного города!», «Враг у ворот Ленинграда!»

ОСАДА

– Страсти какие! – ахала бабушка.

Мама слушала Нину молча, страдальчески вздыхала и заботливо подкладывала то земляничное варенье, то мочёную бруснику из прошлогодних запасов.

– Кормили нормально, – рассказывала Нина. – В Рыбацком. А под Колпином всё другое. И кормёжка, и жизнь. Как налетят, так всё забудешь. Окопы ещё до колена, лопатами от бомб закрывались.

– Страсти какие!

Нина ужасно изменилась за эти несколько недель. Исхудалая, измученная тяжёлой работой и смертельными испытаниями.

– А потом и артиллерия стал доставать. Убитые, раненые...

Она умолкла, съёжилась. Будто морозом на кухне дохнуло.

В коридоре валялась одежда, испачканная глиной и землёй, в дырах и пятнах. И запах от вещей шёл какой-то неведомый: дымный, кислый, с примесью прогорклого.

– Женское сословие отпустили, а мужчины, годные и негодные к военной службе, остались на фронте.

– Фронт уже в Колпино? – ахнула бабушка.

Нина не знала точно, вошли немцы в Колпино или нет ещё, но говорили, что Гатчина и Вырица уже под угрозой, а Чудово...

– Чудово? – мрачно переспросил дядя Вася. – Значит, Октябрьская железная дорога перерезана...

– Не может такого стать, чтоб Ленинград от Москвы отрезали, – запротестовала бабушка. – Такое не допустят!

– Допустили, – с болью произнёс дядя Вася.

– До самых ворот, – уточнила Нина.

Все тяжело задумались. Германия в считанные дни, недели, самое большее – месяцы захватывала целые европейские государства, а тут – один город...

– Ничего, – подбодрила себя и других бабушка, – выстоим. Это же Ленинград, а не просто какой-то город. Даже не какая-нибудь... – она проглотила название страны, – которая сразу на колени опустилась. Ничего, я тут три революции и третью войну, наш город не сдаётся.

– Уже баррикады возводят, – вспомнила Нина. Она пробормотала ещё что-то. «Ежи», «рогатки» – остальное не разобрать. Фраза оборвалась на полуслове. Нина уснула.

– Главное – отогнать врага от городских ворот, – шёпотом досказала бабушка.

* * *

Германские войска были уже в четырёх километрах от Кировского завода. Повсюду слышался орудейный гул и пальба.

Из фронтовых районов города переселяли в центр мирных жителей.

Трамваи возили на грузовых платформах боеприпасы к переднему краю. Город всё больше превращался в осаждённую крепость.

ПРОГУЛКА

Они шли по привычному маршруту, по тем же улицам и набережной, мимо тех же зданий и монументов, но всё выглядело иначе, стало другим.

В Румянцевском саду военный бивак: машины, повозки, фургоны; стреноженные кони; солдаты вокруг жарких костров; дымят полевые кухни, котлы на колёсах.

В бывшем Кадетском корпусе теперь госпиталь. У главного входа всегда толпится народ, ищут своих, показывая фотокарточки, называя фамилии сыновей, братьев, отцов ходячим раненым: «Не встречали?»

Какой-то нерадивый обозник-фуражир, проезжая по набережной, рассыпал овёс. Дикая голуби и воробьи подбирали зёрна, сыто гулькали, чирикали весело. Всё – как всегда, но и сам город построжел, переделался в полевую форму.

Золоченные шпильки и шлемы замазаны маскировочной краской, Адмиралтейская игла зачехлена мешковиной, купол и ротонда Исаакиевского собора сделались похожими на каску с шишаком.

Медный всадник ограждён деревянным саркофагом, обложен снизу мешками с песком. Защищены многие статуи, а клодтовские кони покинули Аничков мост, зарылись в землю. Только сфинксы из древних Фив по-прежнему открыты на своих местах. Они на посту, а часовые не имеют права покидать пост.

Дядя Вася и Таня остановились у любимого спуска к Неве. У гранитных ступеней пофыркивал сизыми выхлопами с брызгами бронекатер, ждал кого-то.

Длинные стволы зенитной батареи целились с набережной в небо, где в прозрачной августовской выси медленно опускались после ночного дежурства аэростаты воздушного заграждения, серебристые баллоны, похожие на гигантских рыб с раздутыми плавниками.

* * *

Считалось, что германские бомбовозы не посмеют летать над городом, побоятся крылья обломать о стальные тросы.

Первая воздушная тревога, в ночь на 23 июня, вызвала большое волнение. Люди набились в бомбоубежища до отказа; отчаянно завывали сирены, гудели паровозы и пароходы.

Тревоги стали привычными, не всякого загонишь в подвал. Паровозы и пароходы теперь молчали, берегли пар в котлах, экономили топливо.

* * *

– Поплелась, – позвал дядя Вася.

Через мост Лейтенанта Шмидта двигалась колонна автобусов с детьми. Было несложно догадаться – эвакуируется детский дом.

– Как же они выедут, если на Москву поезда не ходят?

– Через Волхов, вероятно. Через Волхов пока можно.

Подчёркнутое голосом «пока» вызвало тревожное чувство.

– Пока – что? – спросила Таня.

– Пока Тихвин и Мга в наших руках, дружок. «А если фашисты захватят и Мгу, и Тихвин?» Она не огласила пугающую мысль, только крепче сжала дядину руку.

НАЛЁТ

Сто двадцать девятую воздушную тревогу объявили вечером 6 сентября, в субботу. Только-только чаёвничать собрались. Женя как раз приехала, получила на сутки отгул, две недели не выходила с завода.

Чёрная тарелка «Рекорда» требовательно повторяла: «Всем укрыться!..»

Быстро собрались идти в бомбоубежище, а Женя и не шевельнулась, безучастно сидела, привалившись к стене. Вялая, бледная, веки с длинными ресницами прикрыты, синие окружья у глаз.

– Пойдём, – заторопила бабушка.

– Никуда я не пойду, – вдруг заупрямилась Женя. – Надоело.

– Ты что такое городишь? – возмутилась мама. – Вставай немедленно.

– Не кричи на меня, – поморщившись, бескровным голосом отозвалась Женя. – Давно не девочка.

И вспомнила с едкой усмешкой:

– Юрочку сейчас в трамвае встретила. В командирской форме, кубики на петлицах. В Кронштадте служит, телефончик дал: «Если какая помощь – всегда готов. Как пионер!» Точно его наш папа покойный окрестил – «Краснобай».

– Пойдём, Женечка, – уже умоляюще повторила мама, отметив с состраданием, что дочь не излечилась от любви к недостойному, ветреному человеку. А он, наглец, новую супругу привел к Жене: «Знакомьтесь, будем друзьями».

– Пойдем, доча.

Зенитки бухали яростно и непрерывно.

* * *

Такого ещё не было. Ни за месяцы войны, ни за всю историю города. Сотни вражеских самолётов шли волна за волной, тысячи бомб обрушились на Ленинград.

Через сутки массивный налёт повторился. Последствия были ещё ужаснее. Пять часов рядом пылали бадаевские склады. Чёрные холмы и горы, зловеще подкрашенные снизу багровым и жёлтым, вздымались, разбухали, клубились, расслаивались тяжёлым жирным дымом. Пахло горелым зерном, жжёным сахаром, пережаренным маслом.

Главные продовольственные запасы города обратились в дым, впитались в землю, а путь на Волхов уже был перерезан, враг блокировал Ленинград со всех сторон.

ТЕЛЕФОН

Третьего дня позвонила Нина:

– Мама? Это я. Ты не волнуйся...

Отец, человек строгих правил, приучил детей, даже взрослых, к одиннадцати вечера быть дома.

– Опять дежуришь?

– Уезжаю, мама.

– Как? Куда?!

– С той же командой, – намекнула Нина. Значит, на окопы.

– Без еды, без вещей? Доча!

– Разъединяю, – вмешался непреклонный голос телефонистки.

– Так куда же ты, Нинурка?

Молчание в ответ.

* * *

Каждый день, придя из школы, Таня спрашивала о Нине и Мише. Ни писем, ни телефонных звонков. И вдруг 16 сентября – только вошла, разделась – частая, требовательная трель. Таня подбежала к настенному аппарату.

– Ниночка?!

– Номер семьдесят семь – ноль – три? – скороговоркой проверила соединение телефонистка.

– Да, семьдесят семь – ноль – три.

– Ваш номер отключается.

– Что? – не поняла, растерялась Таня и передала трубку маме.

– Алло, слушаю!

– Ваш номер отключается, – повторила телефонистка.

– Как отключается? Надолго?

– До конца войны.

Аппарат звякнул в последний раз и умолк.

– Как же Нина даст знать о себе? – ужаснулась Таня.

Через два дня узнали от Жени, что Нина в Пушкине.

Мама схватилась за сердце:

– Там же *они!*

ОТСТУПЛЕНИЕ

В парке бывшего Царскосельского лицея, где учился когда-то великий поэт, уже занимали огневые позиции немецкие батареи...

«Мессершмитты» носились на бреющем, били из пушек, строчили из пулемётов по всему живому.

Нина с подругой бежали с отступающими войсками. Машины и повозки переполнены ранеными, перегружены военным скарбом. Проси не проси – некуда посадить. Вдруг рядом притормозила трёхтонка с брезентовым кузовом. Молодой парень, белокурый, белозубый, пригласил:

– Эй, девица-краса, золотая коса!

Коса у Нины и в самом деле была золотой, прекрасной.

– Залезай с подружкой! – Шофер жестом показал на кузов.

Но тут из-за леса выскочили два немецких истребителя. Шофер выжал газ до упора и бросил машину вперёд.

– Во-оздух! – запоздало закричали командиры. Девушки нырнули в придорожную канаву, вжались в грязь.

Они догнали трёхтонку с милосердным шофером к вечеру. Обгорелая, искореженная машина валялась за кюветом вверх колёсами. Поблизости от неё лежала обугленная коряга – то, что несколько часов назад было живым, белокурый, белозубым...

В голосе, в выражении лица, в глазах Нины были ещё не отжитые страхи и страдания, свои и других людей, с кем накоротке сводила её судьба в эти кошмарные дни. За все двадцать три года жизни она не видела столько крови и смерти, но самым ужасным, неизгладимым было то, что случилось с молодым шофёром. За себя, даже задним числом, Нина не страшилась, но Таня, представив, что «мессеры» могли вылететь из-

за леса чуть-чуть позже и сестра успела бы залезть под брезент кузова, всхлипнула в голос.

– Что уж теперь переживать?! – Нина прижала к себе сестрёнку. – Всё позади. Таня подавила слёзы и вспомнила:

– А у нас телефон отключили. До конца войны.

БЛОКАДА

Они думали, что Таня спит, а она в уютной полудрёме всё слышала, только не показывала виду.

– Каширины свою девочку на Урал отправили, – сообщила мама.

Это не было новостью: Лина уехала ещё до начала школьных занятий.

– Надо бы и нашу маленькую вывезти подальше от войны, – сказала бабушка.

Мама вздохнула:

– Куда?

Все родственники остались там, под немцем.

Дядя Леша осторожно вспомнил о детских домах:

– Не все ещё эвакуированы.

– Бог с тобой! – напустилась бабушка. – Как можно подумать этакое?! Маленькую нашу – в сиротский приют!

Мама ни слова не произнесла, держалась, наверное, за сердце. Таня чуть не разревелась, так невыносимо сделалось жалко маму, себя, бабушку – всех Савичевых. И ужасно обидно вдруг стало, что за неё без неё решают.

«Никуда, никуда не поеду!» – чуть не вырвался крик, но вместо этого Таня привстала и взмолилась:

– Не эвакуируйте меня, не отдавайте никому! Не хочу одна...

* * *

А эвакуироваться уже и невозможно стало.

8 сентября гитлеровцы прорвались в Петрокрепость, блокировали Ленинград с суши, спустя восемь дней вышли к Финскому заливу, отрезали и от Кронштадта.

Три дуги упирались в водные пространства: моря, реки и озера, большого как море. Две дуги охватывали город с севера и юга, третья оцепила побережье от Финского залива до Петродворца. Самое широкое место блокированного пространства – двадцать шесть километров – насквозь простреливалось дальнобойными пушками.

Германский командующий обратился по радио к своим войскам: «Ещё один удар, и группа армий «Север» будет праздновать победу. Скоро битва с Россией будет закончена!»

В штабе лежали, отпечатанные в Берлине ещё летом, пригласительные билеты в ленинградскую гостиницу «Астория», на банкет 21 июля 1941 года. Они планировали захватить Ленинград с ходу...

К октябрю наступление выдохлось, фронт перешёл к обороне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОРОД-ФРОНТ

Та осень выдалась удивительно хороша. Сухо, тепло, всюду, где ещё не падали бомбы, где взрывная волна и рваный металл не искалечили, не умертвили живую природу, деревья стояли при полном параде – в цветных, расшитых золотом мундирах.

Густые и высокие шпалеры акаций ограждали центральный бульвар Большого проспекта Васильевского острова от проезжей части. Акации для того и высадили так

щедро в прошлом ещё веке, чтоб оберегать пешеходов от дорожной пыли, вздымаемой конными повозками и каретами.

По пути в школу и сейчас встречались повозки. Армейские.

ШКОЛА

Школа от дома близко: завернуть за угол, дойти до конца проспекта – и сразу, напротив и чуть наискось, монастырского вида кирпичная стена с литыми, постоянно распахнутыми воротами, за ними красное четырёхэтажное здание.

Танин класс был на третьем этаже, она сидела за партой у окна и часто поглядывала на улицу. Августа Михайловна то и дело замечания отпускала: «Таня, Савичева, не отвлекайся».

Она не отвлекалась, просто взглядывала в окно: в мире столько интересного! Теперь стекла перечёркнуты бумажными лентами, сами же ребята и наклеивали, зарешечивали окна.

Теперь – война.

– Дети, – сказала в первый день занятий учительница, – мы начинаем новый учебный год в городе-фронте. Когда-нибудь вас спросят, что вы делали в исторические дни Отечественной войны? И вы с гордостью сможете ответить: «Мы учились в Ленинграде».

– А где мы ещё должны учиться? – пожал плечами Борька, когда во дворе обсуждали слова Августы Михайловны. – Мы же ленинградцы. И потом, чем нам гордиться? Мы же не на передовой фронта, а внутри. Не мы стреляем, а по нам бьют.

– И бомбы сыпят, – добавил Коля Маленький.

Это его прозвище, а не фамилия. Коля – низенький, щупленький, а теперь и вовсе вроде уменьшаться стал, отощал вконец.

С мясом и жирами туго стало, хлебная норма в сентябре снижалась дважды. Рабочим полагалось четыреста, детям – двести граммов. Встаёшь из-за стола, дома или в школьной столовой, и уже хочется есть. Не то что голод терзает, а всё гложет и гложет постоянное ощущение несытости.

* * *

Сирена в школьном коридоре завывала несколько раз на день. Учителя спешно уводили всех в бомбоубежище, в подвал, где прежде была «раздевалка».

К тревогам привыкли, и разговоры отнюдь не о бомбах и снарядах. Вот и сейчас.

– Я до войны совсем не кушал макароны, – сознался вдруг рыжий Павлик. – Вот дурачок!

– Макароны по-флотски – мировая еда! – авторитетно заявил Борька и добавил мечтательно: – По-честному, я бы сейчас целую кастрюлю слопал и ещё добавки попросил.

– А я бы две кастрюли сразу. – Коля Маленький громко сглотнул слюну.

Таня не отказалась бы от макарон с мясом, но, конечно, нет ничего вкуснее на свете, чем бабушкины котлеты.

Она не заметила, что подумала не про себя, а вслух:

– Вкуснее бабушкиных котлет ничего нет на свете.

И все дружно заговорили о котлетах. Настоящих, с мясом, и кто какой гарнир предпочитает. Один – картофель, другой – гречу, третий – овощи. В чем все единодушны – в количестве, в объёме: как можно больше!

В глазах разгорелся нездоровый, голодный блеск. В конце концов кто-то из ребят не выдержал:

– Довольно об этом.

Если перед обедом рассуждать о вкусном, сытном, недоступном, ни за что не наешься супом или щами из хряпы.

И всё-таки школьный обед – это ещё один обед.

ДРОВА

Кот Барсик жался к чуть теплой кухонной плите, норовил запрыгнуть на конфорки, залечь в духовке.

В доме печное отопление, и пищу готовят на дровах. В тёплое время, конечно, пользовались примусом, но керосин стал нормированным и дефицитным, лавка в соседнем доме на запоре.

Надо поджидаться и с дровами. Зима грядёт, а топлива не припасли. До войны савичевская молодёжь помогала разгружать баржи у Тучкова моста. Работа оплачивалась натурой, дровами. Сейчас брёвна и доски шли на строительство боевых объектов: дзотов, блиндажей, мостов, огневых позиций. Где раздобыть дрова?

Бабушка, понаблюдав за Барсиком, сказала:

– Зима, видать, лютая будет. Кошки, они загодя холода чувят.

– А дров у нас – кот заплакал, – грустно пошутила мама.

Небольшой штабель двухметровой в подвале и поленница на кухне, под самодельной посудной полкой, – вот и все топливные запасы Савичевых с первого и второго этажей.

«СРОВНЯТЬ!»

Радио не выключается: в любую минуту может прозвучать сигнал тревоги. Или передадут фронтовую сводку – «От Советского информбюро...». Но о положении на фронтах и последние новости полнее становятся известны в очередях. Таня сама слышала, как Серый в булочной рассказывал про листовки с угрозами:

– Так и пишут: «Мы сровняем Ленинград с землёй, а Кронштадт с водой».

Дворник Федор Иванович сказал на это:

– Вражеская пропаганда, брехня, на психику давят, гады.

* * *

Нет, то было не запугивание, не пустое вранье. Варварский замысел отработан в плане нападения, множество раз повторялся в речах и приказах.

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта.

...Предложено тесно блокировать город и путём обстрелов из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй».

Директива № 1-а 1601/41 от 22.09.41 г. выполнялась пунктуально. В октябре на город сбросили – только зажигательных! – 42 290 бомб, выпустили 5364 снаряда. В берлинских штабах давно расчертили план Ленинграда на квадраты, пронумеровали важнейшие боевые цели. Объект № 295 – Гостиный двор, № 89 – больница имени Эрисмана, № 192 – Дворец пионеров, № 708 – Институт охраны материнства и младенчества, № 736 – средняя школа... Свой номер получили Эрмитаж, студенческие общежития, церкви и храмы.

ПУРГА

В последней декаде октября зачастили дожди, навалились промозглые туманы, даже снег срывался, а 28-го обрушилась настоящая пурга.

Бабушка пыталась отговорить Таню:

– Пересидела бы непогоду, маленькая. Как в этакую пургу в школу идти?

– Ба-бабушка, я давно не маленькая. И потом, хорошо, что пурга сильная: бомбёжки не будет. Нелётная же погода.

– Это я и без тебя знаю. Яйца курицу учить будут. – Сказала так, а сама посмотрела на Таню долгим взглядом. Осунулась маленькая до невозможности. Тёмные подглазья, впалые щёки, бесцветные губы – на всём печать военного лихолетья.

«Боже, да что ж такое делается! Детей изводим, бомбами убиваем, голодом морим!» – беззвучным криком вскричала душа и умолкла, сознавая своё бессилие остановить кровопролитие, оградить от беды хоть одного человека, внучку родную. О себе Евдокия Григорьевна и в мыслях не тревожилась, считала, что достаточно пожила на свете земном, не обделена ни радостями, ни горестями, потрудились вдосталь и сделала всё, что смогла, для своих детей, больших и маленьких.

Хлопнула входная дверь. Таня замерла над книгой. Кто это? Мама не могла так скоро вернуться: повезла сдавать очередную партию солдатского белья. Может, Лёку или Нину с работы отпустили? Или – Женя?

Пришел дядя Лёша. Заснеженный брезентовик с капюшоном, морозная бахрама на усах.

– Погодка! Н-да... – переводя дух, сказал дядя и расстегнул плащ. Под ним скрывался стеганный ватник. – С ног валит. Представляете? Потому, видно, и газеты не повезли.

– Слышала? – возобновила уговоры бабушка. – Стало быть, и высовываться на улицу нечего.

– А нам теперь по две тарелки супа в школе дают, – вдруг похвалилась Таня.

Это было правдой, как и то, что такую сказочно большую порцию заставляют съедать на месте, до капли. Выносить из школьной столовой еду запрещено строго-настрого. Разве Таня не поделилась бы с мамой и бабушкой, не принесла бы домой баночку со щами! Не разрешается. Учителя и сам директор следят за неукоснительным соблюдением жёсткого блокадного закона. В обычных и заводских столовых такого запрета нет, сёстры и брат иногда подкармливают кашей или супом.

Две тарелки супа – от такого не отмахнуться.

– Лёша, может, отведешь маленькую? – неуверенно предложила бабушка.

– Отчего же, многоуважаемая Евдокия Григорьевна, я – с удовольствием. Собирайся, Танечка.

Клетчатый деревенский платок перекрещивает грудь, узел – на спине. Из платка, шерстяной шапочки и ворсистого шарфа виднеются лишь глаза, большие серые глазища. Лямка из старого поясочка привязана к ручке портфеля и перекинута через плечо. Так надёжнее, не потеряется. И руки меньше мёрзнут.

– Бабушка, мы пошли.

– Ну, с богом.

ТАРАН

Зенитные батареи не смогли остановить на подступах к городу вражескую армаду. Ночное ноябрьское небо полосовали голубые кинжалы прожекторов, бризантные взрывы выдирали ослепительные клочья, трассирующие авиационные снаряды и пули роились, как пчелы.

В скрещении прожекторов кружили в смертельном хороводе два самолёта: истребитель и бомбардировщик. «Чайка» атаковала «хейнкель» с разных курсов, но подсту-

питься не просто. Многомоторный, хорошо вооруженный «хейнкель» яростно отстреливался.

Нина Савичева следила за поединком с заводской вышки поста воздушного наблюдения. Бой шёл почти над головой, самолёты высвечивались в ослепительно голубых лучах, точно в кино.

Вдруг «Чайка» ринулась без стрельбы прямо на «хейнкеля».

– У него кончились снаряды! – закричала напарница. – На таран!..

Удар – и оба самолёта рухнули. Отвалившиеся плоскости, словно крылышки серебрястых мотыльков, исчезли, кружась, в темноте. Лучи прожекторов ринулись было за ними, но сломались о крыши высоких домов и снова рванули кверху.

– Парашют!

Нина крутанула ручку телефона, доложила срывающимся голосом, что немецкий лётчик выпрыгнул с парашютом.

Она была уверена: немец, а не наш. Разве после такого страшного удара мог уцелеть в хрупкой кабине пилот!

– Усилить наблюдение! – прозвучало в ответ из штаба заводского МПВО.

Они глядели во все глаза, так и через бинокль. И – проглядели. Уже услышав голоса со двора, увидели белый пузырчатый купол и чёрную фигуру парашютиста совсем близко, рукой, казалось, дотянуться можно. Он опустился прямо в заводской двор.

– Усилить наблюдение! – крикнула напарнице Нина и бросилась по шаткой лестнице вниз.

Когда она прибежала на место чрезвычайного происшествия, лётчика уже обезоружили и крепко держали за руки. Толпа угрожала немедленной расправой: «Попался, стервятник! Бей фашиста проклятого!» Дежурные с повязками на руках с трудом сдерживали наседающих заводчан. Многие уже потеряли родных и близких, на фронте и здесь, в городе.

Пленный лётчик, высокий, чуть сутулый богатырь, похожий на молодого Горького, пришёл наконец в себя после удара и не совсем удачного приземления.

– Где у вас телефон? Свой я, свой.

* * *

Алексей Тихонович Севастьянов совершил ещё много подвигов на Ленинградском фронте и погиб в воздушном бою 23 апреля 1942 года. Ему посмертно присвоили звание Героя, но самолёт с останками нашли в торфяном болоте лишь двадцать лет спустя.

На Калининщине, в родной деревне героя установили памятник. Старая крестьянка, Мария Ниловна Севастьянова, прижалась к гранитной, скульптуре, заплакала: «Какой ты холодный, Лёша. Дай я тебя хоть каменного обниму...»

ОБОШЛОСЬ...

Трамвай еле-еле двигался, замедляя ход до скорости пешехода на участках с предупреждающими табличками «РЕМОНТ», у дощатых ограждений с надписью: «ГИХИЙ ХОД. Опасно – неразорвавшаяся бомба!» Пассажиры ничего этого не видели. Окна были в сплошной наморози, никто не вытаскивал дыханием глазки: не было сил.

Нина слышала сквозь липкую дрёму голоса. В трамвае обсуждали ночной воздушный таран.

– Наш сокол прямо в Смольный спланировал.

Охрана, значит, к нему, со штыками наперевес: «Хен-де хох! Сдавайся, гад!» А он смеётся: «Своих, ребята, не узнаете?»

«Не в Смольный он приземлился, у нас на заводе», – хотела поправить Нина, а язык не ворочается.

– А «хейнкель» прямо в Таврический сад врезался.

– И фашист разбился?

– Нет, выпрыгнул тоже. Его уже на улице Маяковского схватили.

– Ох-о-хо, – горестно протянули по-старушечьи, – дожили: немецкие парашютисты у Невского разгуливают.

Сиплый булькающий голос заговорщически сообщил:

– Листовки кидают: «Седьмого будем бомбить, восьмого будете хоронить».

Нина тоже такую листовку видела. Подумала сейчас сонно: «До седьмого три дня. И дома три дня не была. Как они там?» И ещё подумала: получили ли праздничный паёк? Ко дню Октябрьской революции дополнительно выдавали детям двести граммов сметаны и сто картофельной муки, а взрослым – по пять соленых помидоров.

– Напугали! – нервно отозвалась женщина. – Будто по праздникам только бомбят. Почти каждый день кидают.

– Академии художеств общежитие начисто порушили, – в подтверждение вставил булькающий голос.

Нину как током ударило.

– Какое общежитие, где?!

Мужчина со скрюченной рукой, в шапке-ушанке со спущенными наушниками, в сером командирском плаще без петлиц и нашивок равнодушно уточнил:

– На Васильевском, Третья линия.

– Напротив нашего дома, – чуть слышно произнесла Нина и ватно поднялась на ноги: – Где мы?

– Мост сейчас будет, – подсказал кто-то.

И в самом деле трамвай, усиленно гроыхая, двинулся по мосту Лейтенанта Шмидта. Нина заторопилась на выход. За долгий путь народу в вагоне набилось много.

– Позвольте, позвольте, – лихорадочно бормотала Нина. – Наш дом напротив...

Люди, сочувствуя, помогали, как могли, пробиться к дверям. Улицу, обе линии, аварийно перекрыли с обеих сторон, от Большого проспекта и от Невы. Военные, пожарные, дружинники, санитары. Небритый милиционер из оцепления преградил путь:

– Назад.

– Пустите!

– Не положено, гражданка.

– Я... Я там живу!

Родной дом, нижние его этажи не видно из-за санитарного автобуса, но напротив... Бомба весом с полтонны ударила в стык студенческого общежития Академии художеств и жилого дома.

В зияющем провале комнаты с остатками мебели и домашних вещей, как бы выставленных напоказ; раскачивающийся на ветру шёлковый абажур; лестничный пролёт, ведущий в никуда...

– Пустите! Пожалуйста!

– Документы.

У неё пропуск МПВО на право прохода и проезда после сигнала «Воздушная тревога» и паспорт. Милиционер взял только паспорт, раскрыл на странице со штампом прописки.

– Проходите, гражданочка. И не волнуйтесь так, в вашем доме убитых нет.

Под ногами обломки кирпича, известковое крошево, хрустальный бой. Вот и родной дом, «итальянские», без переплётгов, окна.

В квартире не уцелело ни одно стекло. В толстой наружной стене глубокие трещины – чёрные молнии, застывшие в кирпичной кладке.

Нина осторожно приблизилась к слепому проёму. Прислушалась.

Ни шороха, ни голосов.

С трудом – силы вдруг покинули её – отворила двери подъезда, поднялась на тринадцать ступеней, подошла к квартире и потянула за ручку.

В маленькой прихожей темно и пусто.

– Есть кто? – осевшим голосом позвала Нина. В ответ ни звука.

– Эй! – в страхе и отчаянье закричала, и тогда лишь приоткрылась кухонная дверь, пахнуло теплом, колыхнулся жёлтый свет.

– Нинурка, ты?

– Я, я, мама! Все живы?!

– Живы, доча. Обошлось...

ОКНА

Маскировочная штора из плотной чёрной бумаги была приподнята, в перечёркнутое окно вливалось серое ноябрьское утро. Предметы и люди выглядели, как в рыхлом тумане, смутно и расплывчато. Когда приоткрывали дверцу топки, из чрева кухонной плиты полыхало оранжево-багровым, лица и вещи высвечивались, воскрешались.

То, что окно кухни выходило в закрытый двор, было удачей. Вообще, когда единственное тёплое место в квартире находится в безопасной глубине дома, большое счастье. Мало вероятно, чтобы снаряд или бомба угодили в дворовый «колодец», высчитал дядя Лёша. Окна его и дяди Васиной комнаты смотрят на улицу, а потому наглухо закрыты фанерой и тюфяками, как и бывшие «итальянские» окна в первом этаже.

Раньше, до бомбового удара по общежитию художников, на широких подоконниках стояли кадочки с многолетним виноградом. Отец, покойный Родион Николаевич, любил это растение. Он и лимоны дома выращивал. Лимонное деревце давно усохло, а виноград погубила бомба, иссекла осколками стёкол.

Укутавшись в одеяло, Таня лежала на самом уютном месте в доме, в кухне, на бабушкином сундуке. Он был там всегда, с незапамятных времён. Чёрный, лаковый, с фигурными металлическими накладками, окованный косой сеткой из блестящей жести. И – вечно на запоре. Что уж там хранилось, какие клады прятала в сундуке бабушка, – Тане было неизвестно. Впрочем, эта тайна её и не занимала.

Она приходила из школы замёрзшая. Отопление не работало, в классах стоял холод, да и большую часть уроков проводили в подвале, где даже чернила подмерзали. Ледяные корочки протыкали или вытаивали дыханием, как «глазки» на замерзших оконных стёклах. И вообще, давно подмечено: когда хочется есть, сильнее мёрзнешь, холод ощущается ещё холоднее.

БАРСИК

Опять он куда-то исчез. Барсик в последнее время надолго и часто пропадал, охотился где-то или решал свои котячьи дела, затем объявлялся так же внезапно, как ис-

чезал. Дядя Вася шутливо и по-книжному называл его *Кот, который гуляет сам по себе*. Таня читала сказку Киплинга, у него не кот, а кошка.

Странно: столько крыс развелось, а кошек убавилось, будто не кошки охотятся за крысами, а наоборот. И собаку редко увидишь, да и то лишь с хозяином.

Раньше, когда ещё жил папа, в доме была собака, колли по имени Джильда. Красавица и силачка, запросто катала Таню на саночках по дорожкам Румянцевского сада. Сейчас, вспоминая о Джильде, Таня радовалась, что у них нет никакой собаки. Только вчера прочитала объявление на заборе – «Куплю хорошую овчарку!»

Овчарки крупные, а собачье мясо, говорят, не уступает по калориям баранине.

Сразу после ноябрьских праздников стало известно, что войскам сократили норму хлеба на двести граммов. «Уж если воинам урезали, то чего нам, грешным и бесполезным, ждать? – сказал по этому поводу дядя Лёша. – Затянуть бы ремешок потуже, ан дырочки кончились». На что бабушка ответила: «Стало быть, новые протыкать придется».

И Женю очень расстроила весть о снижении фронтowego пайка. Она как раз в тот день приходила домой. Недели три не виделись, а показалось – годы. Когда всё время вместе, когда на глазах худеют и стареют, не так заметно, что с человеком делается.

Женя будто вдвое старше стала. Чёрные огненные глаза глубоко запали в чёрные провалы, кажутся потухшими кострищами. И голос тусклый, погасший. Долго, не мигая, смотрела на Барсика, который сидел у Тани на коленях. Прошелестела вдруг отрёшённо: «Мама, знаешь, кошек можно резать».

Таня ужасно испугалась, прижала Барсика к себе, а мама спокойно и твёрдо сказала для всех: «Что вы, ребята. Не будем нашего Барсика трогать».

Маму никто не посмеет послушаться. Никогда, никому не позволила бы Таня что-нибудь сделать с Барсиком, но он, наверное, уже никому не верил, сбежал во время очередной воздушной тревоги, воспользовался суматохой. Где он, что с ним? Для тех, кто не знает маму, слова её не указ, не преграда. Для голодного человека – тем более.

Голод

Начальник генерального штаба фашистской Германии записал на 89-й день войны: «Кольцо окружения вокруг Ленинграда пока не замкнуто плотно, как этого хотелось бы... положение здесь будет напряжённым до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник голод».

К началу блокады, 8 сентября, в Ленинграде насчитывалось два миллиона восьмьсот семь тысяч жителей, четыреста тысяч из них – детей. Запасов продовольствия из расчёта жёстких блокадных норм было на две-три недели. А ждать помощи неоткуда.

К тому времени все железные и шоссейные дороги, все пути перерезали, в небе над Ладожским озером господствовала вражеская авиация. Последняя надежда – изыскать внутренние резервы.

С пивоваренных заводов увезли солод и дрожжи, у интендантов отняли лошадиный корм – овёс, на кожевенных фабриках изъяли опойки, шкурки молодых телят. В торговом порту обнаружили тысячи тонн жмыха подсолнечника, в мирное время его сжигали в пароходных топках. Соскребли многолетнюю производственную пыль со стен и потолков в мельничных цехах, вытряхнули, выбили каждый мешок из-под муки и круп.

Ячменные и ржаные отруби, хлопковый жмых и шроты – выжимки сои, кукурузные ростки и проросшее зерно, поднятое водолазами со дна Невы из затонувших

барж, – все, что годилось или могло сгодиться в пищу, взяли на строгий учёт и под охрану.

Постоянное недоедание подтачивало здоровье, губило людей.

Врачи всё чаще называли причину смерти – «истощение организма». Две страшных болезни расплозились по городу: описанная в книгах о полярниках и морях палаточного флота цинга и даже не каждому медику известная – алиментарная дистрофия.

И всё же голода ещё не было, население трагически сокращалось от бомбёжек и обстрелов.

ХЛЕБ

Хлебозаводы выпекали только формовой хлеб – «кирпичики». Круглый, подовый, выкладывается на пол печи и требует особого замеса. В жестяное корытце, форму, можно любую примесь добавить, воды подлить. Но и на такой, на три четверти из примесей хлеб не хватало муки. 30 ноября нормы снизились ещё раз. Теперь хлеба рабочим и ИТР – по 300 граммов, остальным – по 150.

Остальным – это служащим, это старикам, немощным пенсионерам – в общем, иждивенцам. И – детям.

– Сто пятьдесят, – пробулькала Серый, словно взвешивая на слух крохотный ломтик хлеба. – Сто пятьдесят...

Таня по-прежнему называла его про себя «Серым», хотя он и сменил затрапезный плащ на кавалерийскую шинель со споротыми петлицами. Человек этот, быть может, до того как стал калекой от несчастного случая или несправедливости, сломавшей всю его судьбу и жизнь, ходил в героях Гражданской войны, а то и в мирное время командовал войсками. Впрочем, кроме плаща и шинели, ничто не свидетельствовало благородное и благополучное прошлое человека со скрюченной, как птичья лапка, кистью руки.

Очередь молча внимала Серому, не поддерживая, но и не отвергая его суждений.

– Сто пятьдесят. Ещё одно снижение – и... И – смерть, – Серый не рубанул воздух, не отмахнул резко, а как бы выронил свою искалеченную руку.

– Меньше и впрямь смерть, – прошептал кто-то. Очередь не шелохнулась.

* * *

А через неделю в булочной № 403 в доме 13 на 2-й линии Васильевского острова, как и во всех других еще работавших магазинах, появилось новое объявление:

НОРМА ВЫДАЧИ

ХЛЕБА с 20 ноября 1941 г.

Рабочим и ИТР – 250 гр.

Служащим – 125 гр.

Иждивенцам – 125 гр.

Детям – 125 гр.

Сто двадцать пять граммов блокадного хлеба, пепельно-чёрный кубик на сморщенной ладони, главное, а то и единственное суточное пропитание, роковые сто двадцать пять граммов. Как жить, как выжить?

УРОК

Ребята сидели, втянув головы в воротники и нахохлившись, как замёрзшие птицы. Столом учительнице служил фанерный ящик из-под вермишели, коптилка – на уровне колен, и тени, уродливо увеличенные, искажённые подвальными сводами, тоже походили на птички. Будто поймали стаю, втащили, изломав крылья, в подземелье и оставили в полутьме.

Заниматься в бомбоубежище спокойнее, не надо бежать по тревоге вниз, подниматься после отбоя наверх, опять повторять то же самое. И ещё одно новшество: отменены домашние задания. До войны о таком и мечтать было невозможно, но сейчас это, принося облегчение, не давало радости.

– Так, – сказала учительница тихонько, чтобы не мешать другим группам, – теперь повторим общими силами, закрепим в памяти пройденное сегодня. Назови континенты, Воронеж.

Борька высвободил из шарфа рот, а остальные наклонились ближе к атласу, раскрытому на земных полушариях. Атлас учительница держала в руках.

– Европа, Азия...

– Не части света, – остановила учительница, – а континенты.

– Бац – и мимо! – сам над собою посмеялся Борька, но ни он, никто другой даже не улыбнулись. – Континенты: Евразия, Америка, Африка, Австралия, Антарктида.

– Так, хорошо. Вспомним, что нам известно о каждом из них. О Евразии нам сообщит...

Африка досталась Тане. Она выложила всё, что говорилось на уроке и что рассказывал дядя Вася.

– Египет, Фивы – очень интересно, – похвалила учительница.

– И про сфинксов здорово, – одобрил Борька Воронеж.

– А климат какой там?

– В Африке всегда-всегда тепло.

Ребята вздохнули от зависти; взлетели и мигом испарились десять клубочков пара. И Таня вспомнила о жарком-прежарком лете в Ленинграде и что вместо того, чтобы сидеть под открытым небом и впитывать в себя благодатное солнечное тепло, пряталась в тень, надувалась газированной водой с лимонным сиропом.

Все ребята, наверное, об этом подумали, потому что Коля Маленький – между низко надвинутой шапкой и высоко повязанным шарфом, точно мышонок из норы, торчал лишь кончик лилового носа, – Коля Маленький сказал:

– Кипяток с сиропом такая вкуснятина!..

– И с манной кашей – сила.

– А с мороженым? Высший класс!

– Тихо, – попросила учительница и прекратила опасный разговор. – Так. Кто нам расскажет об Антарктиде?

– Да ну её, Августа Михайловна, там холодно.

Учительница бесшумно всплеснула руками в толстых варежках.

– Воронеж! Это что еще за выходка?

– Там же и вправду вечные льды и морозы, – заступился за друга Коля.

– Тем не менее, у нас сейчас зима, а в Антарктиде началось лето.

Всем сразу захотелось в Антарктиду, но затренькал ручной колокольчик, звонок на перемену, долгожданный, вожделенный сигнал – «к супу!».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ЗИМА

Зима настала суровая и ранняя. Боевые корабли, выкрашенные белым, со снятыми до половины мачтами, срослись с рекой и берегом. Маскировочные сети шлейфом тянулись к парапетам набережных.

Заиндевшие сфинксы мёрзли на заснеженных ложах, постаменты едва возвышались над сугробами. Близ сфинксов чернел автомобиль со сгоревшими колёсами.

Столько снега никогда ещё, наверное, не выпадало в Ленинграде. Проспекты и набережные в сугробах, грузовики и санитарные автобусы продвигаются как по каналам, пробитым ледоколами. В улицы не въехать, там лишь проторённые пешеходами снежные траншеи.

Множество трамваев и троллейбусов застряли без электричества на маршрутах, зазимовали в пути. На мосту Лейтенанта Шмидта провода не вынесли тяжести снега и наледи, оборвались, повисли толстыми мохнатыми жгутами на столбах, скорчились на рельсах.

* * *

В запретные комендантские часы город выглядел необитаемым, покинутым людьми, собаками, птицами. Но внешнее впечатление было обманчивым. Ленинград жил, работал, держал круговую оборону.

На помощь рвалась вся страна, а – не пробиться, не попасть. Жители блокадного города гибли, как гибли воробьи и синицы от бескормицы и морозов. Вражеская авиация редко теперь нападала, артиллерии же зимние непогоды не помеха, тяжёлые взрывы ухали по всему городу.

РАДИО

Два-три раза в неделю Ленинградское радио выходит в открытый эфир, вырывается из блокадного плена.

«Слушай нас, родная страна! Говорит Ленинград».

Город-фронт не жалуется, не молит помочь, сдержанно, по-солдатски рассказывает о себе, из гордости и щадящего милосердия скрывает от других свои трагические будни.

Низкий, чуть задыхающийся женский голос напевно декламирует:

«Я говорю с тобой из Ленинграда,

Страна моя, печальная страна...»

– Оля, – по-родственному тепло произносит бабушка и усаживается поудобнее. До войны она не очень жаловала стихи. Голос Берггольц – голос доброй соседки, задушевной подруги, близкого человека.

Таня слушает пронзительные и простые слова, как свои собственные. Ольга Берггольц только произносит их. Вслух и для всех. Быть может, для всего мира.

Метроном стучит для ленинградцев, и тревоги объявляются только по местной радиосети, даже не всегда для всего города, лишь для района.

Стук метронома чёткий, размеренный, неотвратимый. Будто сердце стучит: тук, тук, тук. Вдруг частота резко увеличивается, как пульс у взволнованного человека: тук-тук-тук-тук. И следом...

Вот и сейчас, заглушив голос поэта, нервно зачастил метроном. Радиослушатели в других городах и странах ещё внимают стихам о кронштадтском злом, неукротимом ветре, а из чёрной тарелки на кухне хрипло звучит:

«Внимание! Граждане, район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта прекратить, населению укрыться».

Диктор проговаривает это будничным голосом, каким до войны сообщал об изменениях в расписании дачных поездов.

– Пойдем, маленькая.

Таня послушно идёт за бабушкой пересидживать тревогу в бомбоубежище. Вход в него из первого двора, сразу за аркой, не успеваешь по-настоящему вдохнуть свежий воздух.

И на улице слышно радио, и где-то совсем близко грохочут тяжёлые взрывы.

Крупные хлопья пухово ложатся на крыши, устилают улицу, облепляют нагие ветви деревьев. Все смотрится, как через вуаль с белыми горошинами, а Тане сквозь падающий снег дома видятся изъязвлёнными, точно оспенной рябью, осколками бомб и снарядов.

Раньше, когда было электричество, в подвале бомбоубежища можно было читать. При свете керосиновой лампы «летучая мышь» удаётся лишь разглядеть фигуры людей, не наступить на кого-нибудь. А радио не отпускает, следует по пятам. И под землёй стучит: тук, тук, тук.

...Звонко радуется рожок. Не сразу удаётся очнуться от дрёмы, понять, что радио извещает конец тревоги.

Обстрелы длятся долго, а зимние дни коротки. Когда Таня с бабушкой выходят из бомбоубежища, на воле уже темно.

Булочная

Город погружался в ночь, как в море: разлучался с прозрачным воздушным пространством, опускался в слепую толщу. Глубинная тьма вздымалась, отторгая и гася последние блики закатного солнца. И – уже сверху – наваливалась ночь, затопляя чернильно всё и вся.

Ни огонька, ни лучика. Лишь изредка возникнет и сгинет, как призрак, дымчато-зелёный геометрический знак – ромб, треугольник, круг. То прошёл человек с фосфоресцирующим значком. Их выпускает артель «Галалит». С такими значками проще разминуться, по такому значку скорее найдут упавшего на улице.

* * *

Длинная змея очереди за хлебом тускло помаргивала зелёным. Если бы не военные строгости, комендантский час, толпа не рассасывалась бы и на ночь, а так возрождается ежедневно, затемно ещё.

До войны закупкой продуктов занималась преимущественно бабушка, теперь за всем в одиночку не поспеть: всюду очереди. Дело Тани – отоваривать хлебные карточки. Тем более что булочная – ближе не бывает, за стеной квартиры. Сравнительно недавно они даже соединялись дверью, из комнаты можно было войти в нынешний магазин № 403. Булочная ведь была при пекарне и принадлежала трудовой артели братьев Савичевых.

Когда артель, в числе прочих кооперативов, ликвидировали, Танины дяди сменили профессию. Только отец, Николай Родионович Савичев, до конца жизни работал хлебопеком, замечательным мастером был.

Артельную пекарню перестроили в жильё, булочная же так и осталась булочной, но завозили в неё товар с хлебозаводов и кондитерских фабрик.

Долгие часы выстаивала Таня под заколоченными окнами своей квартиры, мерзла в ночной мгле в очереди у булочной, в которой ещё на её памяти отец и его братья выпекали хлеб.

Витрины тоже забраны фанерой и забиты досками, внутри булочной постоянные мглистые сумерки от коптилок и людского дыхания. Но какое счастье подойти наконец к прилавку!

* * *

Таня выпростала из шерстяной варежки руку с карточками и подала продавщице. Женщина в халате поверх зимнего пальто быстро и ловко отхватила ножницами талончики в каждом листке, уточнив мимоходом:

- На два дня, одним куском?
- Одним, – кивнула Таня, – но только за сегодня.

На чашку весов шлепнулся, будто подтаявший пластилин или комок глины, маленький, с ладошку, кубик хлеба. Продавщица добавила несколько довесков, крошек и выравняла язычки весов.

- Триста семьдесят пять.
- Спасибо...

Триста семьдесят пять граммов: сто двадцать пять – маме, служащей, сто двадцать пять – бабушке, сто двадцать пять – Тане. Она ещё относится к детям, а когда исполнится двенадцать, станет, как бабушка, иждивенкой.

Таня надёжно убрала карточки, намотала на руку ремешок сумки с хлебом и лишь потом выбралась из булочной.

Кипяток

Железную печурку с коленчатой трубой бабушка и мама почему-то называют «буржуйкой». Она не такая прожорливая, как плита, быстро накаляется, в кухне сразу делается жарко, но прогорают дрова, тонкое железо остывает – и конец блаженству.

«Буржуйка» очень экономная, но и на ней не вскипятить чайник без дров, а остатки поленицы из подвала давно перекочевали в квартиру, на глазах догорают. Вода в первых этажах пока есть, хотя перебои очень часты, приходится запасаться впрок, наполнять кастрюли, тазы, чайники, кувшин. На кухне держать всё это негде, а в комнатах вода замерзает, растапливать же лёд – лишний расход топлива.

Кому хорошо, так это дворнику Федору Ивановичу, в его служебном помещении стоит теперь высокий белый бак-кипяtilьник. Тепло, и горячей воды сколько хочешь. Остальным, населению домохозяйства, кипяток продаётся с часу до трёх дня по одному литру на человека.

* * *

Если в один присест выпить литр горячей воды, даже без крошки хлеба, возникает ощущение сытости. Будто две тарелки супу съел, бульоном пообедал. Увы, скоро, чересчур скоро организм разоблачает обман, голод возникает с новой силой. Злоупотребление жидкостью приводит к водянке: распухают руки и ноги, вздувается живот, расплывается лицо. Больная полнота ещё хуже, чем худоба и голодное измождение. Все это знают, читали, слышали, но как, чем заглушить, задавить неотступное желание, постоянную потребность, саму мысль о еде!

А кипяток стоил сущий пустяк, три копейки за литр.

* * *

Мама берет пятилитровый бидон, суёт в карман пальто кошелёк.

- Схожу за кипяточком, чайку попью.
- Ну, с богом, – напутствует бабушка.

МОГИКАНЕ

Во дворе давно никто не гоняет мяч, не лепят снежную бабу, не ищут забав ребячьей компании.

Таня встретила с Борькой и Колей случайно. Отнесла записку от мамы Ираиде Ивановне и встретила на обратном пути (Нащерины живут в третьем дворе, хотя и считается, что в том же доме).

Они обрадовались, увидев друг друга живыми и на ногах, но не подали виду. На последних занятиях из десяти ребят класса приходили в школу не больше пяти-шести.

– Привет, – сказал Борька Воронеж, а Коля Маленький лишь слабо шевельнул лиловым кончиком носа, и Таня невольно улыбнулась: опять ей подумалось, что Колин нос в узком промежутке между шапкой и шарфом, точно мышонок, выглядывающий из норки.

Борька по-своему объяснил Танину улыбку:

– Знаешь уже, слыхала радио! Здорово им наши врезали! Я ещё в шесть тридцать узнал, когда первый раз передавали.

Таня в то время стояла в очереди за хлебом, но весть о разгроме немцев под Москвой выплеснулась на улицу. Все были счастливы, даже Серый ликовал: «Теперь и нам сумеют помочь». И все вместе воспрянули надеждой: «Теперь могут и хлеба прибавить!»

Радио стало работать, как водопровод, с перебоями, хрипело, точно простуженное, никто не расслышал подробности сообщения Совинформбюро, но и то, что стало известно, потрясло. Наши, наши наступают, гонят врага, берут в плен, захватывают трофеи!

– Встречала кого-нибудь из ребят? – спросил Борька.

Таня отрицательно качнула головой.

– Значит, мы последние могикане. Читал такую книжку про индейцев? Мировая вещь! Вообще, когда хочется есть, индейцы очень помогают. В смысле, книжки про них.

Дома Таня поделилась Борькиным открытием, но книги «Последний из могикан», к великому сожалению, не оказалось ни в своём шкафу, ни у дяди Васи, а библиотека у него прекрасная.

Наверное, были и другие отвлекающие книги. Одно Таня знала твёрдо и точно: невыносимо слушать и читать о еде. Слова тотчас оживают, обретают реальную форму, цвет и даже запах.

ДЕКАБРЬ

Прошло больше месяца с памятного сообщения о победе под Москвой, но хлебная пайка не увеличилась ни на грамм даже для войск первой линии и экипажей боевых кораблей. В остальных воинских частях получали чуть больше рабочих.

Как плохо, что не надо ходить в школу, слишком много времени, которое неизвестно куда девать. Оттого и думаешь неотступно о еде, о хлебе.

По радио читали рассказ Толстого «Севастополь в декабре». Таня пропустила начало и не сразу поняла, что это не о Ленинграде. Она никогда не была на Чёрном море, не видела белокаменный город, который почти сто лет назад тоже сражался в осаде, героически оборонялся триста сорок девять дней и ночей.

«...Далекий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра».

Море на Второй линии Васильевского острова и летом не слышно, а выстрелы – пожалуйста.

И люди, их лица – будто Лев Николаевич Толстой описывал ленинградцев.

«...Вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом...».

Но вот:

«...по мёртвому, тусклому взгляду, по ужасной худобе и морщинам лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни».

Таня подняла глаза на бабушку и мысленно ахнула, с какой жестокой точностью и правдой Толстой нарисовал её портрет.

Разрыдаться бы, выплакать хоть часть накопившейся боли, но слёз у Тани почему-то нет совсем, высохли или замерзли.

«Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой...»

В Ленинграде похоронные марши давно не играют, а гробы ещё встречаются. Не розовые, конечно. Самый простой гроб, обыкновенный прямоугольный ящик из необструганных досок, и тот не купить за деньги. В придачу нужен хлеб, а где его взять, лишний хлеб?

«Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите...»

Трактирами называли дешёвые кафе, столовые, и Таня задалась вопросом: «А в трактирах вырезали талоны на крупу и хлеб?»

«...подают котлетки...».

Таня плотно зажала уши. Через варежки, платок и шапочку не проникает ни звука, но всё равно какое-то время видятся котлеты. Бабушкины, сочные, поджаристые, с одуряющим волшебным запахом...

Она очнулась в конце передачи.

«...Возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за Родину...».

«Это не верно, – мысленно заспорила Таня. – Разве можно отделить Ленинград от Родины? И потом, разве смерть – наслаждение? Смерть – это конец всему: наслаждению, страданию, жизни».

Мама очень беспокоится за Женю. Два или три дня назад приезжала на ночёвку Нина, рассказывала, что сестра неважно выглядит, опухла, отекала, еле передвигается.

Вчера, когда мама с бабушкой заговорили о Жене, дядя Вася, до того молчаливо отхлебывавший кипяток, произнёс странную, непонятную фразу: «У йом-фру Андерсен, в подворотне направо, можно приобрести самый лучший саван».

Бабушка опасливо взглянула на дядю Васю, но не стала ничего выяснять. И Таня, всегда такая любознательная, не спросила, кто эта Андерсен и почему её странно называют «йомфрой». Саван-то известно что – белое одеяние для покойников.

* * *

Запелёнутых в простыни, одеяла, скатерти умерших везли на детских салазках к ближайшим больницам и кладбищам, а то и складывали до первой оказии в заледенелые подвалы. Трупы увозили на грузовиках, как дрова, – навалом...

В Ленинграде лишь по официальным данным умерли от голода в ноябре 11 085 человек, в декабре – 52 881.

ДУРАНДА

Бабушка крошила соевые выжимки. Они были твёрдые, как окаменевший цемент. На «буржуйке» клокотала в кастрюльке вода, и бабушка вполголоса поругивала самое себя, что загодя не наготовила шроты, попусту вода кипит, топливо расходуется.

– Страсть, какая неразворотливая сделалась.

«Теперь все такие, замедленные», – чуть не сказала Таня. Она и по себе знала, что с каждым днём всякое движение не только дается всё труднее и труднее, но и вызывает внутреннее сопротивление. Не хочется вставать, идти, что-то делать, даже разговаривать.

– Что ты, бабушка, – слабо возразила, – ты у нас самая быстрая.

– Была, была быстрой, маленькая, – возразила бабушка, но отметила, оценила такт и поддержку: – А за доброе слово спасибо, оно иной раз дороже всего другого.

Беседу прервал дядя Лёша. Он упрямо придерживался давних привычек, спозаранку отпраплялся за газетами, потом изучал рынок, а на обратном пути непременно накапливал силы для восхождения на второй этаж, домой. Вот и сегодня постучался, прямо в кухонную дверь. Наружная не запиралась, и звонок электрический давно бездействовал.

– Что с фронтов сообщают? – сразу спросила бабушка.

– Повсеместно идут бои, – отделался общими словами дядя Лёша. В сводке почти так и было написано: «Шли бои местного значения». – А мороз, знаете какой? Тридцать два и ещё половина.

Он сбросил рукавицы, протянул застывшие пальцы к багровой стенке железной печки.

– Чем нынче на Андреевском торгуют? – уже равнодушнее спросила бабушка.

Таня недавно ходила с ней на рынок. Ничего похожего на довоенное время. Народу толпится множество, а съестного в продаже мало.

Предлагают столярный клей, клочки лошадиных и коровьих шкур. Из шкурок с добавкой клея получается отличный студень. Можно и одним клеем обойтись, запах, правда, очень уж неприятный – гнилостный.

Встречается деликатес – жмых подсолнечника. От него во рту удивительный вкус и аромат семечек и растительного масла. И съедается медленно – такой крепкий.

Торгуют горелой землёй с бадаевских складов. Она считается калорийной: не только сладковатая, но и жирами пропитана.

Давно ли мама заставляла рот промывать, если сунешь поднятую с земли ягодку, а теперь земля – обыкновенная еда.

Появился и новый продукт – торф. Его «открыли» ребята из ремесленных училищ, они же и пострадали первыми, набивая голодные желудки коричневой массой.

– Торфа избыток, – ответил бабушке дядя Лёша. – Нет на него охотников. И землицы вдоволь, а жмых исчез. Цены же на всё и про всё – красненькая.

«Красненькая» – бумажные деньги, тридцать рублей.

– Настоящие продукты не достать ни за какие рубли, только в обмен на другое съестное или особо ценные вещи. Представляете?

Нинины золотые часики давно пошли взамен кусочка сливочного масла для Жени, совсем она нехорошей сделалась.

Дядя Лёша заставил себя отодвинуться от печки и встать. Наперекор нежеланию.

– Привет дяде Васе, – сказала Таня.

– Передам, – дядя Лёша ещё помедлил уходить. – Ослаб он. Вот пойду завтрак разогревать, дурандой накормлю.

Две-три недели назад из дуранды пекли лепёшки, готовили кашу, теперь экономно варят жидкие супы.

– Ну, когда суп есть, жить можно, – убеждённо сказала бабушка. – Врачи нынче шроты и другие выжимки вместо лекарств выписывают.

Дядя Лёша кивнул, соглашаясь.

– Пошёл.

– Ну, с богом.

На кухне делалось тепло, хоть пальто снимай, но Таня знала: как только бабушка перестанет топить, быстро выстудится, а голодным дыханием не согреться.

ПРИБАВКА

Этого дня не просто ждали. Промедление грозило сплошным, катастрофическим мором. Алиментарная дистрофия, болезнь голодного истощённого человеческого организма, распространялась по городу с быстротой жестокой эпидемии. Уж и не дни, а часы решали участь людей. Многие, очень многие просто не смогли дотянуть, дожить до этого дня.

Впервые за все месяцы войны и блокады, впервые в Ленинграде норму хлеба не уменьшили, а увеличили, прибавили.

* * *

– Прибавили. Прибавили!

Обнимались, плакали от радости, поздравляли друг друга. И всё-таки до последнего момента, пока своими глазами не прочтут объявление в булочной, суеверно боялись поверить в спасительное чудо. Нет, всё так. на самом деле. Прибавили. Прибавили!

* * *

НОРМА ВЫДАЧИ ХЛЕБА 25 декабря 1941 года

Рабочие – 350 гр.

Служащие – 200 гр.

Иждивенцы – 200 гр.

Дети – 200 гр.

* * *

Дворник кого-то искал, вглядывался в закутанные фигуры. Мороз за тридцать градусов, все лица в белом кружеве. Кажется, толкнут человека – упадёт, рассыплется со звоном, как сосулька.

– А где это Иннокентий Петрович? – обратился к очереди дворник. Ни Таня, никто, наверное, другой не знали такого человека. – Что он теперь пробулькивает? Крышка всем! Нет уж!

«Вот кого он имеет в виду, Серого», – поняла наконец Таня. Конечно, у человека с искалеченной рукой были имя, отчество, фамилия. Обыкновенный человек. Может быть, он, как другие многие, выкупил хлеб на день вперёд, потому и нет сегодня в очереди. Но и вчера Таня не видела его.

Мама запрещает отоваривать хлебные карточки за завтра, она и однодневную пайку не всю на стол выкладывает. Делит на три равные части: завтрак, обед, ужин. Как бабушка делит на утро, день и вечер дуранду или другую горячую жидкость, именную супом.

В позапрошлом месяце удалось заполучить на рыбные и мясные талоны баночку шпрот на всю семью, целую неделю блаженствовали. Бабушка, мудрая и хитрая, варила шпротики в марлевом мешочке, по одной на человека.

Обедали ухой, ужинали копчено-варёной рыбой, а в завтрак макали ломтик хлеба в оливковое консервное масло...

– Нет уж! – ликовал дворник Фёдор Иванович. – Нас не накроешь. Сдвинули ихнюю крышку, щель образовали. По зимнику караваны пошли. С хлебом! Отсюда и прибавка, граждане-товарищи дорогие.

Значит, и это правда. Возобновилась связь с Большой землёй. Кто-то не крикнул, выдал стон:

– Ура-а...

ЗИМНИК

О ледовой дороге через Ладожское озеро, которую дворник назвал «зимником», поговаривали давно. Как ни засекречивай военную тайну, народ всё равно до конца запретного срока узнает.

Водный путь не оправдал надежд. Малотоннажным парходикам, баржам, тендерам, катерам, паромам не под силу штормовые волны, да ещё под огнем с неба и земли. Пушки из Петрокрепости били по фарватеру южной губы прямой наводкой. Не случайно встарь Петрокрепость называлась Шлиссельбургом – ключ-городом.

Большая трасса, крюк в сто двадцать пять километров из Новой Ладоги до посёлка с маяком Осиновец, требовала перегрузки с речных волховских судов на морские. Но и морские суда горели, опрокидывались, уходили на дно.

Ранняя и суровая зима закрыла навигацию, а лёд на озере-море не вдруг и не сразу обрел толщину и прочность для зимней дороги. Её опробовали 21 ноября. С Большой земли прибыл санный обоз, гружённый мукой.

Ледяной покров местами не превышал десяти сантиметров, много не повезёшь. Только месяц спустя удалось доставить через поле Ладоги продовольствия больше, чем выдавалось по смертельным нормам. Тогда и решились на прибавку хлеба.

УКРАЛИ...

Таня получила хлеб, прижала обеими руками к груди и выбралась из магазина. После душного полумрака и серый день показался чрезмерно ярким, слепил глаза. Таня зажмурилась, постояла так немного. Вдруг – знакомый голос. Сиплый, булькающий, тихий совсем.

– Карточку украли...

Даже не «украли», а – «укр-ра-алии».

Таня инстинктивно пощупала в варежке. Карточки были на месте.

Нет ничего ужаснее, чем остаться без хлебной карточки. На каждой напечатано грозное предупреждение: «При утере карточка не возобновляется». Лишиться карточки – гибель.

– Карточку укр-ра-алии. – Иннокентий Петрович не жаловался, не возмущался, не искал сочувствия, он просто сообщал о личной катастрофе.

В стеклянном, остановившемся взгляде не было страха, растерянности, только обречённость, смиренная покорность перед нею.

И Таня, не раздумывая, не глядя почти, отломил кусочек хлеба, вложила в скрюченную птичью лапку. Кто-то, дворник Фёдор Иванович, кажется, тоже отщипнул, и ещё за ним кто-то. Таня быстро, как могла быстро скрылась в подъезде.

Варежка сразу промокла, когда она ломала хлеб, и мгновенно схватилась морозом. Как бы не сломались карточки...

Квартира считалась на первом этаже, но находилась выше, в бельэтаже, и надо было подниматься до выложенной кафелем площадки перед входной дверью, на тринадцать ступеней. В три приёма Таня одолела высоту и присела на «завалинку».

«Завалинкой» бабушка в шутку называла приступок под лестничным маршем на верхние этажи. Очень удобное и уютное местечко. Сумку тяжёлую поставить, пока замок отпираешь, с подружкой посекретничать. Гости выходили к «завалинке» на перекуры.

Надо было собраться с силами и духом. Всё получилось вдруг, в слепящем порыве жалости и сострадания. Нет, Таня не раскаивалась, что дала хлеб Иннокентию Пет-

ровичу. Для него каждая крошка – спасение. Ему одну неделю выстоять, вытянуть. В январе новые карточки дадут.

Таня не жалела, что помогла человеку, но имела ли она право, честно ли распорядиться без спроса общим, всехним хлебом? Она ведь отломала от семейной пайки.

– Мама, бабушка, – заявила с порога. – Я ему кусочек нашего хлеба дала. У него карточки украла.

СМЕРТЬ

Мама вернулась ужасно расстроенная. Она застала Женю в постели, в берлоге из одеял и верхних тёплых вещей. Отёкшую, бессильную, равнодушную ко всему.

Мама изломала последний стул, затопила «буржуйку», вскипятила чай. Женя вроде бы воскресла, ожила и тогда-то и напугала.

– Как дитё стала бумажки рвать.

Малые дети, не умевшие ни читать, ни писать, маялись сильнее взрослых. Молча, сосредоточенно рвали или стригли ножницами бумагу, словно талончики от карточки отрезали, отоваривались.

– Ты что это делаешь? – спросила я, а Женечка не отвечает, продолжает своё безумное дело. Потом вдруг говорит: «С Юрой свяжитесь, он поможет. Не хочу без гроба, земля в глаза набьётся».

– Страсти какие, помолчи лучше, – запретила рассказывать дальше бабушка, показав на Таню: при маленькой не надо про такое.

– Да, да-да, – сразу подчинилась мама. Её заколотило, как от холода, хотя на кухне было тепло.

На другой день, в субботу, разбушевалась пурга, добираться до Моховой несколько километров – ни у кого сил не хватит. Ни у мамы, ни у бабушки, а Лёка и Нина давно на казарменном положении, не отлучиться с завода без разрешения.

На воскресенье, после ночной смены, Нину отпустили с работы.

Она подросла к последнему вздоху, к бестелесному шелесту:

– Юре... С Юрой свяжи...

– Хорошо, хорошо, – перебила Нина, успокаивая сестру, и даже взглянула деловито на часы: мол, сию минуту бегу исполнять твою волю.

Когда она опять наклонилась к Жене, её уже не было на земле.

БЛОКНОТ

Часы в доме такие же, как у Жени. Настенные, в дубовом корпусе с окошками. Через верхнее, круглое, видны циферблат и стрелки, за нижним, прямоугольным, качается, поплёскивая, бляха маятника. Часы с боем, завод двухнедельный.

Сейчас стрелки показывали то самое время, когда умерла Женя, – 12.30. Совпадение, незначительная, казалось бы, подробность вывели наконец Таню из душевного оцепенения.

Вчера, когда на семью обрушилось горе, Таня не уронила ни слезинки. Не потому, что каждодневные ужасы и трагедии ожесточили сердце, породили безразличие к страданиям других, равнодушие ко всем и всему.

Тане едва исполнилось шесть лет, когда умер папа. Она плакала, дома и на кладбище, не осознавая, что уже никогда, никогда-никогда не увидит его, родного, единственного. Сейчас всё было иначе: она понимала, что Жени нет больше на свете, но боль не пронизала сердце. Быть может, потому так получилось, что Таня ещё не видела Женю совсем и навсегда не живой.

Вчера и сегодня, до двенадцати часов тридцати минут, Таня думала неотступно об одном и том же. Прибавили хлеба, хлеба прибавили! Вместо ста двадцати пяти граммов – целых двести. Двести граммов хлеба на одного! А Женя взяла и умерла.

«Женя, Женечка, дорогая, милая, родненькая! Как же так: хлеба прибавили. В полтора раза, даже больше! А ты умерла...»

Женя умерла в 12.30.

На дубовых часах 12.30. Взгляд застрял на стрелках. Нет, сами стрелки замерли. Сколько времени не меняется Время.

12.30. 12.30. 12.30...

Таня сдвинула платок и шапочку, прислушалась. Тикают, идут. А стрелки на прежних местах – 12.30.

Внезапный и безотчётный страх скатился ледяной струйкой между лопаток. Таня, пятясь, вышла из комнаты, укрылась на кухне.

На часах-ходиках тоже было 12.30.

12.30. 12.30. 12.30...

Вдруг большая стрелка дернулась, судорожно перескочила на одно деление, как на школьных электрических часах. И в самой Тане что-то сдвинулось, изменилось, растормозилось. Поились слёзы. Тихие, безутешные, облегчающие.

Ей и прежде случалось оставаться одной дома, но сейчас одиночество было непеносимым. Мама с бабушкой чуть свет отправились на Моховую, собирать Женю в последнюю дорогу. Нина ушла ещё вчера, она должна была предупредить обо всём Лёку. Брат может в любой момент появиться, нельзя отлучаться, даже сходить на второй этаж, к дядям.

Таня опасливо подняла глаза. На часах 13.46. Уже 13.46! Побежало, понеслось время. Таня испугалась, что пройдёт ещё столько и забудется день и час, когда не стало Жени. Надо, непременно надо записать точно, до минуты. Но – где, куда? Все тетрадки в портфеле начаты, а новых в этом году так и не купили: не было. Тут и вспомнился Нинин блокнотик – подарок Лёки. Прекрасный, чудный блокнотик. Его и подержать приятно: маленький, лёгкий, шелковистый, весь на ладошке умещается. Как хлебная пайка. Обложка выклеена золотистым крепдешинном и серо-голубым шёлком. На внутренней стороне, где на фоне бледного жёлто-зелёного орнамента повисли кедровые шишечки, Лёка расписался за Нину – Н. Савичева.

Сестра сделала из него справочник чертёжника-конструктора, рабочий блокнот для себя. Половину, сорок шесть страничек, аккуратно черной тушью заполнила данными задвижек, вентиляей, клапанов, трубопроводов, всякой другой арматуры для котлов. А другая половина, с алфавитом, осталась чистой. Очень удобно, когда с алфавитом: сразу отыщешь, что надо.

Таня ещё поколебалась, можно ли без спросу, но решила, что Нина не обидится. Это ведь и для неё, для всех Савичевых. А Нине блокнотик сейчас без надобности. Завод выпускает другую, боевую продукцию. Всё равно блокнотику лежать в столе до конца войны.

В том же ящике письменного стола отыскался толстый синий карандаш. Нина иногда глаза им подкрашивала. Чуть-чуть.

Карандаш истерся или сразу был плохо заточен, но идти на кухню за другим не хотелось. И Таня ясным ученическим почерком написала синим грифелем на странице с буквой «Ж»:

Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г.

Посмотрела, подумала немного и подчеркнула имя – Женя.

ПОХОРОНЫ

Выяснилось, что на ближнее, Серафимовское, кладбище нельзя рассчитывать: все подступы к воротам завалены трупами. Надо везти Женю на остров Декабристов.

– Там и в могилку опустить удаётся, на Голодае, так сведущие люди говорят.

Бабушка называла остров по-старинному, и дядя Вася сказал:

– Какие провидцы на Руси были, в позапрошлом ещё веке высчитали, что будет война и блокада, что на островном кладбище будут хоронить тысячи и тысячи погибших голодной смертью.

Были и другие кладбища, на меньшем расстоянии от Моховой, чем Голодай, но мама отвергала их:

– Или на Смоленском, где отец лежит и братик с двумя сестричками, или, как бабушка советует, на Голодае.

Она имела в виду малолетних детей, умерших от скарлатины в девятнадцатом году. В одну неделю сгорели. Эпидемия в городе свирепствовала, а медицина – какая тогда медицина! Вражьи армии со всех сторон обложили Петроград. Вот как сейчас...

– И не дам без гроба везти, – твёрдо заявила мама.

На Моховой не удалось договориться. За ящик из горбыля заломили триста рублей и полтора килограмма хлеба. Мама обратилась к своему дворнику, Фёдору Ивановичу. Тот посочувствовал соседке, обругал коллегу с Моховой: «Креста на нём нет, грабитель!»

– Сделаю почти задаром, Мария Игнатьевна. Из уважения к вам – две сотни и кило. А с меня в придачу сани напрокат

– Откуда ж я хлеба столько возьму? – спросила не дворника, себя спросила мама.

– Так Евгения Николаевна сама ж припасла, можно сказать. Она когда преставилась? Двадцать восьмого. До конца месяца три дня, по рабочей карточке да при нынешней прибавке кило с довеском.

Карточки умерших полагалось сдавать вместе с другими документами, иначе не выдавали свидетельства о смерти. Нина такое свидетельство получила ещё во вторник.

– Вот уж напрасно, – осудил как неразумность Федор Иванович.

В иных семьях и по две недели скрывали покойников. Потому, кстати, и ввели перерегистрацию в середине месяца, чтоб ограничить незаконное пользование продовольственными карточками.

– Хлеб для усопших вроде выходного пособия от самого господ бога.

Мама кивнула, соглашаясь с блокадным, разумным мнением дворника, и повернулась уходить.

– Ладно уж, только из уважения... Но грамм двести хоть дадите? Силы ж нужны гроб сработать.

На том и условились, а дома уже мама вспомнила о Юре. Только как его найти, как связаться с Кронштадтом?

– Через Беллу Велину, – уверенно подсказала Нина. – Беру на себя. Человек она хороший, а Юра сам же говорил Жене, что, в случае чего, готов, как пионер.

Велина, вторая жена Юрия, работала переводчицей в штабе и жила, как многие другие военные и вольнонаемные, на Литейном проспекте, в Доме Красной армии.

И свершилось чудо. Юрий прибыл на машине, привёз две буханки хлеба и три пачки «Красной звезды». Папиросы ценились почти как хлеб.

Все моментально уладилось, организовалось.

На кладбище, у могилы, низко склонившись над гробом, мама спросила:
– Вот мы тебя хороним, Женя. А кто и как нас хоронить будет?

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЛОКАДА

Дорога жизни набирала темпы, но и мощный транспортный конвейер ледовой трассы не мог обеспечить нормальное снабжение. А на 1 января 1942 года мирных жителей было около двух миллионов.

Ежедневно умирало до четырёх тысяч. Экскаваторы не успевали выгрызть котлованы для братских могил; в ход, как в районах вечной мерзлоты, пошёл динамит.

Артобстрелы продолжались, но воздушные налёты временно кончились. Последний раз бомбили в начале декабря. Полутонная бомба вонзилась в землю во дворе университета, но не сработала. Сапёры огородили воронку, повесили таблички. Это спасло многих, когда через несколько дней прогремел взрыв.

Врачи называли дистрофию бомбой замедленного действия. Человеку кажется, что всё страшное позади, а он обречен...

Снег, мороз.

В искрящейся дымке заиндевелые призраки домов с чёрными провалами разбомбленных квартир. Над крышами – багряное облако: где-то никак не потушат очередной пожар.

ГОРЕ

Теперь, когда Жени не стало, Таня думала о ней чаще, чем прежде. Люди почему-то становятся ближе и дороже, когда уходят навсегда. И воспоминания о них только светлые.

Давно, ещё в первом классе, Таня получила строгое замечание от Жени. Не то или не так сделала, но такое, что для взрослых обычное. Таня обиделась: «Большим всё можно!» Женя погрустнела: «Увы, сестричка, увы. Дорастёшь до моих лет, поймёшь». А бабушка улыбнулась и примирила обеих: «Доспорите, когда с моё поживёте».

«Бабушкой я ещё буду, – подумала Таня, – а Женя – никогда...»

Горе в доме.

– Стало быть, вызнала смерть дорожку к нам. Скоро и за мной придёт, – просто и безбоязненно сказала бабушка.

Она сидела, одетая по-уличному и завернувшись в клетчатый шерстяной платок, хотя «буржуйка» топилась и в кухне было вполне терпимо. Последнее время бабушка сильно мёрзла, лицо потемнело и сморщилось, будто холод скукожил.

– Спасибо Юре, – благодарно вспомнила бывшего зятя мама, – так выручил. Женечке помог и нас топливом недели на две обеспечил. Это факт.

– Вы мои карточки сразу не сдавайте, – продолжала своё бабушка. – Ты меня не пугайся, маленькая, я тихонько полежу.

– Ба-абушка, – врасстяжку начала Таня, и вдруг голос сорвался до крика: – Что ты такое говоришь!

Крик получился слабым, со слезой, и Таня попросила жалобно:

– Не смей так думать.

– Яйца курицу учить будут, – фыркнула привычно бабушка, но и у неё ничего не вышло по-старому. Внезапная, безвременная смерть Жени вышибла семью из естественной жизненной колеи, столкнула на другую – жестокую и непредсказуемую.

– У йомфру Андерсен, в подворотне направо, можно приобрести самый лучший саван, – повторил загадочную фразу дядя Вася, и опять никто не выяснил, что это значит.

Он тяжело поднялся, опираясь на трость, с которой теперь не расставался, извлёк откуда-то из пальто книгу и подал Тане:

– Новогодний тебе подарок. Негоже хвалить свои дары, но это, дружок, раритет, особая ценность. «Мифы Древней Греции». В блокадном городе выпущены, нашим детским издательством. – Дядя Вася раскрыл книгу и прочёл вслух из предисловия: – «Слушайте, добрые люди, про то, что свершилось когда-то! Каждый, кто в мире родился, свой долг исполнить обязан!»

Засыпая, проваливаясь в тяжёлый блокадный сон, Таня мысленно выбирала для себя долг, который обязана исполнить, но так и не выбрала. Будь она старше, записалась бы добровольцем на фронт или в санитарную дружину, а то стала бы донором, как Женя...

Она уснула задолго до полуночи и пробудилась уже в новом, 1942 году.

ЁЛКА

Дядя Лёша подал газету, как поздравительную телеграмму:

– Об организации новогодних ёлок. Постановление.

В это было трудно поверить: в блокадном городе-фронте – ёлки для детей! Сколько же их осталось, если из лесов привезли целую тысячу зелёных мохнатых пахучих елей! И неужели всех ребят накормят супом или дурандой «без вырезки талонов из продовольственных карточек»? В газете так напечатано.

И вот в первый день нового года нежданно-негаданно пришёл Борька Воронец. Таня уже и вспомнить не могла, когда к ним в последний раз приходили гости.

– Слушала радио? В школе билеты выдают на ёлку! Пошли скорее, а то не достанется, – с порога заторопил Борька.

Билетов хватило. И Тане, и Борьке, и Коле Маленькому. Только не на первые и утренние или дневные ёлки, а на вечернюю: «Встреча в 17.00.»

До войны Таня, наверное, расстроилась бы, извелась от ожидания. Сейчас всё воспринималось нормально, как в очереди.

В школу отправились под опекой дяди Васи. Он сам наперёд объявил: «Командовать парадом буду я. Слушаться беспрекословно. И – не отставать».

Таня, Коля и даже Борька слушались, но отставал командующий...

Ранние сумерки сгустились до синевы, и неровные сполохи на Петроградской стороне уже нельзя было принять за вечернюю зарю.

Школьный двор перед фасадом лежал в нетронутых сугробах, парадный вход наглухо закрыт. Растоптанная дорожка вела к чёрной лестнице.

У крыльца с козырьком в белой снежной папахе стояли часовые в длинных кавалерийских шинелях и суконных шлемах с шишачком и двойной звездой, суконной, и поверх неё, в центре, металлической, рубиновой. Красноармейцы не отбирали и не накалывали пригласительные билеты-пропуска на трёхгранные штыки винтовок, только убеждались, что пришли свои.

– Можете зайти, дедушка, – вежливо пригласил старший дядю Васю. – Посидите внизу, пока ваши веселиться будут.

Дядя Вася не запускал себя, ежедневно, как до войны, брился, но выглядел, конечно, всё равно старым-престарым.

– Ой, как светло! – не удержалась от восклицания Таня, когда вошли в помещение. Дома электричества почти не бывало, а если и появлялось, лампочка горела в четверть накала. А здесь – как до войны!

Сверкающая люстра под потолком, громадная, великолепная ёлка до потолка. Разноцветные фонарики, бумажные гирлянды, стеклянные шары, игрушки из папье-маше и фольги, мохнатые серебряные ожерелья, похожие на обмороженные провода оборванных линий. Но все это яркое великолепие терялось и меркло перед длинными рядами столов, накрытых клеёнкой. Уже и тарелки с приборами расставлены-разложены.

Все пятьдесят или сто, или сколько пришло ребят, – все глаза уставились в обеденные столы. Не оторваться!

– Ну-у! – восхищенно выдохнул Борька. Значит, и он до последнего момента сомневался, что и вправду кормить будут. На бледных, запавших щеках розовым пятнышком обозначился былой румянец.

Самым глазастым оказался Коля Маленький:

– Тарелок по три штуки! Зачем столько?

Этого никто не сумел объяснить, но сердца замерли в предвкушении блаженства.

Все дальнейшее в празднестве прошло в тумане ожидания. Не то что было неинтересно и скучно. Понравился концерт с настоящими артистами, особенно выступление баяниста с забинтованной головой и в гимнастёрке с медалью «За отвагу». Певица в длинном шелковом платье и меховой безрукавке исполнила замечательную песню о синем платочке, довоенную, но с новыми словами:

Строчит пулемётчик

за синий платочек!

Потом с удовольствием водили хоровод, но очень уж быстро выдохлись. И общее пение не получилось. «В лесу родилась ёлочка...» Писк и простуженные хрипы, а не голоса.

Наконец – наконец-то! – позвали к столу. Каждый получил хлеб, почти целую пайку. Солдаты-повара наливали армейскими черпаками горячий чечевичный суп. На второе – по две – две! – котлетки с макаронами. И это не всё. На третье выдали желе, неизвестно из чего приготовленное, но сладкое и вкусное – королевское блюдо!

– Мировая еда, – время от времени нахвалялся Борька.

Коля Маленький только кивал, не в силах выразить словами сытое счастье. И Таня была ужасно довольна прекрасным обедом и тем, что сумела незаметно припрятать кусочек хлеба для дяди Васи в подарок.

Пока были заняты едой, только стук и бряк да негромкие голоса взрослых распорядителей, а тут – словно щебенка осыпалась, такой шум начался. В зал вошёл Дед Мороз!

В командирском овчинном полушубке, с красноармейским вещевым мешком. С подарками, конечно!

– Одного сидора на всех... – начал было Коля Маленький, но Борька ткнул его плечом. Не ударил, не толкнул, коснулся. И Коля прикусил язык.

Подарков из одного солдатского мешка никак не могло хватить на всех, но никто не лез без очереди, не роптал, не толкался. Постороннему, не познавшему блокадную жизнь, достоинство и терпение ребят могли показаться тупым равнодушием.

И Тане, и Борьке с Колей не однажды выпадала досада зазря стоять длинную очередь. Иногда перед самым твоим носом, как говорят и как бывало, кончался хлеб или

крупа. Они были готовы к подобному финалу, как вдруг солдатики притащили Деду ещё два вещмешка, потом ещё...

В бумажном пакетике лежали две конфеты, пять печенюшек и – чудо из чудес! – золотой, точно солнышко, ноздреватый, пахучий мандарин.

Помощь

– Кормили бы, как на ёлке, хоть раз в неделю, я бы маму быстро на ноги поднял, – сказал Борька. – Отдавал бы ей всю пайку хлеба.

Они стояли в очереди к булочной и переговаривались.

– Ни крохи моей не берёт, – пожаловался Борька.

И Таня как-то попыталась угостить бабушку своим хлебом, подсушила лепесток на печке, потом надвое разломил. И выговор от бабушки схлопотала: «Не вздумай такое, маленькая... Мне в счёт тебя грех смертный и ни к чему. Ты растёшь, тебе самой...»

Кто может расти в блокаду? Все только стареют, усыхают, превращаются в коконы, привязанные верёвками к длинным саням-катафалкам.

– И моя – ни крохи, – за компанию сообщил Коля.

Говорить и думать о хлебе – самоистязание.

– Слышали радио? – сменил тему Борька. – Знаете, кто для нас мандарины привез? Солдат Твердохлеб. За ним «мессер» всю дорогу гонялся. Потом сорок девять пробоин в грузовике насчитали и сколько-то мандаринок пропали от пулевых ранений.

– У шофера все руки были в крови, – дополнил Коля.

Тане тоже было что сказать. Эту историю о Максиме Твердохлебе не только по радио рассказывали, о ней и в газете писали, дядя Лёша вслух читал. Таня смолчала, не хотелось почему-то говорить, уточнять, спорить.

* * *

«Ленинградская правда» сообщала о сборе по всей стране продовольствия для блокадного города на Неве. Во Владивостоке и Вологде, в Сибири и Средней Азии, на Алтае и в Поволжье – всюду готовили эшелоны с мукой, консервами, мясом, рыбой, жирами, сахаром, крупами, яичным порошком, сухими фруктами и овощами.

Кровопролитные наступательные бои под Синявином не принесли успеха, блокадное кольцо не удалось разорвать. Но с освобождением Тихвина доставлять грузы к ладожскому берегу стало ближе, хотя и с двумя перевалками. И тогда строители положили автомобильную дорогу от Жихарева до деревни Лаврово.

Двенадцать километров, через леса и болота, в лютые морозы, за сорок восемь часов.

Машины с хлебом и оружием, караваны саней теперь прямиком следовали от железнодорожной станции на ледовую трассу.

Минувшее

Дорога жизни представлялась Тане снежной пустыней с караваном. Волнистые барханы сугробов, торосы и заструги – останки древних оазисов. Вместо пальм и верблюдов у колодцев, как на картинках в учебниках географии, домики из снежных блоков, где можно передохнуть от ледяного ветра, тесные палатки связистов, регулировщиков, артиллеристов. Снежные брустверы огневых позиций зенитных батарей. В низком зимнем небе эскадрильи краснозвёздных истребителей отгоняют воздушных налётчиков от Дороги жизни. А по ней идут и идут бесконечные караваны, навьючен-

ные хлебом. Дорога длинная, долгая, но когда-нибудь караваны всё равно дойдут до Ленинграда и всё станет хорошо, как до войны.

Воспоминания о недавнем прошлом, таком сытном и счастливом, что даже не верилось, что такое могло быть, отвлекали от мрачной действительности.

«Не дом, а проходной двор», – ворчала бабушка в прежние времена, а сама радовалась друзьям и гостям, приветливо здоровалась, прощалась, как с родными-близкими: «Ну, с богом». Народу и впрямь всегда хватало в доме. Кроме Лёкиных друзей-музыкантов почти каждодневно бывал Вася Крылов, безнадежно влюблённый и свой человек. Он мог часами беседовать с бабушкой на кухне, помогать ей картошку чистить, дровишек для печки из подвала принести. Будь Таня взрослой, как Нина, только бы за Васю замуж вышла!

А как весело и дружно встречали новый, сорок первый год. Тане впервые позволили дожидаться двенадцати часов ночи.

Миша приволок расчудесную ёлку, стройную, мохнатую и такую душистую – на лестничной площадке лесом пахло (сейчас все несут домой охапки еловых и пихтовых веток, витаминный настой из хвои добывать).

Игорь Черненко нарядился Дедом Морозом и будильник на грудь повесил, ровно в полночь зазвонил.

Мама испекла два или даже три савичевских кренделя с изюмом, а бабушка нажарила полную кастрюлю своих знаменитых котлет.

Сочных, с хрустящей корочкой, ароматных до головокружения...

Минувшее так зримо и осязаемо представилось, что Таня и впрямь провалилась в голодный обморок.

ДЕЖУРСТВО

– Пошла, – сказала мама таким голосом, будто собралась на другой конец города, а не к дворовой арке у подъезда.

– Ну, с богом, – прошелестела бабушка.

На крышах и чердаках уже давно никто не караулил. Бомбёжки прекратились, из-за снегопадов и морозов, наверное, и мало у кого из добровольцев местной противовоздушной обороны хватило бы сил взбираться наверх, торчать под чёрным зимним небом. Тут и внизу сторожить порядок некому. В графике сплошные вычерки и перестановки.

Платок быстро закуржавел, облохматился белым, наморозь на ресницах мешала видеть. Да в этот час нечего и некого было выглядывать. Мёртвое безлюдье, даже у булочной ни души, не настало ещё время для очереди.

По уточнённому графику дежурство сдавать Нащериной Ираиде Ивановне. Эта не опоздает, не подведет. Мария Игнатьевна была не только довольна, что сменщица – Ираида, рада тому. Не просто соседи. Сослуживицы и приятельницы. Как-никак шестой год в одной швейной артели надомницами. Мария в художественной вышивке искусна, Ираида отличная портниха.

Добрая, щедрая душа, последним поделится. То корочки апельсиновые принесла: «Вместо нафталина в шифоньере держала до войны. В них же витамин от цинги, компот для Танечки сварить можно». То обнаружила в домашней аптечке коробочку с гомеопатическим лекарством, отсыпала горошков: «Они же на сахарине». А недавно пригласила через Таню к себе, велела мешок взять или сумку большую.

«Зиновий мой открытие сделал, – обрадованно сообщила Ираида. – Из обоев же болтушку сварить можно!»

Мария Игнатьевна не думала о таком: дома обоев не было, стены и потолки белёные.

«Крысы подсказали, – продолжила удивление и радость мужниного открытия приятельница. – У других давно исчезли, а нам до сих пор нет от них покоя, середь бела дня нагличают, стены обгрызают. Обои же на мучном клейстере!»

Зиновий Иванович, он электромонтером в трамвайно-троллейбусном парке работал, разметил стены на прямоугольники и квадраты, как хлебные и крупяные карточки – на талоны. Несколько суточных «норм» Нащерины оборвали для Савичевых.

Темно. Морозно. Тихо и безжизненно. Время от времени откуда-то из-за Невы, с окраины города, с передовой линии фронта долетали глухие удары взрывов и выстрелов.

Груз одежды угнетает плечи, ноги подгибаются сами по себе, присесть бы, а ещё лучше – лечь...

Нет, нельзя, ни в коем разе нельзя садиться. Сколько их, сидячих и скорченных, на ступенях и в сугробах... И не положено сидеть на дежурстве.

Мария Игнатьевна неуклюже потопталась, вяло обхлопала себя накрест, чтоб согреться и сонливость разогнать. И опять думы вернулись на круги своя, к детям, к матери. С ней совсем худо. Участковый врач Анна Семёновна прямо заявила: «Дистрофия второй степени. Евдокия Григорьевна, строго говоря, в одном шаге от третьей».

Третья степень алиментарной дистрофии – немедленная госпитализация или медленное умирание. Бабушка наотрез отказалась от больницы: «Там и без меня коридоры переполнены, класть некуда. Лучше в своей постели...»

Послышалось, будто пружинный матрац заскрипел. Мария Игнатьевна насторожилась, чуть высвободила ухо.

Снег под ногами хрустит, а нет никого.

– Кто? – окликнула на всякий случай.

– Нащерица, – ответили за спиной. – Смена. Надо же как темно.

СВЕТ

Так совпало, что всё кончилось разом: электричество, вода, отопление.

Без тока давно научились обходиться в быту. Без тока, керосина, свечей. Напридумали, смастерили всевозможные простейшие светильники на машинном масле. Яркости меньше, чем от лучины, но копоти – все тропинки на заснеженных улицах в чёрных плевках.

Самую маленькую, экономную коптилку из пузырька от чернил и нитяного фитилька не гасили на ночь, берегли огонь, как пещерные люди. Спички ведь тоже не купить... Лёка принёс кресало, обломок напильника, кусок кварца и трут из хлопчатки, но такой зажигалкой разве что курильщику пользоваться.

– Мама, – вспомнила Нина, – у нас ещё две свечи есть.

Таня сразу догадалась, где и какие, а мама – нет, забыла.

– Не встречала вроде...

Она уже несколько раз тщательнейшим образом обследовала все шкафы и буфеты, ящики и полки, всё ценное – от забытого пакета с остатками крупы до лаврового листа, – всё взяла под контроль.

– В шкатулке, палехской, – напомнила Нина. И мама, как когда-то решая судьбу Барсика, сказала:

– Не будем, ребята, венчальные трогать. Пока.

ВОДА

Дядя Вася, шумно дыша и побрякивая пустым бидоном, вошел в кухню. Теперь вся жизнь Савичевых тут сосредоточилась, а Таня и на ночь оставалась, на бабушкином сундуке спала.

– Уже и не капает... Кончилась вода в подвале... Придётся к сфинксам бегать...

Вода из домашнего водопровода ушла, как жизнь из дерева, – сверху вниз. Сначала верхние этажи обезводились, потом нижние, а теперь и в подвале не стало.

«К сфинксам бегать...» Таня с болью и жалостью смотрела на любимого дядю. Раньше он в шутку говорил: «Поплелись». Сейчас без палки шага ступить не способен, и одышка ужасная, словно порванные мехи гармони растягивают. «Бегать...» Такое и Лёке не под силу, а он до войны в футбол гонял. Дорогие, бедные Лёка и дядя Вася...

– Отпустят Лёку на побывку, принесём и вам невской водички, – пообещала мама.

В одиночку ходить к проруби мало пользы, разольёшь, расплещешь половину, а то и с порожней посудиною вернёшься. Ступенчатый пандус превратился в ледяную горку, вокруг проруби – высокий ледяной барьер, вода точно в кратере заоблачного вулкана. Люди на карачках и ползком к воде подбираются, обратный же путь не всякий осиливает.

Лёку отпустили домой на другой день. Он пришёл, как обычно, не с пустыми руками. Дровину на веревочке приволок и кашу принёс в банке из-под компота.

– Сына, – расстроилась мама, – зачем же ты. На станке работаешь, силы нужны, а ты вон какой – кожа да кости. Так ещё еду от себя отрываешь.

– Всё чин чинном, – заверил Лёка, – не беспокойся, мама.

Но она не успокоилась, строго, как могла строго, приказала:

– Больше чтоб я таких баночек не видела, Леонид.

– Другие предложения и просьбы? – отшутился Лёка. – Нет? Следовательно...

– Не свободен, – остановила мама. – Сходи за водичкой, сына.

Таня вызвалась помочь. Кому-то посторожить надо. За раз два ведёрка от проруби наверх не вытащить: круто и скользко. А воды много надо, на всех Савичевых.

КНИГИ

– Осторожно на лестнице, – напомнила мама.

– Так я же не первый раз.

Все ступени замусорены, в наледи, на лестничных площадках свалка замёрзших нечистот и хлама, сам чёрт ногу сломит.

Таня осторожно поднялась на второй этаж и вошла в квартиру. Квартира большая, коммунальная, до войны четыре семьи проживали, кроме братьев Савичевых. Алексей и Василий Родионовичи занимали одну комнату, сразу направо от входной двери.

В узком коридоре темно, как в пещере. Таня на ощупь нашла медную ручку, подергала, объявила громко:

– Это я.

Не дядей испугать боязно внезапным появлением. Самой страшно: вдруг не отзовутся...

В ответ невнятный, но всё-таки живой звук.

– Это я, – повторила Таня, уже войдя в длинную комнату с наглухо запечатанным окном.

Жёлтый мотылёк копилки тускло подрагивал, отражаясь в запылённых дверцах книжных шкафов, в остеклённой раме с литографией «Сикстинской мадонны».

От верхней выюшки высокой круглой печи шёл вниз дымоход, сочленяя «голландку» с «буржуйкой». Печь казалась Тане похожей на трубу океанского парохода, а железная времянка на коротких ножках – на собаку таксу.

Дядя Вася сидел в глубоком кресле с книгой в руках.

– Воды принесла, – Таня подала молочный бидончик.

Дядя поставил его на холодную печку.

– Спасибо, дружок. – Он наклонился, пошарил у ног. – Последнюю щепку сжёг. Сейчас придумаем что-нибудь.

В комнате осталось одно кресло и два стула, остальные изломаны и сожжены. Та же участь постигла старые журналы. Книги свои дядя Вася оберегал в священной неприкосновенности. И не только свои.

Зашёл как-то, а мама изготавилась кожаную обложку отдирать. В обложках и не раздёрганные на тетрадки книги горят плохо: обугливаются по краям и углам – и гаснут.

– Мария! – ужасно возмутился дядя Вася. – Это же – Шиллер!

– Потому и жгу, – спокойно ответила мама.

– Шиллер! – ужаснулся дядя. – Великий писатель, классик.

– Для меня все одинаковы.

– Что ты говоришь, Мария. Как можно путать немецкий народ с фашистскими выродками!

Взгляд у мамы сделался непривычно тяжёлым:

– А откуда же они взялись?

Но Шиллера всё-таки поставила на место, в книжный шкаф.

Сейчас дядя сказал:

– Что-нибудь придумаем. Ах, да, жертва намечена, приговорена к смертной казни через сожжение. Подай, дружок, фолиант, что лежит на столе.

Толстая книга называлась – «ЛЕНИНГРАД. Адресно-телефонная справочная книга. 1940».

Таня недавно перелистывала её. Одна треть состоит из рекламных объявлений. Обманчивых, раздражающих, болезнетворных до колик в животе.

«Главрыба» уговаривала покупать всевозможные консервы, многие названия которых в диковину: анчоусы, рольмопс – что это? Предлагала рыбу живую, солёную, копчёную; кулинарию – заливные, паштеты, бутерброды, расстегаи, пирожки...

Кондитеры советовали торты «Пралинэ», конфеты «Пинг-понг» и «Флора»...

Справочная книга дразняще пахла рыбой и мясом, сыром и хлебом. И к чему номера телефонов? Аппарат отключен до конца войны.

Таня без сожаления подала дяде фолиант, спросила вдруг:

– А война когда-нибудь кончится?

Дядя Вася ничуть не удивился, сразу же ответил:

– Всё, дружок, имеет начало и конец. В итоге итогов не штык и бомба правят бал.

Шиллер писал, что миром правит Любовь и Голод. Увы, и – голод.

– И холод, – со вздохом добавила Таня. – А вот когда кончится, зимы не будет?

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ничего подобного «Ленинградская правда» ещё не печатала. 13 января появилось извещение о том, что горсовет разрешил продавать в счёт месячной нормы мяса по сто

граммов, круп или муки по двести. Не прошло и недели – второе извещение с доброй новостью. На этот раз уже за подписью И.А. Андрееенко, заместителя председателя городского исполнительного комитета и заведующего отделом торговли.

– Дай ему бог здоровья, – сказала бабушка. Она давно не интересовалась ценами на Андреевском рынке, спрашивала дядю Лёшу только про фронтовые новости, а с этого времени ещё и обязательно об извещениях: «Ну, что там в газете, Андрееенко ничего не пишет?»

* * *

«Андрееенко» быстро стало не просто фамилией. Больше, чем фамилией. Символом надежды и веры. Андрееенко мог казнить или миловать, даровать жизнь или лишать последней надежды. И делал он всё открыто, гласно, в газете и по радио.

«Андрееенко» печаталось в газетах, звучало по радио, склонялось на все лады в цехах и булочных, на улице и дома, хотя мало кто знал этого человека с грустным взором и добрыми губами.

* * *

Таня представляла себе Андрееенко волшебником и сказочным богачом. В его тайных пещерах хранились драгоценные сокровища: хлеб, мясо, крупы, жиры. Были там и дрова штабелями, а в засекреченном от вражеских лётчиков и артиллеристов месте находились, но пока не работали, водонасосная и электрическая станции. Придёт час, и Андрееенко запустит их – появится в городе свет и вода в кране. Андрееенко добр и милосерден, но строго следит, чтобы сегодня не съели послезавтрашнее. Как мама. Разделив пайку хлеба на три части, она не позволяет в завтрак отщипнуть от обеденной порции, в обед – от ужина. И всё-таки...

– А почему Андрееенко... – Таня запнулась. Не справедливо упрекать его в жадности. Это грубо и неблагодарно. – А почему он так редко пишет извещения?

– Написать не мудро, подвезти трудно, – складно прошелестела бабушка.

Общими силами её привели на кухню погреться. В соседнем дворе разобрали сарай, досталось немного топлива.

ИЖДИВЕНКА

Её разбудил дразнящий, соблазнительный запах. Он проник через многослойную оболочку спального гнезда из мужского бобрикового пальто, двух одеял, ватного и байкового, через поднятый воротник, через платок и шарф. Таня спала одетой по-уличному.

Она вдохнула ржаной аромат и вспомнилось, что сегодня – 23 января. Потому и благоухало печёным и снилось удивительное. Будто на большом столе в комнате лежит красавец великан, фамильный савичевский крендель с изюмом. Мама испекла его к дню рождения. Все уже собрались, столпились вокруг стола с кренделем, у мамы в руке и нож наготове, но нет разрешения. На это почему-то требуется специальное разрешение.

«Угощайтесь, – радушно приглашает Таня. – Это же мой праздник». А мама говорит: «Ждём извещения Андрееенко».

Запах кренделя объяснился просто: на печурке подсушивались ломтики хлеба. Вкуснее и не так быстро съедается.

Сон растолковала Нина. Она пришла за кое-какими вещами и заодно сестрёнку поздравить, угостить настоящим кусочком мяса из заводской столовой.

– Тут и разгадывать нечего, – уверенно сказала Нина. – Вот-вот Андрееенко опять что-нибудь подкинет. А то хлебца прибавит.

В крупу или сахар в счёт месячных норм поверить можно было, в прибавку же хлеба...

– Это уже из области фантастики, – вздохнул дядя Лёша. – В газете и намека нет, предпосылок не видно.

– Разве такие вещи раскрывают в газетах? – заспорила Нина. – Вы тут сидите и ничего не знаете. Сейчас на Дороге жизни движение, как на Невском до войны. Двустороннее. Сюда – продукты, боевые припасы. Туда – грузы оборонного значения и люди. Эвакуация же возобновилась.

И вот на следующий же день – вторая прибавка хлеба!

Верующая старушка воскликнула дрожащим ликующим голосом:

– Это же Христово воскресенье! Иннокентий Петрович, он дотянул, выжил, про...

Нет, не пробулькал. Проворковал, как голубь за окном.

Раньше, когда в городе ещё летали птицы, на ящик-холодильник, что сейчас без пользы висел за кухонным окном, часто садились дикие голуби.

– Какое воскресенье, бабушка, – проворковал Иннокентий Петрович, – суббота, двадцать четвёртое января.

Покинув булочную, Таня встретила Борьку Воронца. С ним, конечно же, был Коля Маленький. На этот раз они не стали спрашивать, слышала ли Таня радио.

– Здорово, а! – сказал Борька. – На целых пятьдесят граммов больше!

– А служащим даже на сто, – уточнил Коля. – Был бы я служащим...

– И не пустили бы в детскую столовую, – осадил Борька.

Девятнадцатого числа вышло постановление открыть столовые для школьников, ребят от восьми до двенадцати лет. Борьке ещё прошлым летом исполнилось двенадцать, а Колин день рождения впереди, в мае.

– Тебе двенадцать уже стукнуло? – спросил Борька.

Таня кивнула:

– Вчера.

– Ух ты, поздравляю, – Борька протянул руку в рукавице, мороз очень уж сильный. – Теперь, значит, и ты уже взрослая, иждевенка.

– Иждивенка, – поправила Таня.

По меркам блокадного города в семье Савичевых детей не стало.

– Ничего, – успокоил Борька, – хлеба нам всё равно столько же дают, а если детям кое-что и больше перепадёт, так они же наше будущее.

И он дружески толкнул плечом Колю Маленького.

НЕЯСНОСТЬ

– Арктический холод, – дядя Лёша никак не мог согреться. – Сорок градусов, представляете?

– И ты в такой морозище за газеткой пошёл, – укоризненно сказала мама.

– Не один я. На проспекте ни души, а у киоска – очередь. И – впустую. Так и не подвезли.

– Зря вымораживались.

– Не могу я без прессы. И радио не работает, полная неясность.

– Может быть, Андрееenko опять что-нибудь дал? – включилась в разговор Таня.

– Дал – получим, – резонно ответила мама. Голос у неё усталый, без тепла и улыбки. – Факт.

– Мария, – помолчав, спросил дядя Лёша. – Не передумала?

Мама через плечо выразительно глянула на Таню и перешла на тайный язык, но всё равно легко было догадаться, о ком и о чём речь. Опять об эвакуации.

– Как же мы оставим её? Лека и Нина неделями дома не появляются, воды подать некому будет.

– А мы с Васей – не в счёт?

– Спасибо, что сами себя обихаживаете.

– Ладно, – временно отступил дядя, – вернёмся к данному вопросу в другой раз.

Потом, после.

Мама по-своему истолковала последние слова.

– Как же я могу о таком наперёд думать? Лёша?!

Таня слезла с сундука и зажгла переносную, с подставкой, коптилку.

– Ты куда, доча?

– К бабушке.

Ее вдруг охватил страх, что бабушка уже умерла.

Таня, как и все, знала, что бабушка обречена, безнадежна, никто и ничто уже не может восстановить в ней жизнь, даже прибавка хлеба. Анна Семёновна, участковый врач, ещё третьего дня предупредила: «Это может случиться в любую минуту».

БАБУШКА

В первой комнате было совсем темно, а во второй, где лежала бабушка, чадила маленькая лампадка. Коптилка в сравнении с ней – яркий факел.

– Это я, – негромко произнесла Таня. – Нужно что?

Ввалившийся, обезображенный цингой рот расклеился, просочился невнятный звук. Таня сдвинула платок, наклонилась к самому лицу.

– Что, бабушка? Повтори.

– Как... катю...

– Карточки? – подсказала Таня.

– Да... Ты, Маня?

– Нет, это я, маленькая.

Бабушка всё равно не узнала её.

– Ма-ня... не сда-вай...

– Что ты, что ты, бабушка! – всё в Тане восстало против того чудовищного, что свершалось на её глазах и чему бабушка, родная, любимая, самая добрая и умная на свете, даже не помышляла противиться.

Евдокия Григорьевна больше не в силах была бороться, смерть обещала избавление от болезни и голода, от мук блокадной жизни. Или сама приближала конец, чтобы оставить своим детям, большим и маленьким, хлебную карточку с талончиками на целую неделю.

– Не... не... – Она собрала все, без остатка, силы и замедленно, однако без запинок и чётко наказала: – Не сдавайте карточки. Я тут полежу.

– Что ты, что ты! – опять воспротивилась Таня, но бабушка уже умерла.

Когда Таня увидела это и поняла, она не испугалась, не заплакала. Просто всё в груди смёрзлось и окаменело. Всю неделю, пока бабушка тихо и спокойно лежала одна в холодной-прехолодной комнате, Таня не плакала. В доме не было слёз, стенаний, крика.

С бабушкиными документами ходила в райсобес мама. Она выстояла длинную очередь и получила бумагу со штампом и печатью, свидетельство о смерти гражданки

Фёдоровой (девичья фамилия Арсеньева) Евдокии Григорьевны, родившейся в Ленинграде в 1867 году, умершей 1 февраля 1942 года и захороненной в Ленинграде.

Точное место захоронения указано не было, да эти сведения и не требовали – невозможно.

Когда Таня увидела, что бабушка умерла, она минуту или две постояла у деревянной кровати с высокими спинками, а затем лишь вернулась на кухню. И хотя в глазах её не было слёз и она ещё ничего не успела сказать, мама вскрикнула и бросилась в комнату, а за ней дядя Лёша.

Таня посмотрела на часы. Медные еловые шишки и дополнительный грузик висели почти у самого пола. Она подтянула цепочку ходиков, проверила, не остановилось ли время. Часы тикали, и стрелки показывали 3.05.

Бабушка скончалась минут пять назад, и Таня написала в блокноте на странице с буквой «Б»:

Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.

Голодно-холодно

И Волховский фронт не смог разомкнуть блокадное кольцо, январское наступление захлебнулось. Защитники города остались на прежних, осенних, рубежах.

На Дороге жизни уходили в ледовую глубь автомобили, гибли люди, солдаты и несолдаты, но запасы продовольствия в Ленинграде исчислялись уже не днями, а неделями.

Третья прибавка хлеба 11 февраля подняла блокадную норму до всеобщей, военного времени: рабочим – 500, служащим – 400, иждивенцам и детям – 300. Триста граммов хлеба на одни сутки – только жить да радоваться!

Увы, алиментарным дистрофикам уже никакая прибавка не могла помочь. Они без жалоб и стонов лежали в промёрзших комнатах, ожидая своего часа в последней очереди.

Ленинградцы делали всё, что могли, спасая живых, пока ещё живых сограждан. Открывались стационары для ослабевших, были созданы комсомольские бытовые отряды. Девушки обходили дом за домом, квартиру за квартирой, топили печи, отоваривали карточки, поили и кормили больных, уносили осиротевших детей в детские дома. О, сколько жизней спасли они, бескорыстные, самоотверженные, милосердные, сами голодные и страждущие героини!

Йомфру

В узорно окованном белой жестью бабушкином сундуке никакого клада не оказалось. Когда дяде Васе удалось отпереть заржавевший замок и с хрустом поднять крышку, Таня увидела женскую рубаху из отбеленного холста, что-то ещё из одежды. Вот и всё, что много лет берегла бабушка для своего смертного часа.

На память пришла загадочная фраза, которую дядя Вася уже не раз бормотал, как бы про себя и для себя.

– А что такое йомфру? – тихо и доверительно спросила Таня.

Дядя не сразу понял вопрос, наверное, мысли его были заняты другим или очень далеким.

– Ну, это – «у йомфру Андерсен, в подворотне направо, можно приобрести самый лучший саван».

– «Йомфру» по-норвежски – «незамужняя дама». Понятно?

Таня согласно кивнула.

– Объявление из романа Гамсуна «Голод», – дополнительно пояснил дядя Вася.

Мама унесла погребальную одежду в спальню, к бабушке.

Потом, когда её, переодетую во все чистое и закутанную с головой, привязали к дворницким саням, Таня подумала, что бабушка стала ужасно похожа на тонкое берёзовое брёвнышко, и потому, наверное, не заплакала, так и не заплакала.

С тех пор как Миша неизвестно где, а Лёка и Нина на казарменном заводском положении, в квартире гнетущая пустота. Со смертью бабушки дом и вовсе обезлюдел, будто ни одной души живой не осталось. Радио и то молчит, остановилось метрономное сердце.

Мама ушла на поиски топлива. У неё с собою крепкая верёвка и гвоздь. Если повезёт и найдётся доска или поленце, можно забить гвоздь, привязать к нему верёвку и тащить волоком. Такой способ придумал Лёка.

Брат до войны разгружал баржи, играючи перекидывал на берег двухметровые брёвна. И мама была очень сильной...

А вот, если по-норвежски, её можно называть йомфру? Она же безмужняя, и дверь в квартиру в подъезде направо от подворотни.

ОБХОД

Ужасно одиноко в пустой квартире. Таня взяла коптилку и отправилась в обход. За долгие блокадные месяцы глаза отвыкли от яркого света, зато обострился слух, и всё находилось на ощупь.

Таня начала осмотр с дальней комнаты. Половина семьи раньше здесь спала. И Женя, пока не переехала на Моховую.

В противоположном от окон углу стояла дубовая кровать бабушки, рядом – железная койка Нины. Трёхстворчатая ширма с пейзажами и женщиной с распущенными рыжими волосами отгораживала их от кожаного дивана с высокой спинкой, на котором спал Миша. Ещё в комнате были книжный шкаф, столик с выдвижными ящиками и другой, для рукоделия, с ограждением из чёрного дерева. Не настоящего, конечно, не африканского, а зачернённого.

При хилом, колеблющемся свете фитиля даже знакомое с детства выглядит таинственно и непривычно. Пугающие тени на безразмерных стенах, мрачные провалы углов, бездонная чернота над головой. Вдруг что-то тускло блеснёт или возникнет странное видение – смутный облик в матовой дымке. То зеркально откликнулся на огонь коптилки белый мраморно-холодный кафель.

Высокая печь, облицованная белыми изразцовыми плитками, целиком заполняла один угол. Где-то, справа и слева от печи, были когда-то двери, что вели в пекарню и в булочную.

Подумать только: здесь, сразу за этой стеной полки с хлебом... Тане даже почудился ржаной запах. Она перешла в другую комнату и дверь за собою прикрыла.

И тут был книжный шкаф, а ещё платяной шифоньер и зеркальный трельяж, высоченный, почти до потолка, и кровати за ширмой, громадный, как аэродром, раздвижной стол, два кресла, полубуфет в углу, комод. Но центральным, главенствующим над всем, был, конечно же, буфет. Красного дерева, с зеркалами и художественной резьбой – среди роскошных фруктовых натюрмортов токовали сытые тетёрки. Жареные, они, наверное, вкусные и сочные, как утки...

Буфет можно было сравнить с многоэтажным и многокомнатным домом. Отделения, открытые и закрытые, делились на полки, ящики, ящички, потаённые пеналы и секретные ниши. В первые месяцы блокады мама то и дело производила тщательные

досмотры и находила в необъятном чреве буфета крупы, специи, забытую баночку с вареньем неизвестно какого года.

Возможно, что-то ещё могло отыскаться в пока не исследованных тайниках буфета, но слишком большие усилия нужны для открывания дверей, выдвигания ящиков и пеналов. Некоторые намертво заело. Взрыв бомбы напротив покалечил буфет, убил тетёрок.

Над пианино висит большая картина в золоченом багете. Рама квадратная, а собственно картина, её изобразительная часть, круглая. Полуобнажённая красавица смотрится, как в зеркале. Она сидит на берегу моря, в укромной бухте, собралась купаться и, обернувшись к кому-то, грозит кокетливо пальчиком: «Не подглядывай».

Досталось от бомбы и «Купальщице». Она обращена к рыцарю. Полуметровой высоты, отлитый из тяжёлого сплава, он стоит напротив, на комод, опершись на длинный жезл. Быть может, то не жезл, а копье, и рыцарь не рыцарь. На нём боевые доспехи римского легионера или греческого воина. Скорее всего, греческого. Римляне не отпускали бороды, а в книге «Мифы Древней Греции» есть на картинках такие. На шлеме какие-то украшения, на поясе широкая лента с бантом.

Кто этот древний воин?

Думать не хочется, лень навалилась, полежать бы...

СПАСИТЕЛЬНИЦЫ

Угнездившись на бабушкином сундуке, Таня дремала или пребывала в забытьи. С нею такое всё чаще случалось.

Мама, сидя рядом на стуле, прикорнула, обняла.

Потому и кажется, что сбоку тепло от печки идёт. Смрадно чадит коптилка. Вдруг жалкий огонёк испуганно дрогнул.

– Есть кто? – спросил чужой голос. Мама и Таня приподняли головы. Полоснул свет электрофонарика.

– Живые, – с облегчением протянула девушка и представилась: – Мы из бытового отряда.

– Помощь нужна? – заговорила напарница.

Девушки в ватных костюмах и шапках-ушанках готовы выполнить самое трудное дело.

– Спасибо, родные, сами управляемся. Пока...

– Вот и замечательно. Тогда мы пошли.

– Передохните, отогрейтесь, – пригласила мама.

– Работы много, – не без сожаления отказались девушки. – До свидания. Будьте здоровы и живы.

– И вы, и вы, родные.

– Так мы пошли.

«Ну, с богом», – мысленно напутствовала Таня.

Девушки исчезли, будто не вышли, а улетели. Ангелы-спасительницы, волшебные существа.

И опять в кухне мертвенная тишина, жёлтый жучок-светлячок с поднятым сизокопотным хвостиком...

ЗАГОВОРИЛО!

Таня с трудом задвинула ящик буфета, пришлось даже плечом подналечь. В ящике ничего полезного: Лёкин радиолобительский хлам. Задвинула и вспомнила: где-то должен быть детекторный приёмник, школьная ещё, полуигрушечная поделка. Когда в

первые дни войны вышел приказ сдать на временное хранение всю радиоаппаратуру, Лёка пошёл на приёмный пункт с детекторным приёмником и, тоже самодельной, радиолой. Радиолу взяли, а детекторный... Одно ведь название, что приёмник. Тычешь, тычешь игольчатым щупом в кристалл, а в наушниках ни шороха.

А вдруг всё-таки можно настроиться, поймать Ленинград? Какую неделю радио в доме молчит...

Она собралась с силами, опять вытянула ящик, порылась, покопалась, приёмник и отыскался.

Фанерная дощечка с проволочной катушкой, конденсаторы, ещё что-то и – самое главное – кристаллик и пружинка с острым концом в стеклянной трубочке на пластинке с медными штепсельными ножками.

Таня унесла детекторный приёмник с наушниками на кухню и засела прощупывать эфир.

Никак. Ничего. Но Таня не сдавалась, упорно добивалась цели.

Пришла мама.

– Макароны принесла. Чёрные, как из угольной пыли. Ты чем занимаешься? Пустая затея. Брат и тот укротить не мог. Не слушался коллектор.

– Детектор, мама, – вежливо поправила Таня. – Всё равно поймаю.

– Упрямая ты. Ну, лови, лови, доча. Звёздочку с неба поймала бы, в доме светить.

Мама, конечно, шутила, а Таня всерьёз ответила, глупая, детская самоуверенность нападала на неё иногда:

– И звезду обязательно поймаю. Или – планету.

– Лучше уж планету, – в голосе забытая улыбка.

– Займусь-ка обедом, – сказала мама.

Таня опять склонилась над игрушечным приёмником.

Вдруг что-то захрипело – не в наушнике, а над головой – и совершенно явственно раздался детский голос: «Папа!»

Таня и мама вздрогнули и почти испугались от неожиданности.

– Заговорило! – восторженно сказала Таня.

«Папа! – повторил мальчик. И стал просить, уговаривать, требовать: – Крепко бей фашистов! Возвращайся с победой!»

– Заработало, – радостно вздохнула мама. – Совсем отвыкать стали. Как без него? Ни новостей, ни извещений Андрееenko не знаешь.

Полмесяца молчала чёрная тарелка «Рекорда». Заработала, заговорила наконец. И – почти сразу же: «Внимание! Артиллерийский обстрел...»

– Лучше б оно молчало! – в сердцах воскликнула мама.

* * *

В январе и феврале в городе взорвалось семь с половиной тысяч тяжёлых снарядов.

В январе и феврале погибли от обстрелов, голода и болезней, замёрзли от холода почти двести тысяч ленинградцев. Но никто ни разу не подумал о капитуляции. Несли свой блокадный крест мирные жители, стояли насмерть бойцы на фронте.

Фашистский фюрер, оправдывая «задержку», объяснял Германии и миру: «Ленинград мы не штурмуем сознательно. Ленинград выжрет сам себя».

КАЛЬЦИЙ

До войны в большую перемену все наперегонки мчались в школьный буфет. Или перекусывали домашними бутербродами. Таня брала с сыром или вареньем.

Бутерброды со сливочным маслом и вареньем в семье почему-то назывались – «счастливое детство». А вот для Серёжи любимой едой был школьный мел. Он с таким удовольствием схрумывал кусок белой глины, что ребята, глядя на него, смеялись до слёз. Может быть, Серёже только этого и надо было. Когда он, воспитанный и благонаправленный, вдруг выкидывал необычный номер, то обязательно украдкой посматривал на Таню: какое на неё производит впечатление.

Таня как-то попробовала, откусила. Меловые крошки сразу забили рот, запершило в горле. Пришлось, конечно, бежать в туалет, выплевывать гадостную глину, полизать рот.

«Это с непривычки, – посочувствовал Серёжа. – А еда очень даже полезная, чистый кальций. От него крепость костей и быстрый рост скелета зависят».

Сейчас вдруг вспомнила и Серёжу, и мел, который «чистый кальций». А ведь был где-то дома, где?

В машине! В ящичке швейной машины. Там всегда лежали плоские кругляши, меловые лепешки. Мама вычерчивала выкройки, делала отметки на примерках.

Кабинетная швейная машина «Singer» находилась в комнате бабушки и Нины. Когда пропало электричество и нечем стало топить, машину перетащили на кухню. Подставка с литыми боковинами и ножной педалью осталась на прежнем месте. Прострачивать армейские рукавицы можно и вручную, да и трудно маме пользоваться ножным приводом. Ящичек с нитками, шпульками, мелом был в подставке.

После смерти бабушки Таня второй раз пошла в другую комнату.

Мела не было. Ни лепешки, ни крошки. Значит, кто-то опередил. Первым додумался. Украдкой, втайне от всех, сам!

Обвинительные слова готовы были уже хлынуть потоком, но Таня опомнилась – и остановилась. Сама же хотела присвоить и съесть мел, которого, к счастью, уже нет.

Куда же он делся?

– Мама, – издалека начала Таня, – а Серёжа до войны мел в классе лопал.

Мама делила хлебную пайку, не заметила военную хитрость.

– С чего вдруг вспомнила?

– Просто так. Серёжа говорил, что мел из чистого кальция, а от него скелет быстрее растёт. Портновский мел, он тоже кальций?

– Конечно. Потому и в кашку добавила, когда по сто двадцать пять граммов хлеба получали. Все ящички вытряхнула, все сусеки подмела, как в Дворищах говаривали. Ох, где же наш Миша, что с ним? И Нинурки давно что-то не видать. Не заболела ли?

Почта

На пороге стояла пожилая тётка в стеганке с большой сумкой на ремне. Почта давно не работала в городе, уличные почтовые ящики, заполненные до отказа, никто не выбирал, не разносили по домам даже срочные телеграммы.

Люди теперь просто отвыкли писать и читать письма.

– Есть кто из Савичевых? – деликатно спросила тётка-почтальон. Конечно же, почтальон, по сумке видно.

– Есть, – тоже не сразу открываясь, сказала Таня.

Тётка вытащила из сумки несколько конвертов, проверила адреса, дополнительно уточнила:

– А Савичева Таня есть?

Таня почему-то боялась, что все письма на бабушкино имя. До войны ей часто писала племянница, родная сестра тёти Дуси, но по фамилии мужа – Крутоус. Он был

кадровым военным, они переезжали с места на место, жили в гарнизонах. Перед войной тётя Оля Крутоус с сыном были в Ленинграде, останавливались у них, Савичевых. Мальчика привозили на консультацию к врачам-профессорам. Он чем-то сильно болел.

– Савичева, Таня есть? – вторично спросила почтальонша.

– Это я.

– Ты? – усомнилась тётка, а потом вдруг заулыбалась. Кости на скулах обозначились резче и синие губы чуть растянулись. – Не узнаешь меня?

До войны на этом участке работала другая женщина. Краснощёкая, говорливая, с электрической завивкой и особой приметой: бородавка на самом кончике носа. Такую и в блокаду опознаешь.

Таня вяло качнула головой. Нет, этой почтальонши прежде не видела, не встречала.

– Постарела, да? – грустно улыбнулась незнакомка. – Ты в третьем классе училась, а меня вожатой к вам назначили.

– Лена-а... – всё равно не узнала, но вспомнила имя Таня.

– Она самая. Да, здорово мы с тобой изменились, что заново приходится знакомиться. Вот, поручение выполняю, письмонощем стала. Приказано восстановить почтовую службу. Теперь и ящики будут очищать ежедневно, так что можешь ответы писать. Держи корреспонденцию, – и отдала все пять писем.

До войны Лена закончила девять классов, надо бы выяснить, что слышно о школе, будут ли занятия, но пока Таня собиралась с мыслями, Лена ушла.

Все письма от Серёжи. Он жил в городе с австралийским названием и очень скучал по Ленинграду. В каждом из писем спрашивал: «Как там у нас, на Васильевском, что у тебя нового?»

Мама, увидев на столе распечатанные конверты, даже за сердце схватилась:

– От Миши?!

– Нет, – разочаровала и еще больше расстроила её Таня. – От Серёжи, он в Кенгуре живёт.

– Кунгуре, – поправила мама. Она перебрала все конверты, перечитала обратный адрес: вдруг хоть одно не с Урала...

ШАНС

По ледовой дороге уже вывезли десятки тысяч, но в городе ещё больше полумиллиона детей, женщин, больных, раненых, инвалидов. Надо было срочно спасать их.

Для эвакуации по Дороге жизни прибыла из Москвы специальная автоколонна, сорок автобусов, оборудованных печками, загруженных консервами, шоколадом, концентратами, другими продуктами питания. На станции Жихарево организовали приёмный пункт с медчастью, столовой, палаточным жильем. Вырванных из блокады людей ещё надо подготовить к дальнему путешествию по железной дороге. Обогреть, накормить, подлечить хоть чуток.

На всём пути до мест назначения создавались продпункты и санпосты для ленинградцев. В январе и феврале было эвакуировано почти сто тридцать тысяч! Всего сто тридцать тысяч почти...

* * *

– Подумай, Мария, крепко подумай. – Дядя Лёша громко отхлебнул из кружки, заглотнул – будто не горячую воду, а большую пилюлю. – Тут нельзя ворон ловить. Последний, быть может, шанс. Верно, Вася?

– Точно, – подтвердил дядя Вася. Он тоже сидел за столом, но от чая отказался: – Без того раздуло, ноги в коленках не сгибаются.

Его водянистая полнота и в самом деле становилась пугающей.

– Сейчас – как? – продолжал усиленную агитацию дядя Лёша. – Сейчас поезда и автомобили, а сойдет лёд? Только баржи, катера. Представляете? А тут – от Финляндского вокзала до Ладоги поездом. Переехали озеро – и опять – пожалуйста – в вагон. Так что, Мария, подумай.

– Думала-передумала сто раз уже, – ответила мама, – не дано нам уезжать. Как же Лёка и Нина без меня? И вдруг Миша объявится?

Таня как-то спросила: «Мама, а кого ты из нас больше всех любишь?» Мама улыбнулась спокойно, иголку подала: «Уколи вот все пять пальцев на руке. Какому из них больнее всего будет?» Таня, конечно, не стала колоть, сказала: «Одинаково, наверное». Тогда мама и произнесла запомнившиеся слова: «Все вы одинаковы для меня. И боль, и радость, и любовь к вам – всем поровну».

– Нет, не дано, – уже окончательно решила мама. – Будь, что будет, с судьбой не разминуться. Вот вы-то, бобыли, почему сидите?

– Нам никак нельзя, – одышливо сказал дядя Вася.

– О нас и разговору быть не может, – примкнул брат. – И кому мы нужны на Большой земле? Не работники – едоки.

– Ещё чаю? – спросила мама, намеренно меняя тему разговора.

Дядя Вася безотрадно пробормотал:

– Чай да сахара.

От этой коротенькой пригласительной фразы повеяло старомодным уютom, медно-зеркальным самоваром, чайными угощениями.

Какую же удивительную силу имеют простые слова – воскрешать осязаемо и зримо исчезнувшие реалии жизни.

– А что, не такая это несбыточность, – дядя Лёша возразил не словам о чаях-сахарах, а безнадежности, с какими произнесены были. – Андрееenko разрешил объявить продажу шоколада, какао и по четверти литра осветительного керосина.

Савичевы могли рассчитывать на какао-порошок, по двадцать пять граммов на едока.

Шоколад предназначался только рабочим и детям.

– Это он ко Дню Красной армии, – истолковал извещение Андрееenko дядя Вася, а мама уточнила со вздохом:

– Разрешено объявить, когда давать будут – неизвестно.

Разговор об эвакуации на другие разные темы, как обычно, всё равно свелся к продовольственным делам.

– А ещё клюкву обещали, – вспомнила Таня. Клюква полагалась не только рабочим и детям, даже иждивенцам.

ОБСТРЕЛ

На заснеженной, в сугробах и торосах улице длинная густая вереница людей кажется чёрным разводьем на зимней реке. Людское дыхание – будто через трещину вода парит.

До открытия магазина ещё около часа, пять с минутами утра. Серая темень и обманчивая тишина. Чей-то натужный кашель, сдержанный стон, краткий приглушённый говор.

– Так мясо или мясопродукты? – допытывался у очереди сиплый, простуженный, некогда, наверное, сочный и красивый голос.

– Что подвезут, – отвечает старуха. Или вовсе не старая женщина, в темноте не разглядеть лица.

Третий, не определить, мужчина ли, женщина: поверх шапки с подвязанными наушниками, по-деревенски, накрест вокруг впалой груди, клетчатый платок с бахромой, – третий вносит смуту:

– Андрееenko только разрешил объявить про крупы и мясо с мясопродуктами, а когда продавать начнут – тайна, военный секрет.

Сразу несколько человек оспорили:

– Какой же это военный секрет!

Обвальным громом взорвался снаряд. Неподалёку где-то. С деревьев осыпался иней, взвякнули оконные стёкла.

– На Пятой линии, – определила старуха.

Никто не возразил, не поддержал. Никто не покинул очередь. Улицы длинные, дома, в большинстве своём, впритык, кто знает точно, где ударило. Отсюда не видно, а бегать выяснять – очереди лишиться.

Куда угодит артиллерийская смерть – не угадать, не предвидеть, а карточки не отovarить – гибель верная, неминуемая.

Люди затаились в ожидании. Ударит ещё раз-другой, объявят тревогу, расходиcь по укрытиям. Новые правила на время воздушных тревог и обстрелов расклеены по всему городу. За неисполнение мер безопасности – штраф, а то и лишение свободы.

Ещё громыхнуло, но уже далеко, за Невой, в другом районе.

– А крупы какие? – опять возник простуженный человек.

Никто не ответит ему, он и сам знает, но не говорить о съестном не может.

ГОЛОДНО-ХОЛОДНО

– Не звонили? – едва войдя с мороза, спросила мама. Каждый раз забывает, что телефон давным-давно отключён.

– Нет, мама.

– Куда Нина подевалась?..

Нине и трамваем больше часа добираться с завода, а пешком... Сколько их, бедолаг, из одного пункта вышли, как в школьных задачках испокон века писали, и сколько ныне, в блокаду, в другой пункт не дошли...

– Знать бы только, что жива, здорова.

– Да, мама.

– Витамин свой выпила? Нет? – Мама хотела придать голосу строгость, но лицо дочери такое усохшее, землистое, цвета блокадного хлеба, рот бескровный, из глубокого провала меркло поблескивают серые глаза. Сердце матери стиснула боль и жалость. Сказала ласково: – Надо, доча. Кроме хвойного настоя, ничего у нас от цинги нету.

Таня послушно взяла чашку с лесным запахом и отвратительным вкусом, а мама подбадривает:

– Нам ещё ох как зубы нужны. Смотри, сколько мяса принесла. Две месячных пайки, почти что целый фунт. И макароны. Такой суп будет! Лучку бы, капустки, моркови... Но и без этого и того сытный супчик получится. Факт.

Она отделила маленький мясной довесок, зато макарон наломала полную пригоршню, на три дня ведь супчик.

От мясного духа защекотало в носу, вязкая слюна заполнила рот, а в глубине живота, в сморщенном желудке закорчился голод.

«Голодно-холодно», – думала Таня, не спуская глаз с кастрюли на плите.

– Что ты сказала, доча?

– Нет, мама.

– Что – нет?

– Не сказала. Думала.

– Про что, если не секрет?

– Голодно-холодно.

– Покушаешь и согреешься.

«Покушаешь» – так говорила бабушка, а она, Таня, маленькая, глупая, обижалась. Как было хорошо, когда была бабушка и когда ещё жила Женя.

* * *

Они ели суп. С настоящим мясом и макаронами. И что-то мама добавила ещё, для густоты. Ели с громадным куском хлеба, размером почти с недавнюю дневную пайку. А всё мало, мало – никак не насытятся. Неужели никогда и во всей будущей жизни не удастся наесться вволю?

Дядя Лёша принес замечательную новость: в детский дом на набережной Лейтенанта Шмидта и Н-ский госпиталь подана вода!

– Н-ский – это же который в бывшем Кадетском корпусе. Рядом совсем, верно? То-то и оно, скоро и у нас вода появится.

– На фронте, на фронте как? – спросила мама о главном.

– Наши войска продолжали вести активные боевые действия против немецко-фашистских войск.

Не такая уж замечательная память у дядя Лёши, чтобы наизусть пересказывать газетные сводки. Просто в сводках – одно и то же.

– Конец февралю, – грея руки у остывшей печки, сказал дядя Лёша. – Отлютовала зима. Март – уже весна.

– По календарю, – состорожничала мама. – А погода как ныне сложится, кто ведаёт?

– То-то и оно, – вынужден признать дядя Лёша. – Опять же другая проблема, с Дорогой жизни. На ладожском льду держится.

– Лучше уж в холоде, чем в голоде, – молитвенно сказала мама. – Это факт.

Таню сморило, засыпая, забормотала сонно:

– Голодно-холодно, голодно-холодно, голо...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Вчера ещё казалось, что город вымер, вымерз, остатки жителей безвыходно сидят в заводских цехах или стоят в бесконечных очередях.

В воскресенье 8 марта могло показаться, что весь довоенный Ленинград на улицах, проспектах, во дворах, на площадях и набережных.

Город и до войны прихорашивался к праздничным дням – «пёрышки чистил».

В 42-м, в преддверии весны, надо было срочно убрать грязь и нечистоты – гнездовья болезней и эпидемий.

Снежные заносы и нагромождения сколотого льда при таянии угрожали затопить подвалы и нижние этажи домов и строений.

ВОСКРЕСНИК

Дядя Лша удивленно озирался:

– Народу! Стар и млад.

– Ну-ка, братья Родионычи, – по-свойски призвал на помощь дворник Фёдор Иванович. И ему в одиночку не управиться с железным ломом.

Втроем совместными усилиями приподняли и опустили тяжёлую пику. Блестящее острие вонзилось в серую глыбу, выключило мутную ямочку.

– Выше, выше поднимай. С маху чтоб!

С четвёртого удара ледяная глыба раскололась, обнажилось чистое голубое нутро. Но и половину не поднять.

– Ещё р-разок, Родионычи.

Дядя Вася ловил раскрытым ртом морозный воздух. Да и напарникам уже требовалась передышка.

Мама совковой лопатой накладывала ледяные осколки и крошево на фанерную волокушу. Бригада ребят отвозила нелёгкую поклажу к пандусу у сфинксов, к удобному и посильному спуску.

Сотни штатских и военных расчищали набережную. На людей в чёрных бушлатах и шинелях смотрели с любовью и благодарностью. Защитники и помощники. Когда в январе хлебозавод остался без воды, боевые экипажи включились в ремонт, проложили временные шланги и провода, качали воду из Невы, давали энергию от судовых электростанций.

Опорожнив волокушу, ребята присели отдохнуть.

Таня приблизилась к сфинксам. Мартовское солнце освободило каменные статуи от наморози, человеко-львы, блаженно прикрыв глаза, беззаботно дремали, будто с поста сменились. Караул несли военные моряки.

«Замечательно, когда совсем-совсем есть не хочется, – позавидовала сфинксам Таня. – Были бы люди из сиенита, тоже обходились бы без пищи. Живёшь себе и всё».

– Полундра, – подражая морским командирам, поднял свою бригаду Борька Воронец.

Ребята поволокли фанерный лист за очередной грудой. Каждая возка отнимала всё больше и больше времени и сил. После пятой или шестой доставки без посторонней помощи не сумели бы сбросить груз. Спасибо, моряк выручил. Высокий, тощий, из-под распахнутого бушлата тельняшка выглядывает. Он же и сухариком Таню угостил.

– Спасибо, – смутилась она. – Я не хочу...

– Хочу не хочу, – матрос улыбнулся. – От подарков нос не воротят. Это тебе, сестрёнка, по случаю Международного женского дня. Грызи на здоровье. Флотские сухари калорийные.

– Бери, – сказал Борька, но когда Таня попыталась угостить товарищей, решительно возразил: – Мы же мужчины.

Коля Маленький, сглотив слюну, самоотверженно поддержал его. Шапка сползла к затылку, шарф развязался; на разгоряченном лице нос никак не был похож на мышонка.

Остальные промолчали, даже длинный, как жердь, парнишка в большой заячьей шапке. Таня не сразу узнала в нем рыжего Павлика. Все считали, что он эвакуировался, а Павлик, как выяснилось, переселялся с мамой и младшим братом к бабушке на Лесной проспект. Когда остались вдвоём, Павлик и мама, жить на Лесном потеряло

смысл. Тем более что старший брат Павлика воевал и в любой момент мог вдруг объявиться на Васильевском острове.

– Полундра, кончай ночевать, – приказал Борька Воронец.
Ребята опять впряглись в волокушу.

КЛЮКВА

Удары ломов, шарканье лопат, глухой перестук и шлепки заматерелого снега перерезал разбойный свист.

– Ложи-ись!

– Не наш...

Фронтовикам и блокадникам известно: свой снаряд не услышишь, свой, в тебя летящий, обгоняет звук.

Рвануло на соседней улице. Потом ещё и ещё.

«Артиллерийский обстрел, артиллерийский обстрел!» – закричали уличные динамики.

Дежурные с повязками и милиционер, угрожая штрафом и военным трибуналом, загнали людей в укрытия. Таня очутилась в тёмном подъезде и по керосиновому запаху поняла, что это соседний дом.

Сейчас вонь керосина была даже приятной: из мирного, довоенного времени.

Обстрел района длился минут двадцать или тридцать. Наконец кто-то приоткрыл наружную дверь, в подъезд проник дневной свет, люди потянулись к выходу.

Работа возобновилась. Стало известно, что близ Тучкова моста двоих убило, четверых ранило.

– А всё от недисциплинированности, – сурово разъяснил милиционер.

Он был прав и не прав.

– Тревогу-то, мил человек, – выступила от имени народа женщина в бараньей выворотке, – уже опосля того, как стреляют, по радио кричат. Немец, он же загодя предупреждение не делает.

– Деревня, – безобидно обозвал спорщицу милиционер, но нравоучения свои прекратил.

Борька Воронец накинул ляжку на плечо:

– Поехали.

Фронт уборочных работ переместился в другое место, маршрут к Неве проходил левее прежнего. Напротив сквера упряжка остановилась.

– Что там? – спросил рыжий Павлик. Они с Таней шли по бокам, придерживали кучу, чтоб не разваливалась.

– Кровь.

Красные капельки, затуманенные морозом, перегораживали широкую тропу. Свернись некуда, давить это волокушей, растаптывать ногами...

Павлик протиснулся вперед, наклонился низко, изучая кровавый след, и вдруг выколул из снега красную горошину, ещё посмотрел – и сунул в рот.

Коля Маленький выпучил глаза:

– Ты что?!

– Клюква, – проглотив ягоду, сказал Павлик и наклонился за следующей.

Все начали отковыривать примерзшую к снегу клюкву.

«Рассыпал какой-то бедняга», – сочувственно подумала Таня.

– Поехали, – скомандовал Борька, когда подобрали все ягоды.

Успели сделать две ездки. И опять – арталёт.

– Не дают работать, гады, – возмутился милиционер. – В укрытия, в укрытия, граждане! Прошу и умоляю.

Полчаса спустя или чуть дольше по радио весело запел рожок, и диктор объявил на весь Васильевский остров:

«Внимание! Артиллерийский обстрел района прекратился. Нормальное движение транспорта по району восстанавливается».

Дворник Фёдор Иванович сказал озабоченно:

– Всё равно и сегодня не кончим. Неделю, поди, вкалывать надо. Такая многоснежная зима была...

БАНЯ

В переулок Декабристов отправились заблаговременно, хотя на талонах в баню, как на билетах в кинотеатр, точно указаны часы и минуты.

В первые дни, когда заработала ближняя баня, такая очередь образовалась – не попасть, не помыться.

* * *

Многие уходили ни с чем, а то и падали в очереди. Теряли сознание, умирали и в самой бане – от пагубной для изболевшегося сердца парильни, от ужасающей картины.

На улице, в очереди, все выглядели привычно одинаково. Сто одёжек на каждом, укутаны до глаз, а разделись донага, разоблачились – страхолудие!

Пугала, мощи еле живые, обтянутые земистой кожей скелеты, головастые уродины со вздутыми животами и тонкими жердочками ног. Будто с церковных фресок спустились в серое влажное облако замученные грешники, ожили картины ада из книги Данте.

Жутко было видеть других, понимая, что и сам ты такой же. Тень человека, кошмарное видение, призрак, наводящий страх.

* * *

– По-мо-ги... – еле различимым голосом попросил кто-то.

Сгорбленная патлатая старуха никак не могла оторвать от скамьи под кранами тазик с водой. Мама помогла ей, и немощная стала мыться рядом. Таня старалась не смотреть на неё, но так и тянуло на это. Что-то знакомое или запомнившееся было в той женщине, но что конкретно – никак не удавалось восстановить в памяти. Да и некогда отвлекаться. Время ограниченное, надо успеть отмыться от въевшейся копоты и грязи.

Нет-нет, а взгляд опять обращался к соседке. Где же всё-таки она видела её? Когда-то, до войны ещё, женщину с бородавкой на щеке?

И вдруг Таня вспомнила, вспомнила. Продавщица газированной воды на Большом проспекте у Андреевского рынка! Толстая, жирная, весь халат в буграх и складках...

СИМФОНИЯ

Композитор Шостакович посвятил симфонию № 7 Ленинграду. Он и создал её почти всю в родном, блокадном городе, а закончил на Волге, в эвакуации. В Куйбышеве она и была исполнена впервые, транслировалась по радио 5 марта 1942 года. Во второй раз Седьмую симфонию передали из Москвы, с концерта в Колонном зале.

* * *

До войны Таня один раз была в филармонии. Случайно. Валя, Лёкина невеста, простудилась, и брат взял с собою Таню. Они сидели в девятнадцатом ряду, слева, у

боковой ложи. Оттуда, сверху, нарядная дама с маленьким перламутровым биноклем бросала на них негодующие взгляды. Лёка по звуку определял инструменты и шёпотом называл их Тане: «Фагот... контрабас... флейта-пикколо...».

В программе концерта была музыка Штраусов, отца и сына. Потому, наверное, и запомнилось название симфонии – «Домашняя».

Сейчас, слушая у дяди радио, Таня подумала, что начали передавать похожую музыку, домашнюю симфонию. Такая она была светлая, ласковая, семейная.

Она прикрыла глаза – всё равно полутемно в комнате, да и рассматривать нечего, – погрузилась в звуки оркестра. Живо представился большой стол и все Савичевы за ним: бабушка, мама, Женя, Миша, Лёка, Нина, оба дяди, Вася и Леша, и сама она, Таня. У всех радостное настроение, улыбаются. Но вскоре что-то вспугнуло, встревожило праздничное застолье.

Крадучись, шурша и постукивая, стали возникать и нагло повторяться угрожающие звуки. Потом, вдруг и всем оркестром, загремела кованая поступь солдатских сапог, залязгали гусеницы танков. Они смяли, заглушили счастье и солнечный мир.

Война! – теперь только поняла Таня, что произошло с музыкой, с домом, со всей страной. Роковая, смертельная опасность нависла над всеми. И народ поднялся на борьбу с фашизмом.

Священная, губительная, жесточайшая битва свирепствовала на земле. Неисчислимы жертвы войны, сражение ещё не окончено, железный марш фашизма возникает вновь и вновь. Но победа над ним неизбежна, добро одолеет зло. Не скоро, но это обязательно будет.

Всё это Таня увидела, не только услышала. Она не сразу пришла в себя.

Оркестр замолчал, опять затикал метроном – сердце блокадного Ленинграда, а она, дитя великого, прекрасного и трагического города, была ещё во власти музыки.

Седьмая симфония переполняла всё её существо восторгом и счастливой мукой.

До слуха дошли наконец сдержанные всхлипы. Таня тревожно повернулась к дяде Васе.

– Ты плачешь? – испугалась Таня.

– Нет, нет... – прошептал дядя.

А по запавшим, заросшим седой щетиной щекам текли слёзы.

– Прекрасно, – заговорил опять, – величественно. И всё – правда. Мы победим. Вот увидишь, дружок.

Таня закивала. Да, да-да! Она одолеет блокадные страдания и военные беды, выстоит, выживет, увидит день победы!

БРАТ

Кто-то затоптался в передней. Дверь не заперта, входи кому и когда угодно.

– Нина? – встрепелась мама, и Таня обрадовалась: вдруг объявилась сестра, месяц ни слуху ни духу.

– Мы, – донесся слабый голос.

Пришли Лёка с Валей. Что с ними сделала война и блокада! Ладная, пухленькая Валечка превратилась в плоское существо с дряблым лицом и отрешенным взглядом. А брат – располнел. Одутловатые щёки, заплывшие глаза за толстыми очками.

– Опух! – ахнула мама и захлопотала у печки, где стояли кастрюльки с жалкими порциями супчика и дуранды. Будто этим и за один раз можно было излечить Лёку от дистрофии, освободить от губительной жидкости.

Он медленно опустился на стул и вынул из-за пазухи баночку с декстриновой запеканкой.

Оладьи и котлеты из декстрина как-то давали в школьной столовой, запеканку Таня ещё не пробовала и, сколько ни спрашивала, так и не выяснила, что такое декстрин. Технические отходы от чего-то.

Мама схватилась за сердце:

– Сына! Что ж ты делаешь?! Сам же...

– Ничего, всё чин чином... Меня... – и закашлялся, захрипел.

– Лёку в стационар кладут, – пояснила Валя. – Нащ, заводской. Там тепло и кормят усиленно.

Мама погладила ее по плечу:

– И тебя бы туда, доча... Факт.

Таня вдруг вспомнила, что Лёка собирался жениться на Вале. В этом, 1942 году, в марте...

– Пойду, – сказала Валя. – Меня тоже на сутки домой отпустили.

Лёка сделал движение подняться на ноги, но не сумел с первого раза.

– Сиди, – не строго, нежно и заботливо приказала Валя, и он безропотно подчинился ей.

Вечером, отдохнув несколько часов, попросил мандолину, попробовал медиатором струны и поморщился:

– Ну и звучок...

А настраивать почему-то не стал, фальшиво и дребезжаще вывел начало мелодии из кинофильма «Большой вальс». Ту, что Карла Доннер поёт, когда навсегда уезжает от Иоганна Штрауса: «О прошлом тоскуя, я вспомнил о нашей весне...».

Утром, темно ещё было на улице, постучался ремесленник в чёрной шинели, вручил рукописную повестку от начальника цеха. Лёка прочёл сначала про себя, затем – вслух:

– «Савичеву Л. Н. Товарищ! Явитесь на работу по получению повестки. Поступил срочный фронтной заказ...»

Надо собираться.

Его бы уложить в постель, вызвать доктора...

– Надо, сына, – сказала мама.

ТРАМВАЙ

Чудо готовилось долго. В феврале начали расчищать трамвайные пути и сращивать оборванные провода. Но всё равно трудно было поверить, что замёрзшие на проспектах и улицах вагоны придут в движение. И вот 5 марта от Технологического института проехал по Загородному грузовой трамвай, а после воскресников и субботников пошли пассажирские поезда.

Какой был праздник! Всегородской, всенародный. Вагоновожатые почти непрерывно стучали по педали, оглашая мартовский воздух счастливым звоном. То был не просто трамвайный сигнал. Победный гимн! Город наперекор всему и вся, на седьмом месяце жестокой блокады поднимался на ноги, встал на колёса.

* * *

Ещё и булочная не открылась, только-только закончился ночной комендантский час, когда вдруг пришла Валя. На ней лица не было. То есть лицо было, но застывшее в горе, неживое.

– Нет, нет, – мама замахала обеими руками, словно отгоняла осиный рой или недобрую чёрную силу.

– В пять часов утра, – мёртвым голосом сообщила Валя.

И мама вдруг сделалась спокойной-спокойной.

– Где он? – спросила.

– В стационаре.

Забрать Лёку домой невозможно: не только на кладбище, до Второй линии не доехать. По голому асфальту не дотащить на санках...

И одного его, Лёку, заводская служба хоронить не станет...

– Там попрощаемся, – решила мама, и все Савичевы отправились на судомеханический завод.

Мартовское солнце отогревало город. Дома на южной стороне мокрые, словно после грозового ливня с ветром. На рельсах спящие блики. Уже несколько дней через мост Лейтенанта Шмидта ходили трамваи, сталь очищалась от ржавчины.

До завода было совсем близко, за десять минут добежать можно. Сразу за мостом повернуть направо, дальше – по набережной до упора, налево – и в сотне метров заводская проходная.

– Придётся трамваем, – сказал дядя Вася, – чтоб не опоздать.

Страшно сделалось от мысли, что Лёку могут увезти. Где его потом искать?

Долго трамвая не было, скопился народ.

– Подождём, – миролюбиво сказала женщина в котиковом манто поверх стёганки. – Теперь можем. Самую смерть пережили, голод выдержали.

– А теперь умираем, – проскрипел кто-то.

– Умирают дистрофики, кто до костей выголодан, – разъяснила девушка с медицинской повязкой на рукаве. – Таким питание уже не впрок.

– И ещё те, – добавила женщина в манто, – кто духом пал. А мы, кто работает, выстоим.

Таня плотнее запахнула шерстяной платок. Лёка день и ночь работал, неделями жил на заводе, почему же он умер?

ЛЁКА

Он лежал в недлинном ряду товарищей, других отстрадавших свое заводчан, укрытый до тонкой шеи измятой простыней. Как быстро, за несколько часов, спала с лица одутловатость. Широко распахнулись глаза. Они без очков стали большими-большими, серые, савичевские глаза.

Мама попыталась закрыть их, но веки не повиновались, будто примерзли. Не удалось и дыханием отогреть, ничего не помогло.

Лёка, не мигая, смотрел вверх и вдаль. Он видел, наверное, то, что недоступно живым, иначе поделился бы своим открытием, как супом или запеканкой из декстрина. Перевёл бы взгляд на стоящих рядом, улыбнулся и заверил весело и задорно: «Всё чин чин, чин чинарём!»

* * *

Мама, не раздеваясь, свалилась на постель, впала в тяжёлое забытьё. Таня безмолвной тенью бродила по квартире. Неисполненный долг, незавершённость чего-то лишили покоя.

Белые и чёрные клавиши раскрытого пианино ощерились, как рот, поражённый цингой. Лёка, видно, крышку поднял, когда в последний раз дома был. А играть не стал, мандолину попросил, напомнил мелодию прощальной песни из замечательного

кинофильма «Большой вальс». Перед войной все очень увлекались музыкой Штрауса. Популярной сделала её картина об истории любви композитора и знаменитой певицы. Таня и то смотрела «Большой вальс» дважды.

* * *

Не знала Таня, и никто из Савичевых, что рядом где-то, в блокадном Ленинграде, умирали от дистрофии сестра и мать Милицы Корьюс, исполнительницы главной роли Карлы Доннер...

* * *

Таня опустила крышку, закрыла клавиши.

Она почему-то медлила, оттягивала запись о смерти Лёки, но это было её обязанностью, её долгом – вести летопись семьи Савичевых.

Ларец с палехской росписью покрылся слоем пыли. Таня провела рукавом по выпуклой крышке.

На чёрное лаковое поле стремительно вылетела конная тройка.

Под кисейной фатой, меж свечами лежали блокнотик и синий карандаш. Таня после смерти бабушки хранила их в шкатулке. Вместе со свидетельствами о смерти папы, Жени, а теперь и бабушки с Лёкой.

Она раскрыла блокнот на букву «Л».

В одном месте два слова слились.

Лека умер 17 марта в 5 часутр в 1942 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЕСНА

В марте фашисты выпустили по Ленинграду 7380 снарядов.

В марте только одним трестом «Похоронное дело» предано земле 89 968 человек. Сколько всего погибло в том месяце ленинградцев от артиллерии, цинги, алиментарной дистрофии – не знал и не узнает уже никто.

Фюрер отдал приказ начать операцию «Айс-штосс» – «Ледяной удар». Цель – уничтожить до начала весеннего ледохода корабли на Неве и в Ленинградском порту.

После трёхмесячного перерыва на город опять ринулись воздушные армады, возобновились бомбёжки.

ГЛОБУС

Он подвернулся под руку совершенно случайно, и Таня принесла его на кухню, а тут как раз объявили воздушную тревогу...

Глобус в бомбоубежище никого не удивил, люди всякое брали с собою на многочасовые сидения в подвале.

В первые месяцы войны, когда ещё не было голодно и холодно, почти все рукодельничали, читали в подземельях. А в младших классах и школьные занятия проходили в убежищах.

Хотя построжевшие правила поведения во время тревог возымели своё действие, в бомбоубежище народу стало гораздо меньше: война и блокада заметно сократили население, кроме того, в зимние месяцы из Ленинграда вывезли более полумиллиона.

Тане с мамой досталось отличное место – у стены, близко от висящей на потолочном крюке «летучей мыши». Свет от лампы был достаточен, можно читать надписи на крутых боках. А шрифт на глобусе убористый и мелкий, целые материки небольшими пятнами, отдельные страны – веснушками на лице объёмной модели Земли.

Ленинград обозначен как город с миллионным населением – точкой в окружности. Живая точка в мёртвом кольце блокады...

Таня видела и воспринимала предметы, события, явления, весь окружающий мир глазами блокадной девочки, жительницы города-фронта.

Кружки и точки на глобусе – воронки от бомб и снарядов, дороги и реки – линии траншей и окопов, шрамы ранений. Всюду война, смерть и разрушения. Даже на макушке и донышке, у полюсов, в белой Арктике, в голубой Антарктиде. В северных морях гибнут от торпед и снарядов корабли транспортных конвоев и грузовые пароходы. В южных океанах эсминцы и субмарины атакуют пассажирские лайнеры и нефтеналивные суда. Нигде нет покоя и мира. Несчастный, безумный шарик земной...

– Абу-уз...

На руках женщины с землистым лицом и стеклянными глазами проснулся ребёнок. Мальчик или девочка – не определить.

– Абуз, – сначала удивлённо, потом с вождением повторил ребёнок и затвердил монотонно: – Абуз, абуз, абуз...

Он не требовал, не клянчил. Повторял механическим голосом:

– Абуз, абуз...

– Глобус это, – устало пояснила мать, но ребёнок не слушал или не слышал её.

– Абуз...

При свете «летучей мыши» ученический глобус без подставки и в самом деле похож был на маленький арбуз. Полосатый, хрупкий. Сдавить посильнее – хрустнет, брызнет красным, развалится на куски.

Таня прижала глобус к груди и прикрыла его руками.

АПРЕЛЬ

Солнце повернуло на лето, дни прибывали, но ещё долгие, томительные ночи оставались по-зимнему холодными.

Северная весна особенная. Ладожское озеро освобождается от белого панциря мучительно и неохотно. Не сразу и не скоро уходят вниз по Неве глыбы и льдины.

Весну ждали с тревогой: исчезнет ледовая трасса, оборвётся конвейер Дороги жизни. Температура быстро росла, превышала уже ноль градусов. Лёд тончал, трещины и прораны разрушали путь, движение делалось опасным. Гибель угрожала не только с неба, уже и снизу.

Весну ждали с надеждой. Можно будет – и есть на то специальное постановление – завести огороды. В скверах и дворах, на пустырях и под окнами, на бульварах и Марсовом поле – всюду, где нет асфальта и булыжного покрытия, станут выращивать картофель, брюкву, свёклу, капусту. Заводы и артели создадут в пригородах подсобные сельские хозяйства.

А пока без карточек можно добыть лишь хвойные лапки пихты и ели, дубовую кору. Для отвара или настоя с противцинготным витамином, для снадобья от желудочного расстройства.

На домах расклеены машинописные «Памятки сборщикам дикорастущих съедобных растений и лекарственных трав».

В центральном гастрономе вывешены кулинарные рецепты: щи из подорожника, пюре из крапивы и щавеля, котлеты из ботвы, капустный шницель, биточки из лебеды...

* * *

– Ничего, – бодрится и подбадривает дядя Лёша, – скоро перейдем на подножный корм. Самоснабжение. Представляете? Своя лебеда, крапива, свой щавель, всевозможная ботва.

– Первой ольха распустится, – тихо, мечтательно заговорил дядя Вася. – Красно-коричневые серёжки...

– А их едят? – спросила деловито мама.

– Не знаю, Мария. Но чудо как хороши. Расцветут подснежники. Вылупятся из кожистых скорлупок мохнатые почки ивы.

– Пушистые, как цыплята, – мечтательно вспомнила Таня.

Они сидели на кухне вчетвером, все Савичевы. Маскировочная штора была поднята, солнце врывалось в дом ярким теплом. Когда наводили порядок на улицах и в жилье, мама протёрла стекла единственного уцелевшего в квартире окна.

– Вышла бы на свежий воздух, доча. На солнышке погрелась.

– Точно, – поддержал дядя Вася. – Поплелись, дружок? Может, в последний раз.

– Что ты такое говоришь, Василий! – мама выразительно показала глазами на Таню.

– Точно. Извини, Мария. Извините, – сразу пошёл на попятную дядя Вася.

ПРОЩАНИЕ

С крыш и карнизов свисали опрокинутые свечи сосулук. Хрустально сверкали, истончались капелью. Замусоренные остатки слежавшегося снега в тёмных закутках прятались от солнца. В опавших вдоль ограждения у разбомбленных домов сугробах вытаивали ноздреватые кратеры. Из промоин струилась вода, собираясь в первые весенние ручьи.

– Чудо как хорошо! – Дядя Вася восторгался всяким проявлением красоты и непобедимости жизни. – Посмотри, дружок.

Они шли мимо Румянцевского сада, медленно, с остановками. Дядя Вася дышал часто и прерывисто, тяжело опираясь на палку. Он и до войны не был худым, но теперь полнота его вызывала в памяти Лёку, каким того видели в последний приход домой.

Дядя Вася показал запухшими глазами на подсыхающую прогалину. Там настойчиво и дерзко пробивались зелёные иголки травы.

– Смотри, дружок... Чудо...

– Отдохнём, – сказала Таня. Сердце защемило недоброе предчувствие, но что она, девочка, даже взрослая блокадная девочка могла сделать для любимого дяди. – Ты же сам учил: всё надо делать медленно, не торопясь.

– Точно, – дядя Вася обеими руками упёрся в палку. – Пить, есть надо обязательно медленно, тогда возникает ощущение полной сытости.

Так и было на самом деле. Возникало. Ненадолго только...

Сфинксы жмурились от апрельского солнца.

– Это ещё что и... откуда? – в два приёма спросил дядя Вася, мохнатые брови его шевельнулись.

– «Сфинкс из древних Фив в Египте перевезен в град Святого Петра...» – начала Таня. Голос пресёкся, и она по-сиротски приткнулась к дяде.

Он перенёс тяжесть тела на одну сторону, высвободил левую руку и мягко опустил на Танину голову.

Они постояли так, прижавшись, без слов, преисполненные любви и нежности друг к другу.

– Поплелись?

Не в даль, по набережной. Домой, обратно. Хватило бы духу вернуться...

– Поплелись, – неохотно подчинилась Таня.

А дядя не спешил уходить, жадно и заворуженно любовался береговой панорамой. Мысленно видел, наверное, ротонду и купол Исаакиевского собора в первозданном виде, без маскировочной окраски. И расчехлённый шпиль Адмиралтейства – золотой кораблик вот-вот оторвётся от игольного причала, улетит на всех парусах в апрельскую синь. Отбросив песок и доски, Медный всадник опять вздыбил коня и державно простёр руку...

Дядя Вася смотрел на город будто в первый, но и в последний раз. Взор его, растроганный и восхищённый, был прощальным. Мохнатые брови волнились, шевелились беззвучно губы. Он мысленно рассуждал или спорил – с кем и о чём, не определить, не угадать. Но итог своих раздумий, выводы жизни огласил, не заботясь, что, кроме родного дружка, могут услышать другие:

– Не любовь и голод правят миром. О нет, нет. Миром правят Красота и Любовь. Только они!

Тане вдруг страшно сделалось за дядю и боязно.

– Пойдём домой, пожалуйста.

Дядя Вася вздохнул, протяжно и облегчённо, точно освободился от тяжести, завершил главную работу. Успокоил:

– Конечно, домой. Куда же ещё, дружок?

МАДОННА

– Постоим, дружок... Подумаем...

Дядя Вася, приоткрыв рот, устремил глаза в небо. Таня чуть прижалась, спросила доверчиво:

– О чём ты думаешь?

Дядя, наверное, не захотел огорчать её, а может быть, и в самом деле думал именно о том:

– Что растёшь, что уже вровень с моим плечом. И вспомнилось, как маленькой, трёхлетней...

Воспоминание размягчило улыбкой пергаментные, ломкие, в трещинках губы дяди Васи.

– Маленькую, тебя спрашивали: «Любишь дядю?» Ты отвечала: «У нас взаимная любовь». Так вот, было годика три тебе, под моим наблюдением находилась, в нашей комнате. Лёша где-то мотался по служебным делам, а я чем-то так увлёкся, что и о тебе забыл. Ушел с головой в своё занятие. Через полчаса или час хватился: «Где моя племянница, где дружок мой?» Очень уж тихо в комнате. А ты стоишь в кресле и, держась за спинку, вдумчиво, серьёзно рассматриваешь «Сикстинскую мадонну».

«Нравится?» А ты, вместо ответа: «Кто его обидел?» До меня не сразу дошло – кого его. «Так его же, ребёночка!»

Я впервые посмотрел на картину не взрослыми глазами. Прежде всё моё внимание занимала прекрасная женщина. Теперь я сосредоточился на ребёнке. И впрямь, недетский взгляд его выражал обиду, недоумение, ожидание.

– Мне и сейчас ребёночка жалко, – призналась Таня. – Я эту картину всегда люблю.

– Вот и заberi, повесь у себя.

Таня протестующе посмотрела на дядю.

– Не сейчас, когда... Когда силы будут, дружок. Поплелись?

«БЕЛОМОР»

– Не звонил, не приходил кто? – всякий раз спрашивала мама, возвращаясь откуда-нибудь домой. Все забывает, что телефон не работает. Зайти... Неписаное правило утвердилось: даже родственники – редкие гости.

Причиной тому не только большие расстояния, запредельное истощение и слабосилие, но и особая, блокадная деликатность.

– Все нас забыли, доча, факт, – обижалась мама, хотя сама поддерживала связь лишь с Нащериными. – До войны всегда народу было полно. Бабушка говорила: «Проходной двор, а не дом».

Вале, конечно, тяжело приходиться сюда. Сама сказала: «Не могу пока».

Все парни из Лёкиного оркестра на фронте, а Вася Крылов, искалеченный в зимней кампании до большой войны, запропал неизвестно куда, как и Нина...

И вот неожиданно-негаданно, жаль, что в отсутствие мамы, явился Игорь Черненко, «директор» струнного оркестра и ближний, с Третьей линии, сосед. Он был ранен у Невской Дубровки, на «Пятачке», отлежал в госпитале и получил десятидневный отпуск. От него пахло бинтами и лекарствами.

– Как же так, как же так? – вопрошал Игорь неизвестно кого. Смерть друга ошеломила его. Не в атаку же ходил, не в окопе сидел Лёка Савичев – и погиб.

Таня же, глядя на Черненко, не могла понять, почему сержант артиллерии, герой-фронтовик такой измождённый? Как обыкновенный блокадник.

– Вас плохо кормили в военной больнице?

– Почему? В госпитале харчи нормальные, усиленные даже. Я с полпуда в весе прибавил.

– В стационаре у Лёки тоже было усиленное питание, – рассказала Таня.

Черненко достал из шинели папиросы:

– Лёке вез в подарок.

Таня не знала, что сказать.

– Возьми. Обменяете на что-нибудь. «Беломор» – нарасхват.

КОКОСЫ

На Андреевском рынке за пачку «Беломора» давали всё, что угодно: хлеб, сахар, шроты, какао-порошок, столярный клей, бронзовую статуэтку, хрусталь и шелк.

Мама выменяла кокосовое молоко, парфюмерный съедобный продукт. До войны его добавляли в туалетное мыло и крем для лица. Теперь несколько раз давали по талончикам на сахар. Кокосовое молоко, похожее на чешуйки, настроганное со стеариновой свечки, было вкусным и приятным, но очень уж быстро таяло во рту. Один запах оставался, нежный и тонкий, да и то на очень короткое время. Как простые духи.

– На обертке ещё пальмы были нарисованы, – вспомнила мама довоенное туалетное мыло «Кокосовое».

Таня взяла на кончик ложечки несколько белых чешуек, осторожно перенесла их на язык и отпила кипятком из чашки. Она закрыла глаза и увидела пустынный остров в океане, широкую полосу кораллового песка и, чуть поодаль от уреза синей воды, согнутые ветром пальмы. Под веерными листьями висели крупные кокосовые орехи.

– Вот бы жить на острове, – подумала вслух.

– А мы где живём, доча? – не поняла мама. – На острове и живём, на Васильевском.

– Нет, там, где кокосы...

БОЛЕЗНЬ

Зуб вырвался сам по себе. Точнее – вывалился, выпал из распухшей десны. Мама хотела откусить поджаренную на «буржуйке» корочку – и лишилась зуба. То, что к истощению прибавилась цинга, давно обнаружилось. Стали отекать ноги и руки, покрываться синяками и язвочками, острая боль в суставах мешала ходьбе. Теперь зубы посыпались...

– Надо было лук просить, – сказала озабоченно Таня. – «Беломор» очень ценится.

– Побаловать тебя хотелось, доча. Вкусное же оно, молоко кокосовое?

– Вкусно. А лук не просто еда, а лекарство.

Это до блокады она была маленькой, не понимала, что к чему. Теперь разбираюсь в еде и болезнях.

– Вот бы он опять пришёл...

– Черненко-то? Кончился у него отпуск, обратно на фронт уехал. – Мама вздохнула. – Миша, Мишулька наш где? И Нинурка почему-то не приходит.

Мама обманывала себя, отгоняла страшную мысль. С Ниной, конечно, случилось непоправимое. Не известно лишь – где и что. С марта месяца не получала свои продовольственные карточки, а уже почти середина апреля, двенадцатое число.

– У одного человека, – дипломатично начала Таня, – и не только у него, таких историй много. А у того, ну, в общем, Бори Воронца, мама пошла в очередь и пропала, а через сколько-то дней вернулась. Окрепшая и почти здоровая.

– Это как же так?

– Очень просто. Упала на улице, её отвезли в профилакторий, вылечили там и подкормили. А Борька ждал, и все мамины хлебные пайки откладывал в жестяную коробочку из-под довоенного печенья.

– Хороший человек, – оценила Борьку Воронца мама. Она осмотрела выпавший зуб, вздохнула: – Такой ещё здоровый был...

ДОЛБЁЖКА

Бомбоубежище вздрагивало, как при землетрясении. Глухо доносились разрывы снарядов. На длинном шнуре маятником раскачивалась лампочка с эмалированным абажуром. От слабого электрического напряжения зубчатая спираль лампочки не светила, а тлела.

– Когда ж это кончится? – раздавалось из полутьмы.

Вместо ответа ругнулся птичий голос:

– Ну, гады. Четвёртый час долбают.

Обстрел начался в пятом часу, теперь был уже вечер.

– Без паники, граждане, без паники, братцы-ленинградцы.

И опять глухие удары, толчки, а в паузах – частый стук метронома. Радиозвуки множилось эхом бетонных сводов, чудилось, будто в подвале не один, а десятки громкоговорителей.

– Через пять дней ровно триста, – опять возник птичий голос.

– Что – триста? – не поняли в дальнем углу.

– Триста дней войны. Сегодня двести девяносто пятый.

Таня мысленно ахнула: «Неужели война уже так долго?»

Иногда ей казалось, что война была всегда. Голод, холод, бомбёжки, обстрелы, дистрофия, тревоги, очереди – все ужасные ненормальности стали обыкновением. И то, что смерть вошла в их дом, в дом Савичевых, не исключение, а само правило, правило войны.

– Правило войны, – подтвердил дядя Вася. – Ни одна семья не может рассчитывать на снисхождение или милосердие. Судьбы людей, при всей их непохожести и самоценности, на войне делаются безымянными заложниками. Молодые и старые, женщины и мужчины, дети и калеки, гении и рядовые – все сгорают в пламени войны.

Двести девяносто пять дней, почти десять месяцев. Всего около десяти месяцев, а в одной лишь семье столько потерь!

Три человека убиты блокадой, два пропали без вести...

Незадолго до полуночи, после некоторого перерыва, артиллерийская долбёжка возобновилась, но Савичевы не пошли в подвал.

Дядя Вася

Каждое слово давалось с трудом. Дядя напрягался, выдавливал из себя хриплые звуки.

– Подвёл... вас... Хло-пот...

– Что такое говоришь, Вася! – ласковым голосом возмущалась мама. – Лежи спокойно.

– Нале-жусь...

– Дядя, не умирай, ну, пожалуйста, – просила Таня слёзно, а глаза оставались сухими.

Он ещё жил, но тело его немело, руки стали ледяными, оцепенение подкрадывалось к сердцу.

– Дядя, пожалуйста, – умоляла Таня и гладила, гладила ледяную руку.

Дядя Лёша закладывал в печку старые, потрёпанные книги в мягких обложках, заслоняя их от брата спиной. Старания его были напрасны: умирающий страдал о другом:

– Хлопот... вам... под-кинул... Извини, дру-жок...

– Родненький, дорогой, – твердила своё Таня. – Пожалуйста...

– «У йомфре Андерсен, в подворотне...» – начал дядя Вася, и голос его будто растаял.

Гудело пламя в «буржуйке»; где-то близко, на Васильевском или в Петроградской стороне, взрывались с раскатом снаряды; в груди умирающего хрипело, попискивало сдавленно.

– Часы, – ясно попросил вдруг.

Таня вложила в холодную ладонь серебряную луковицу. Дядины пальцы чуть шевельнулись, Таня поняла это как просьбу открыть циферблат и отщелкнула крышку. Было ровно два часа ночи.

– Тебе, друж... – он не договорил, умер.

* * *

Днём, оставшись дома одна, Таня раскрыла блокнот на букве «В».

Запись получилась не очень правильной, сбивчивой.

Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ САВИЧЕВЫ УМЕРЛИ

Груды мусора на Неве рушили своей тяжестью подтаявший лёд, осаждались на дно. уносились на отколовшихся льдинах. Река раскрепощалась, играла свинцовыми волнами.

Серый, суровый цвет Балтики главенствовал в ненастные дни во всём и везде. Моряки очистили корабли от зимней маскировки; обтаяла белая наморозь на стенах

домов: шаровая, тёмно-серая, краска на куполах и шпилях благородно сочеталась с металлическим блеском реки и хмурыми облаками низкого неба.

Строгие балтийские тона как бы подчеркивали особое, блокадное, состояние города и обнажали красоту его архитектурного совершенства.

В конце апреля появились первые ладожские вестники. Отдельные льдины, белые плотики с дрейфующими чайками, а вскоре потянулись и целые поля.

Ледоход с верховья означал победу весны на Ладоге, конец зимника.

* * *

25 апреля выезд на ладожский лед был запрещён. Зенитчики увезли пушки и пулемёты, связисты намотали телефонные провода на катушки, свернули радиостанции, охрана и службы сошли на берег.

За сто пятьдесят два дня Дорога жизни обеспечила доставку с Большой земли сотен тысяч тонн продовольствия и боевого снабжения, вызволила из блокады более миллиона человек. И вот её не стало.

ПРИВЕТ

Наверное, не вся почта доходила до Ленинграда. Таня получала письма от Серёжи сразу по несколько штук.

Были вопросы, на которые неизвестно, что отвечать. «Таня! Ты так и не написала мне, понравились ли тебе мои стихи!» А стихов никаких и не было. Или были, но в письме, которое пропало.

Предмайские послания пришли за два-три дня до закрытия ледовой трассы. Чуть опоздал бы Серёжа, и ждать этим конвертам на другом берегу Ладожского озера не меньше месяца, до весенней навигации.

«Привет! С праздником 1 Мая!» – такими словами начиналось Серёжино послание. Странно было читать его. В городе обычные рабочие дни, артобстрелы. Первые снаряды упали на площади Труда, за мостом Лейтенанта Шмидта. Бомбардировка длилась часа два, затем наступил перерыв. Отдохнув, фашисты опять взялись за дело.

А погода и впрямь выпала праздничная: солнце, почти что летняя теплынь. И ночь на 2 мая была прекрасной: тихой, светлой. Луна сияла и лучилась, как до войны!

Сама Таня луны не видела, Борька Воронец рассказал.

– Громадная и в пятнах, как азиатская дыня!

Борькина тётя была замужем за пограничником, жила на Памире и приезжала в отпуск с дынями.

– У них там дынь этих, как у нас капусты! – заверил Борька.

– Б-было, – поправил Коля Маленький. – Сейчас в-езде к-карт-точки...

– Ты чего трясёшься? – Борька знал, конечно, почему. Одеты все по-зимнему, температура плюсовая, но после страшной, голодной и холодной зимы не согреться. – Ползаем, как сонные мухи, вот и мёрзнем. А люди физкультурой занимаются. Слышали радио? Футбольная игра намечена, встречаются динамовцы и армейцы. Нам бы тоже какое-нибудь соревнование организовать.

Деятельная, командирская натура Борьки Воронца требовала немедленного приложения сил, но сил, увы, у него мало было. Никто не гонял мяч, не играл в классики...

Таня передала привет от Серёжи, и разговор перешёл на школу. С завтрашнего дня возобновлялись занятия.

– Нам х-хорошо, – порадовался Коля. – В м-младших классах в-всего по три урока.

– А кормёжка, как у всех, – трехразовая!

Можно было подумать, что приказ о трехразовом питании в школах подписал он, Б. Воронец.

* * *

4 мая 1942 года в Ленинграде открылось 137 школ. К учёбе вернулись почти 64 тысячи ребят. Медицинский осмотр показал, что из каждых ста лишь четверо не страдают цингой и дистрофией.

ДИСТРОФИЯ

И прошедший апрель нельзя было назвать голодным, но дистрофия довершала свои чёрные дела. На старых и новом, Пискаревском, кладбищах в апреле захоронили 102497 человек. Десятки тысяч, прикованных к постелям и больничным койкам, ждала печальная участь.

В Ленинграде ещё оставалось полтора миллиона жителей, надо было срочно спасать их, вытаскивать из дистрофии. Во всех районах открывались столовые усиленно-го питания, врачи прикрепили к ним уже к началу мая 100 тысяч больных.

* * *

Мама передвигалась, как на протезах. Ноги не сгибались в коленях, и каждый шаг вызывал острую боль. Дядя Лёша, тот совсем слёг, но и лежать ему стало невозможно. «Собственный скелет мешает. Представляете?»

Представить не составляло труда. Через глянцевою, зеленоватую, прозрачную кожу просвечивали кости, нос истончился, а зубы словно длиннее сделались, выглядывали из полуоткрытого рта.

И от мамы одна тень осталась. Щёки будто слиплись изнутри, глаза провалились, цинготные пятна и язвы...

Главные семейные заботы легли на Танины плечи. От неё теперь зависели все оставшиеся Савичевы – мама и дядя Лёша.

Участковый врач Анна Семеновна выписала направление в столовую на целую неделю. Целых семь дней не надо было отстаивать в нескольких очередях многие часы. В столовой отоваривали все карточки и давали больше, чем в магазинах. Такие сытные обеды до недавнего времени можно было увидеть только во сне. Супчик из ложки крупы и двух лепестков сушеного лука считался роскошью, а тут – крупа, мясо, овощи! Компот из сухофруктов с сахаром! Мама даже вспомнила как-то дворищенскую сказку: «Ешь не хочу, живи на здоровье!»

Увы, есть всё равно хотелось и уже не было здоровья для жизни.

Таня носила обеды в двух бидончиках. В одном – первое и второе, в другом – компот или кисель.

Хлеб она клала в свою летнюю сумку с плечевым матерчатым ремешком. Ту самую, с которой собирались перед войной ехать на каникулы в деревню. Было это так давно, что и забылось. И давным-давно не снились Тане полёты. Бидончики едва тащишь, куда уж крыльями махать...

Она приблизилась к дереву, осторожно опустила на землю бидончики и прислонилась к шершавому стволу. Садиться нельзя ни в коем разе, с зимы ещё усвоила. Чуть опереться – можно, ненадолго только, иначе не заметишь, как сползешь. Дядя Лёша говорит: «То-то и оно, что дистрофия. Коварная вещь».

Анна Семёновна, доктор, сказала вчера маме: «Не стану обманывать, Мария Игнатьевна. Алексей Родионович обречён. Третья степень, алиментарная дистрофия. Запущенная, притом. Ему и больница уже не спасение. Извините за откровенность».

Мама извинила, конечно. У докторши у самой цинготные пятна на лице. И все признаки истощения.

АКАЦИЯ

Ужасно не хотелось отрываться от дерева. Стояла бы так, надёжную чувствуя опору, подставив лицо майскому солнцу.

В первый учебный день вдруг ударил мороз, ночью все лужи застеклились, потом температура опять полезла вверх, тепло.

«Ещё минуту, одну минуточку постою и пойду», – окончательно решила Таня.

– Ты чего тут дремлешь? – разбудил её голос Борьки Воронца.

Она отлипла от дерева, сказала независимо:

– Я загораю.

– А мы акацией питаемся, – как бы приглашая к своему столу, сообщил Борька.

Коля Маленький, конечно, был при нём. Покивал, жмурясь: «Вкуснотища!»

Борька поднес руку и разжал пальцы. На ладони теснились жёлтые «цыплята».

– Угощайся.

Таня вежливо взяла один цветочек.

– Мировая штука! – похвалил Борька. – Бери, не стесняйся. Тут её дополна.

* * *

Весной 42-го объели всю акацию. С той блокадной поры она и не цветет на Васильевском острове.

* * *

– Пойду, – сказала Таня.

Борька и Коля вызвались проводить и взяли по бидончику.

Центральный сквер Большого проспекта вскапывали под огороды. Ребята шли по тротуару, мимо домов.

Плакаты и листовки на круглых афишных тумбах призывали всех ленинградцев – «На огороды!» С пятнадцати соток можно, как подсчитали ученые, собрать капусты, лука, моркови и всяких иных овощей для всей семьи на целый год.

«КВИСИСАНА»

– Мы с мамой прямо под окнами огород завели, – сообщил Коля Маленький.

Как ни странно, за военные месяцы он здорово подрос: рукава демисезонного пальто на полвершка не доходили до запястий, а нижняя пола складками топорщилась намного выше колен. Таня и за собою замечала, что довоенные вещи стали ей коротки, хотя и болтались на плечах, как на вешалке. Зато красный берет с хвостиком – в самый раз, а раньше был великоват.

– И чего посадили? – любопытствовал Борька.

– Пока ничего. Семена достаём.

– Какой же это огород? Все равно, что... – Борька поискал убедительное сравнение, – вон – «буфет». А буфета давно нет! Одно название сохранилось.

Над заколоченными витринами встречалось много бессмысленных, ложных вывесок: «Гастроном», «Молочные продукты», «Мясо, зелень, дичь»...

Коля признался с сожалением:

– Ни разу не ел в буфете.

– Буфет – что, – с превосходством бывалого человека заговорил Борька. – Когда дядька-пограничник с Памира приезжал, мы с ним обошли все заведения общепита!

Таня не поверила:

– Все-все?

И начали вспоминать, какие до войны были заведения общественного питания. Столовые, фабрики-кухни, кафе, кафетерии, американки, закусочные, чайные, буфеты. – «Бутербродную» и «Пельменную» забыли? На Невском. Кто о них помнил? Всего-то по одной на весь Ленинград.

– А рестораны? Мы с дядькой в «Квисисане»...

Таня и Коля даже остановились. Борька – в ресторане? И что за странное имя – «Квисисана»?

Борька и сам засомневался, но, подумав, подтвердил:

– Точно, «Квисисана». На Невском проспекте. Между «Кавказским» и «Бристо-лем».

Коля с восхищением смотрел на своего командира и кумира.

«Кавказский» без объяснения понятно. «Бристоль» – похоже на город во Фран-ции. А – «Квисисана»?

Мимо проехала газогенераторная машина, тархтя и чихая.

– Как простуженная собака, – сострил Борька, и нерасшифрованная «Квисисана» вылетела у всех из головы.

СТУПЕНЬКИ

Попрощались у подъезда.

– Если что, мы – пожалуйста, – сказал Борька. Коля Маленький подтвердил все-гдашнюю готовность помочь:

– Ага.

Таня вошла в подъезд – и хоть сразу зови на выручку. На две ступеньки взобра-лась, а дальше – ни в какую, отказали ноги.

Она выждала, поднакопила силы – ничего не дало. Ноги будто ватные, чужие. Та-ня чуть не заплакала. Что же делать?

Попыталась руками переставить, подняла ногу на следующую ступеньку, отпу-стила. Не почувствовала опоры, невозможно идти. И сколько же времени понадобится, чтоб таким манером лестничный марш одолеть, все тринадцать ступенек!

«Мне надо, очень!» – взмолилась Таня, мысленно обращаясь к неприступной лестнице и непослушным ногам.

Тщетно. Не разжалобить, не уговорить.

В подъезде было прохладно и тихо. Так тихо, что с улицы, через неплотно закры-тую входную дверь доносился размеренный стук метронома. Или то из квартиры слышалось, до громкоговорителя на кухне напрямую всего несколько метров...

– Да что же это! – Таня возмутилась, накричала на лестницу, на себя самое: – Там больные лежат! Мама и дядя Лёша. Я несу им обед. Мне очень, очень нужно, срочно. Я должна!

И только она мысленно произнесла: «Я должна!» – как от волшебного заклина-ния, сказочного пароля, мгновенно свершилось чудо. По ногам пробежал электриче-ский ток, и от бедра до ступни восстановилась живая связь.

– Я должна, – уже спокойно и уверенно произнесла вслух Таня, и ноги не посме-ли ослушаться.

ДЯДЯ ЛЕША

– Иди, доча, иди, – торопила мама. – Сама управлюсь. Видишь, на кухню при-ползла, значит, смогу без твоего участия.

Таня понимала, что мама поест без неё, а дядю Лёшу надо кормить из ложечки, что уже скоро четыре часа дня, а он голодный с утра. Кружка чая без заварки, правда,

с сахаром, не завтрак. Хлеб, даже размоченный, не проходит через дядино горло. Несколько ложек супа, смешанного с кашей, с трудом заглатывает, а потом страдает от болей в животе.

В шутку, всерьёз ли сказал:

– Снабженцам нельзя залеживаться и ворон ловить. Других учил и сам так жил, ан взял и нарушил священную заповедь. Слёг, вот и закружили надо мною вороны.

Утром размолвка вышла. Дядя попросил распечатать окно. Совсем.

– Как же я потом закрою? На ночь.

Она боялась, что ноги опять ватными сделаются в самый неподходящий момент. И с не ватными ногами трудно забираться на высокий подоконник, а снизу бумажную штору ни за что не прижать плотно-плотно, ни лучика чтоб, ни светящейся точки. Говорят, лётчики видят сверху даже горящую спичку.

– Это уже без надобности, – с уверенным спокойствием сказал дядя Лёша. – И до заката не дотяну, кончились мои секреты. Впусти солнце.

И Таня, повиснув, оборвала чёрный щит, но солнце не ударило золотым прожектором. Загрязнённые, в копоты снаружи и изнутри, стёкла пропускали света меньше, чем промасленный пергамент.

День нарастал каждые сутки, уже и белые ночи на подходе, до вечерней зари ещё несколько часов, а всё равно страшно подниматься на второй этаж.

– Иди, доча, иди.

И она пошла.

– А-а, – тихо протянул дядя Лёша, словно начал приветствие, но глаза его смотрели сквозь Таню, невидяще. – А-а-а, – повторил более протяжно и закрыл глаза.

Таня всё поняла, постояла молча, затем вытащила из кармана серебряную луковичку, последний дар покойного дяди Васи, отщелкнула крышку и взглянула на стрелки.

Бидончик с обеденной порцией, хлеб и сахарную пайку Таня унесла обратно. Еда дяде Лёше стала ненужной.

Страница на букву «Л» уже была занята Лёкой. Таня написала на развороте, слева:

Дядя Лёша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.

Слово «умер» она опустила, без него все ясно.

СЕКРЕТ

У врачей нехорошая привычка секретничать. Выслушает тебя доктор, обследует, скажет привычные ободряющие слова, а потом долго-долго шепчется с мамой в другой комнате. Даже в поликлинике шепчутся. Выставят больного ребёнка в коридор, а сами разговаривают о чём-то, разговаривают. После таких тайных общений с докторами мама делалась ещё добрее и ласковой, но не умела скрывать тревогу и озабоченность.

Участкового врача Анну Семёновну Таня знала всегда. Сколько помнила себя. И Анна Семёновна знала её, хотя лечила только взрослых. Она и сегодня пришла по вызову не к Тане, а к маме. Точнее, не по вызову, а в очередной раз. Анна Семёновна, уходя, предупреждала: «Я проведу вас в ближайшие дни». Когда именно, она не могла сказать: работы каждодневно уйма, а сил – как у обыкновенной блокадницы.

Анна Семёновна без околичностей, не ища предлога, удалила Таню:

– Нам необходимо поговорить.

А после беседы с мамой посеCRETничала и с дочкой. Такое случилось впервые в Таниной жизни.

Карие, трагические глаза Анны Семёновны были похожи на глаза Женечки. Они, наверное, и ровесницами были. Таня, до войны ещё, встречала Анну Семёновну с мужем, высоким красавцем, и дочерью, ученицей первого или второго класса, не старше.

Глаза Анны Семёновны выражали предельную усталость и застывшую скорбь. Возможно, пришло извещение о гибели мужа на фронте или с дочерью что-то случилось. Возможно, и что всё у неё в семье было нормально, даже счастливо: муж храбро сражается, жив-здоров, дочь ходит в школу. И без личного горя, без тягот и голода было отчего преждевременно стариться и страдать доктору Анне Семёновне. Такого насмотрелась за блокаду – как только сердце выдерживало. Больше всего мучало и угнетало бессилие по-настоящему помочь своим пациентам. Абсолютное большинство людей срочно нуждались не в лекарствах. В еде! Не лечить – кормить их надо. Да и лечить нечем, без толку выписывать рецепты на витамины, которых давно нет в городе.

– Таня, – сразу перешла к делу Анна Семеновна, – мне некому сказать это, кроме тебя. Ты последняя из Савичевых.

Таня вскинула строгие серые глаза:

– А мама?

Доктор промолчала, затем, после длительной паузы, заговорила опять:

– Луку бы, живых витаминов. Впрочем, поздно, всё уже поздно, Таня.

– Я достану, достану, Анна Семёновна.

– Постарайся. Тебе это очень полезно. – Она встретилась с Таниным взглядом и добавила: – И маме, разумеется.

– Я достану, – заверила Таня. – Только ничего маме не говорите. Она не разрешает ходить одной на Андреевский рынок. Я – по секрету.

ВЫБОР

Папиросы ценились выше золота и хрусталя, но в доме – ни хрусталя, ни золота, ни табака. С чем же идти на рынок?

Надо взять такое, чего мама не скоро хватится. И чтоб не очень тяжёлое. И не громоздкое...

Труднее же всего было преодолеть внутреннее ограничение. Таня никогда не совершала ничего подобного, вообще не делала ничего серьёзного без ведома старших. Сейчас не к кому обратиться за советом, не у кого просить разрешения. Мама... Остальных уже нет. Бабушки, Жени, Лёки, дяди Васи, дяди Лёши. Нет ни Миши, ни Нины.

Что же понести на Андреевский рынок?

За серебряные карманные часы дадут штук... несколько луковичек. Но часы – память о дяде Васе. И не годится менять дарёное. Подаренное тебе. А если – тобою?

Тут её и озарило. Турчанку-персиянку! Бабушка очень восхищалась: «Дорогая, видать. Прямо-таки эрмитажная, слоновой кости». А она из пластмассы, лёгкая, в кармане поместится. Не рыцарь полуметровый, полупудовый. И две их, турчанки-персиянки, совсем одинаковые. Одну смело можно пожертвовать, отдать в обмен.

Она определила свой выбор – статуэтка. Теперь маму предупредить, чтоб не волновалась напрасно.

Мама крепко спала или не поняла, что ей сказали, пробормотала что-то невнятно. Пока спит, можно сбежать на рынок, тут ведь близко...

– Я скоро вернусь, – тихо попрощалась Таня, – быстро. Так я пошла, мама. И сама себе пожелала мысленно: «Ну, с богом».

РЫНОК

До войны Андреевский рынок похож был на громадный аквариум. Пятьдесят лет простоял на Большом проспекте ажурный павильон из стекла и металла. Железные решетчатые рамы составляли двускатную крышу, служили стенами и фронтонами. От бомбёжек и обстрелов стёкла потрескались, разбились, осыпались, как черепица, как отжившие листья, ещё осенью.

Весной сорок второго, в конце апреля, Васильевский остров подвергся жестокой бомбардировке и обстрелу. Разрушения и жертвы были на многих линиях, от Пятой до Двенадцатой. Сгорел Андреевский рынок, огонь уничтожил многочисленные лари на Шестой линии, доконал остов центрального павильона.

* * *

Рынок от дома в двух кварталах. Минуты ходьбы. Братья запросто бегали туда и обратно без передышки. Мама, отправляя с поручением Лёку или Мишу, так и говорила: «Сына, сбегай на Андреевский».

«Бегать» – забытое, доблокадное. Люди перемещались. Брели, покачиваясь, волочились, шаркая подошвами. Плелись, как шутливо выражался дядя Вася.

Таня плелась, брела к Андреевскому рынку.

Люди толкались вокруг бывшего рынка, роились в улице и на проспекте. Неподвижная и плотная издали масса вблизи живо бурлила, тасовалась, кружила, сбивалась в группы, распадалась.

Все продавали и покупали, расставались с последним и богатели неизвестно для чего, теряли и обретали, хитрили и сами страдали от обмана. Здесь не было власти денег, они ничего или почти ничего не значили. Только натуральный обмен, вещи на продукты питания. Предлагали меха, фарфор и перстни, взамен просили еду. Сообщали, как о крайней нужде: «Нужен сахар», «Нужен хлеб», «Нужны жиры».

– Беру золото, –дохнули прямо в ухо.

Таня вздрогнула и обернулась. Человек в бекеше со смушковой оторочкой, в кубанке без звёздочки; хромовые сапоги. Из щелей на щекастом лице наглый и сторожкий взгляд.

Такие сытые лица встречались очень, очень редко. У людей с такими лицами было всё. Разве что недоставало золота, других бесполезных вещей.

– Нужен лук, – от растерянности пролепетала Таня.

Белесая бровь чуть изогнулась, жирные губы разомкнулись криво:

– Найдём.

Сытый властно взял Таню под локоть и отвел в сторонку.

– Покажи.

– Мама... Ей живые витамины... – бессвязно объясняла Таня. Вещь застряла в кармане, никак не вытаскивалась.

– Ну, что там? – нетерпеливо наседал сытый тип. – Какой пробы?

Наконец удалось извлечь турчанку-персиянку.

– За идиота считаешь?! – оскорбился тип. Он выругался и исчез, будто испарился.

Успокоившись, Таня прижала статуэтку к груди и опять влилась в торжище.

– Нужен лук...

ДОЛГИ

Турчанка-персиянка с кувшином никого не интересовала. Никто даже не остановился подле Тани, не спросил, сколько же она просит за безделушку, которой и до войны грош цена была.

Нет, подходил один человек. Седобородый, в очках с толстыми, как у покойного Лёки, стёклами. Близоруко наклонился, носом почти клюнул, лёгким ударом ногтя вызвал пустотный звук.

– Прошу извинить великодушно. Коллекционирую только подлинное.

Таня ничего не ответила. Она так утомилась путешествием на рынок и долгим, явно безнадёжным стоянием, что не было ни желания, ни сил что-то говорить сумасшедшему старику. Разве нормальный, в своем уме человек отдаст хлеб за ещё одну вещицу для своего собрания.

– Нужен лук... Нужен лук.

И вдруг Таня увидела его. И сразу, конечно, узнала, хотя за тот месяц или полтора, что они не встречались, он разительно изменился. То ли прибавки Андреенко, то ли весеннее солнце, а скорее то и другое, но Серый, Иннокентий Петрович, выглядел бодрым, деловитым, в глазах его светилась жизнь. Он опять облачился в свой серый командирский плащ, но условное прозвище Серый явно не годилось.

Иннокентий Петрович, очевидно, давно уже присматривался к Тане, однако не приближался, пока она сама не обратила на него внимание, и он, в свою очередь, понял, что она узнала его. Лишь тогда Иннокентий Петрович сделал шаг и другой, спросил негромко сиплым своим, булькающим голосом:

– Что нужно?

– Нужен лук, – механически ответила Таня.

– Какой лук? – попросил он уточнить.

– Живой. Доктор...

– Хорошо, – перебил он. – Попробуем. Дайте вашу штучку.

Она, будто под гипнозом, отдала турчанку-персиянку.

– Никуда не уходите, – строго наказал он и скрылся со статуэткой.

Она приросла к месту, боясь и на полшага отойти, хотя поняла минут через десять, что совершила непростительную глупость, дала обмануть себя, как маленькую, наивную и глупую девочку. И когда прошло ещё столько же, а Иннокентий Петрович так и не объявился, Таня, глотая невыплаканные слёзы, понурившись от обиды и горя, стала выбираться из рыночной толпы.

Она уже вышла на Большой проспект, но там её и догнал Иннокентий Петрович. Он хрипло, натужно дышал, почти не разобрать было его речь:

– Мы же условились... гражданка... Возьмите... – В скрученной птичьей руке был тонкий пучок зелёных, сочных, живых луковых стрелок. – Берите же...

– Спасибо...

Надо было сказать ещё какие-то слова, они звучали внутри, в душе.

– Не благодарите, – велел Иннокентий Петрович. – Это я у всех в долгу, гражданка.

Она подумала, но не успела спросить его, узнал он или не узнал её. И какая она гражданка, Таня Савичева? Она ещё ученица четвёртого класса. Всего лишь.

Он ушёл. Им уже никогда не было суждено встретиться.

МАМА

Наверное, мама всё это время не просыпалась. Даже не спросила: «Где так долго была, доча?» Не спросила и откуда взялся зелёный лук, только посоветовала:

– Не сразу всё... Раздели... Дня на три чтоб...

Мама было очень трудно говорить. У неё перехватывало горло, а сердце обложила блокадная болезнь.

Она и от лука отказалась, от живого витамина. Иссохший желудок не принимал. Или доче всё оставляла.

– Поздно, всё уже поздно...

То были слова доктора Анны Семёновны.

– Так она же сама велела, – начала Таня и оборвала себя, чтобы не выдать секрет.

– Доча, когда случится, умру когда... Нащери-на... Тётя Ираида всё сделает... А ты к Дусе... К тёте Дусе... Помнишь адрес?

– Не говори так! Такое...

– Некуда откладывать, доча. Вот, бросаю тебя, одну оставляю... Это факт.

Таня зажала уши руками, закачалась из стороны в сторону.

И ещё было страшно, что мама могла не дожить до следующего дня. Куда побежишь, кого позовешь глухой ночью?

* * *

Мама в последний раз пожалела Таню, умерла при свете дня.

Грифель с одного бока исписался, острый край деревяшки оставил след на тонком листке с буквой «М»:

Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Одна

Белые лоскуты и заплаты на корабельных маскировочных сетях заменили на летние – зелёные, коричневые, голубые. На палубах выросли, как декорации в театре, дома из фанеры с измалёванными окнами, чтобы сбивать с толку вражеских лётчиков. Артиллеристы, те бьют, не видя цели, рассчитывают данные для стрельбы по картам и таблицам. Редкий день на город не падали тяжёлые снаряды.

А Ленинград жил привычным уже, фронтовым, блокадным укладом, радовался летнему теплу и нарождающейся зелени.

В садах и парках собирали съедобные травы для супов и каш, изучали карманные книжечки-инструкции на скорое будущее: как заваривать чай из кипрея, какие и от каких хворей спасают целебные травы, на что пригодны сурепка и одуванчики.

Во многих домах появилась вода; женщины, собираясь группами, расставляли корыта и тазы с бельём на мостовых и панелях, стирали на улицах, пользуясь дорожными стоками.

Бледные, истощенные люди часами сидели на солнце, подставляя лучам цинготные язвочки на обнажённых руках и ногах.

* * *

На ступенях парадных, на выступах фундаментов торговали вазочками, статуэтками, картинками в рамках, патефонными пластинками, настенными тарелками. Покупатели – редкость, лишнего хлеба не бывает.

Жить!

Всё в Тане обездвижело, закаменело, смёрзлось, – всё омертвело. Она лежала на бабушкином сундуке, одна в кухне, в квартире, на всём белом свете одна – круглая сирота.

Когда мама скончалась, Таня вписала её в блокнот сразу же, забоялась, что позже не сумеет. Потом сходила за Ираидой Ивановной, а дальше уже Нащерины и другие соседи вызывали врача, обряжали покойницу, отправляли в грузовике на Пискарёвку.

Огромный пустырь рядом с Пискарёвской дорогой стал кладбищем ещё в начале зимы.

Маму увезли в тот же день. Было тепло, маме никак нельзя было оставаться дома, задерживаться на земле.

Приходили и уходили люди. Таня никого не узнавала, ни с кем не разговаривала. Её, наверное, считали бесчувственной или безнадежной дистрофичкой, а она просто не могла шевельнуть ногой, ворочать языком, издавать звуки.

В квартире былолюдно, как до войны. Затем вдруг и разом все исчезли. Нащери-на хотела увести к себе, но Таня категорично замотала головой. Ираида Ивановна не уговаривала, обещала зайти поутру.

В коридоре кто-то – кто, Таня не определила – сказал со вздохом:

– И она не жилица.

– Ох, не жилица, – поддакнули сердобольно.

Говорили, конечно, о ней, Тане. Громко, не таясь. Что скрывать, когда человеку жить осталось всего ничего...

Долго и упорно боролась она с маминой помощью за жизнь. С маминой смертью и Танина жизнь исчерпалась.

Близилась пора белых ночей, ночи становились всё короче и короче. Таня очнулась от забытья в тот неясный час, когда ночь уже обесцвечена, а заря ещё не зажжена, всё в природе зыбко, неопределенно.

Она совсем не ощущала себя. Попыталась выпрямить ноги, разжать скрюченные пальцы – не смогла, будто нет их вовсе. «Жива я или уже не жива, не жилица?»

Да, точно так говорили о ней: «Не жилица».

Не жилица. Не жилица!

Будто током ударило, подкинуло на жёстком ложе сундука.

Почему? За что?! Измученная, страдающая душа возмутилась, восстала. Инстинкт самосохранения возродил утраченные, казалось, последние силы, остатный резерв, и, как уже случилось однажды, электрический импульс, пронизав с головы до ног, вернул способность к движению – основу основ жизни.

Нет, она будет жить. Будет! Жить!

ВЕЩИ

Никогда-никогда так не хотелось жить, как сейчас, но и никогда не было в жизни так одиноко и отчаянно худо. Таня потерянно бродила по квартире, слонялась среди вещей, знакомых и обязательных с тех пор, как она помнила себя, а теперь никчёмных и никому не нужных. Все Савичевы умерли, и, значит, всё, что им служило, чем они пользовались в жизни, утратило смысл и практическое значение.

Вспомнилось вдруг объявление на зимнем заборе:

За ненадобностью продается лёгкий гроб...

Почему – лёгкий? Из тонких и сухих досок? Маленький, детский? И почему оказался не надобен? Не дождалась, отвезли в простыне или одеяльце? Или чудо свершилось – вернулся кто-то с половины пути на тот свет? Поторопились с заказом, зря потратились? Живым гроб ни к чему. Как мёртвым без надобности мебель, вещи...

Город ещё спал, и напряжение в электрической сети было таким хорошим, что в багрово-сумрачной дымке виднелись отдельные предметы. Недавно ещё взаимосвя-

занные, они создавали в доме тепло и уют, теперь же были разрозненные, обособленные.

Покрытые толстым слоем пыли зеркала не отражали даже свечение лампочки. В грязном квадрате рамы утонула купальщица.

Рыцарь потускнел, исчез благородный блеск металлических доспехов.

На искалеченных дверцах буфета не различить ни фруктов, ни тетёрок.

Выдворенные за ненадобностью из кухни «венские» стулья неприкаянно гнулись на случайных местах. И бабушкиного сундука предостаточно для оставшихся в живых Савичевых. Таня спала на нём и сидела.

До сознания будто лишь сейчас дошло, что она осталась одна, совсем одна. Не кому пойти, некому рассказать. Разве что только блокнотику можно поверить свои горестные новости, скорбную хронику семьи.

Итог

Таня перелистала алфавитную часть блокнотика. Исписала-то, оказывается, всего-навсего шесть страничек. Но Савичевых до войны было девять!

Ах да, да-да, с Мишей и Ниной ведь неизвестно что, ну и она, Таня, девятая. И с нею неизвестно, как будет. А случится и с нею это, страничка с буквой «Т» все равно останется чистой, некому будет заполнить.

Она и в этот, последний раз не изменила своему правилу, строго придерживалась алфавита. Кто обнаружит блокнот, догадается, в какой последовательности надо читать. А начать следует с буквы «С»:

Савичевы умерли

Потом – «У»:

Умерли все

Наконец, «О»:

Осталась одна

Таня

Она ещё раз – мысленно или вслух, сама не поняла – прочла-повторила:

Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна

Таня

НЕВЕСТА

Она уложила блокнотик на самое дно шкатулки, но крышку не закрыла, взгляд задержался на венчальных свечах и фате.

После бомбового взрыва в студенческом общежитии, когда рухнул порядок вещей, не вернулась на своё постоянное место над комодом и фотография папы с мамой, сделанная в свадебный день. Фотография эта в ореховой рамке (уже без стекла) лежала теперь лицевой стороной вниз на бархатном покрытии трельяжного столика.

Таня перевернула рамку и приставила её к зеркалу.

Со старого снимка немигающе и строго глядел отец, а мама, в кисейной дымке фаты, молодая-молодая, очень похожая на Нину, но без косы, ободряюще улыбалась.

«На кого я всё-таки больше похожа?» – Таня взглянула на себя в зеркало, но ничего не увидела.

Тряпкой, подвернувшейся под руку, сделала несколько круговых движений. В закопчённой и пропылённой непроницаемости, как промоина во льду, открылась живая глубина зеркала. Из нее пристально смотрело безвозрастное существо в нелепом одеянии – зимнее пальто поверх летнего платья и вязаной кофты.

Окна по-прежнему были зашторены и заколочены фанерой, солнце больше полугода не проникало сюда; в комнатах, как в ледниках и после очистки от прошлогоднего льда и снега, держался зимний холод.

Таня зажгла от коптилки венчальные свечи, пристроила их справа и слева на столике трельяжа. Сбросила пальто на кресло и накинула на голову фату. Зеркало моментально отразило нечто прекрасное, воздушное...

Таня по-старушечьи вздохнула, спрятала свечи и фату в ларец и убрала его подалее, в комод.

СТРАШНО

За трагические месяцы блокады она видела и вынесла, казалось, все: бомбежки, обстрелы, голод и холод, кровь и стоны, смерть самых дорогих и любимых.

Что ещё должно случиться, чтобы причинить живую боль сердцу, зажатому невыносимым горем? Что после всего нечеловеческого и чудовищного, выпавшего на её долю, могло возродить в детской душе отчаяние и страх?

Ее повергла в страх безысходность одиночества. Самая младшая в большой семье, Таня сделалась и младшей, и старшей – единственной, одна из всех Савичевых.

Страстное желание жить, готовность бороться не исключали, а, напротив, усиливали этот страх. Одиночество было невыносимым для девочки, выросшей в нежном и добром окружении взрослых, а теперь обречённой на вечное сиротство. Правда, есть, должна быть, если не эвакуировалась, не умерла от голода, не замёрзла в лютую зиму, в общем, выжила если, тётя Дуся, бабушкина племянница. Таня помнила предсмертный мамин наказ, но откладывала поездку на Лафонскую улицу, пока не обрушился страх, страх одиночества.

Громко и четко пульсировал метроном, но слух почти не воспринимал его привычный стук, отчего кажущаяся полная тишина могла с ума свести. Таня отщёлкнула крышку дяди Васиных часов, сверила время с кухонными ходиками, подтянула латунную цепочку с грузом. Затем пошла в комнату, трудно вскарабкалась на «венский» стул и завела ключиком пружину настенных часов в дубовом футляре. Когда переводила стрелки, игральный механизм пытался отбомкать положенное, но не спешил за насильственно быстрым бегом стрелок.

Слабый, дребезжащий и прерывистый звонок слышался как ещё один часовой сигнал. Так отсчитывается время в школе. (Какое веселье, какое ликование было, когда впервые за долгие-долгие месяцы опять заработал школьный электрический звонок!)

Таня не сразу поняла, что звонят в дверь. Со страху, очевидно, накинула вчера запорный крючок.

Пришлось идти открывать.

ПОСЫЛКА

– Ты чего закрываешься? – Вместо «здравствуй» сказала Лена. – Я тебе такое ценное письмо принесла. Толстое, прямо-таки посылка. До войны за такие письма плясать заставляли. Держи, Таня. Задаром.

– Мама умерла, – ровным сухим голосом сообщила Таня.

– Прости, не знала... – Лена отступила за дверь, но опять вернулась: – Могу чем помочь?

Таня качнула головой. Никто и ничем не мог ей помочь.

– Остался кто из родных? А то дам знать куда надо, в детдом определяют.

Таня испугалась:

– Нет-нет, спасибо! Тётя, тётя Дуся у меня.

– А-а, – протянула успокоенно Лена. – Тогда, безусловно. Приют, он и есть приют.

– Нет-нет, – поспешно ещё раз поблагодарила за участие Таня и, закрыв дверь, накинула крючок.

Письмо было, конечно, от Серёжи. И были в нём сухие чешуйки репчатого лука, старательно, каждая в отдельности, прихваченные цветной ниткой к листку оберточной бумаги. На ней Серёжа крупными буквами обращался к почтовым властям:

«Товарищи проверяющие! Пропустите, пожалуйста, это вложение. Моему школьному товарищу очень полезен лук. Я узнал, что блокадники болеют цингой, а лук, в котором витамин «С», лучшее лекарство!»

Одну чешуйку Таня просто сжевала, остальные сварила с чечевицей. Не в один раз, конечно. И суп-пюре из чечевицы разделила на две части. Упаковка концентрата была похожа на пачку махорки. Наверное, потому Таня и не обращала так долго внимания на неё, не знала, что это суп, а не табак.

Суп уже доваривался, когда опять позвонили. Пришёл Воронец.

– Ну как ты тут?

Она смутно помнила, что Борька, кажется, тоже приходил, когда умерла мама. Во всяком случае, он знал, что Таня осталась одна.

– Ничего. Посылку от Серёжи получила.

Борька выпучил без того выпученные глаза. Они у него в блокаду сделались такими.

– В конверте. Лук сушёный, – пояснила Таня.

– Ага. Мировая еда.

И замолчал понуро. Он что-то не договаривал.

– Проходи, – пригласила Таня, но Борька топтался в передней.

Спросил наконец сдавленным голосом:

– Ты как, можешь к Коле Маленькому сходить?

– А что? – почему-то не догадалась на этот раз Таня. – Как у него с огородом? Достал семена?

– Умер он.

И Борька Воронец, заводила и железный дворовый командир, жалобно всхлипнул.

«Как же так?! Ведь только на днях...» Но Таня ничего не спросила, она знала, что дистрофия, как шальной осколок – неожиданно как бы, как бы ни с того ни с сего настигает свою жертву. И ей стало ещё страшнее, что и она может вдруг... А дверь на крючке и никого больше в квартире.

– Пойдём, – сказала Таня. – К тётке Дусе я завтра поеду.

МАРШРУТ

«Ленинградская правда» напечатала 12 апреля постановление «О возобновлении пассажирского трамвайного движения». Началась нормальная эксплуатация пяти маршрутов. С Васильевского острова к Лафонской улице можно было доехать на трамвае двенадцатого маршрута.

* * *

Таня собиралась выехать как можно раньше, но потом рассудила, что утром всё равно не успеть: тётя Дуся уйдет на работу. С другой стороны, когда в ночную трудится, по утрам только и можно застать. Если дома живёт, не на заводе. Вернее, на

слюдяной фабрике. И если, конечно, не умерла, не эвакуирована. В общем, отправляться в путь надо во второй половине дня. Езды не более часа, ночи не белые ещё, но темнеет уже поздно.

Она впервые в жизни уходила из дому так далеко и надолго, сама и без разрешения. Непривычно это было. И – страшно: вдруг опять ноги ватными сделаются или подвернутся раздутые коленные шарниры – упадёшь.

На глаза нависали давно не стриженные волосы. Таня откинула их назад, прижала цветным обручем, надела беретик. Вместо холщовой хозяйственной сумки взяла курортную, так ни разу и не использованную прошлым летом, но лямки надела не на плечо, а через голову. Для надёжности. В сумке лежали бесценные вещи: хлебная пайка, серебряные часы, продовольственные карточки до конца мая месяца.

– Я поехала к Дусе, – бабушкиным голосом произнесла вслух Таня и ответила по бабушкиному же: – Ну, с богом.

Экономя силы, она дворами вышла к трамвайной остановке на Первой линии. Очередь была небольшая, и Таня села в первый подошедший вагон. Трамвай был чистым, ухоженным, любовно украшен флажками. Не майскими, а ещё памятного дня 15 апреля, когда впервые после блокадной зимы вышел на линию.

Почти сразу же повернули налево, на Университетскую набережную, покатали к Дворцовому мосту.

Таня ехала с комфортом, сидя. Место нашлось на задней, «кормовой», как говорил Лёка, скамье. Обзор на обе стороны. Если, конечно, пассажиров на площадке немного, не заслоняют.

На въезде Дворцового моста трамвай задержался, пропуская военные грузовики с брезентовыми кузовами. Меж Ростральных колонн, на Стрелке, стояла зенитная батарея. Пушечные стволы косо торчали из глубоких орудийных окопов; по кольцевому брустверу похаживал часовой-наблюдатель с биноклем на груди. Под высоким холмом из брёвен и земли скрывался, очевидно, командный пункт.

Вагоновожатый часто и без особой нужды барабанил ногой педаль сигнала. Наверное, ему доставляло удовольствие трезвонить на весь Невский проспект.

И на главной магистрали города были разрушения, но их замаскировали фанерными щитами с нарисованными окнами. На них были изображены даже занавески и тени на стеклах. Уловка, бутафория, а приятно на вид, не угнетают открытые раны от бомбовых ударов.

Белые трафаретные надписи на стенах предупреждали: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Люди старались ходить по менее опасным линиям проспектов и улиц.

Трамвай миновал двухъярусные аркады Гостиного двора, пересёк Садовую. Вспомнился страшный и счастливый случай с мамой.

Швейная артель «1 Мая» размещалась во внутренних строениях замкнутого четырёхугольника главного ленинградского универмага.

Ранней осенью, сдав очередную партию армейского белья, мама получила пакет с раскроем и вышла через ворота на Садовую, прямо к трамвайной остановке.

Только переехали перекресток, завывли сирены. Проклиная войну и фашистов, пассажиры вышли из вагона и укрылись в торговых рядах Апраксиного двора, универмага на Садовой улице. Мама ещё подумала, что зря отказалась от чая. Посидела бы лучше с подругами, переждала тревогу у самовара.

Полутонная бомба взорвалась в центре двора Гостиного. Девяносто восемь убитых, сто сорок восемь раненых...

«Не судьба, значит, – откомментировала тогда бабушка. – Долго жить будешь, Маня».

Ошиблась бабушка в своём пророчестве. И в других предсказаниях обманулась. Не сбылись планы, мечты и надежды Савичевых.

ТЁТЯ

Тане ужасно повезло: тётя оказалась дома! Она эту неделю работала в ночную смену.

– Чего раззвонилась, – с порога сделала замечание тётя Дуся. – Не глухая, с единого раза слышу.

На табличке у кнопки электрического звонка коммунальной квартиры дома № 1А на Лафонской улице против фамилии Арсеньева Е.П. стоял номер комнаты – 3, что одновременно указывало и число звонков. Вот Таня и нажала кнопку три раза.

– Одна тут, вакуировались все, сбежали мои соседи. А вы, Савичевы, застряли.

Тётя Дуся не спрашивала, отмечала. Она не смотрела в глаза собеседнику, а как бы следила за ним. Тяжёлый, исподлобья взгляд, подозрительный, напряжённый, направлен был не прямо, а сбоку. – Застряли, а? – потребовала подтвердить тётя Дуся.

– Савичевы умерли, – тихо произнесла Таня. – Все. Я одна осталась.

Тетя Дуся беззвучно раскрыла рот и опустила на табурет у вешалки. Они так и разговаривали в передней.

– И... и тётка моя? – спросила погода.

– Бабушка умерла второй, после Жени.

– А эти... дяди твои?

– Умерли. Все умерли.

– Так, – неопределенно протянула тётя Дуся.

– Мама велела к вам идти. Вот я и пришла.

– А мама – что? – сразу насторожилась тетя Дуся.

– Умерла. Тринадцатого мая, утром.

– О, господи, – отрывисто вздохнула тетя Дуся и перекрестилась.

Хотя от трамвайной остановки идти было совсем немного, Таня едва стояла на ногах.

– Можно, я присяду?

– Садись, чего там, – тётя показала на какой-то ящик у стены.

Таня опустила на крышку, прислонилась спиной и головой, прикрыла глаза. Голос тётки Дуси доходил как через ватные затычки в ушах и всё удалялся, удалялся.

– ...третья вода на киселе... даже и не знаю, как по-родственному назваться... Раз-узнаю и приеду. Всё чтоб по закону... А квартиру заперла? Замыкай, замыкай. Нынче народ оклемался уже маненько, воры по домам шныряют...

Очнулась Таня в комнате, на кушетке, и первое, о чем подумала: хорошо, что такое случилось не дома, где никого-никого...

– Оклемалась, – с облегчением отметила тётя Дуся. – А то мне скоро на фабрику. Дойдёшь сама до транвая? А дорогой и в полную норму возвернёшься. Жди, никуда надолго не отлучайся. Посчастит, так я на машине приеду, чтоб и вещи заодно... Чего сюда-туда ездить. Верно, племянница? Я тут подсчитала, ты мне вроде внучатой племянницей приходишься. Ну, садись, чайку попьём. Хлеб у тебя имеется, а я конфетку поделю. Рассчитаемся потом, не чужие.

Тане совсем некстати вспомнилось, что за несколько лет до войны сестра тётки Дуси с мужем и болезненным мальчиком, ради которого они и приехали на неделю в Ленинград, профессору показать, остановились тогда у них, а не в своей бывшей комнате, у Дуси.

Фамилия у родственников была запоминающаяся – Крутоус.

Она вынула из сумки хлеб, машинально проверив, на месте ли мамин длинный кошелек с деньгами и карточками. Кошелек лежал на дне, а вот часы куда-то заделались.

– Часы ищешь? – догадалась тётка Дуся, искоса следившая за Таней. – Вот они, на этажерке.

Только нижняя полочка этажерки была с книгами, на остальных – безделушки и разрозненные чашки с блюдцами. Часы лежали наверху, на салфетке с дырчатой вышивкой «ришелье».

– Оставь лучше, а то, не дай бог, брякнешься в трамвае, уворуют. Вещь дорогая, серебряная. Пей чай-то, пока горячий. И конфетку бери. Не стесняйся, не чужие.

ОЖИДАНИЕ

Ничего более тягостного, изнурительного, бесконечного, чем неопределенное ожидание, нет на свете. Прошло пять дней со встречи с тёткой Дусей, а от неё никаких вестей. К ней поехать – вдруг разминёшься. Таня отлучалась только в булочную и в столовую.

Очереди к прилавкам и раздаточным окошкам стали значительно короче. Всё-таки много народа выбралось из блокадного кольца по зимней Ладоге. Теперь, говорят, навигация досрочно открылась, и опять возобновится эвакуация, уже водным путём.

Начались белые ночи, дни удлинялись, зелень полезла вовсю, особенно на огородах: во дворах, на бульварах, в Румянцевском сквере, у Исаакиевского собора напротив, через Неву.

Ранним утром, когда тётка Дуся никак не могла объявиться на Васильевском острове, Таня пошла попрощаться со сфинксами. Давно она не виделась с ними, больше месяца. В последний раз была на набережной с дядей Васей. Он приходил тогда прощаться. Совсем, навсегда прощаться. А она, Таня, скажет сфинксам: «До свидания!» Не на веки же вечные переедет к тётке Дусе. Вдруг, после войны, Миша возвратится или Нина найдётся? И опять заживут Савичевы в своей квартире, в доме на Второй линии Васильевского острова. Не в полном составе, а всё же... Савичевы всегда жили в Ленинграде и будут жить!

Погода стояла прекрасная: солнечно, тепло, прозрачно. Ночью пролился небольшой дождь, освежил воздух, обмыл асфальт и диабазовые мостовые. Даже зенитные пушки с утолщениями дульных тормозов на длинных стволах будто обновились. Пушки стояли на выступе набережной, боевые позиции ограждали гранитный парапет и полукруглые стенки из двойного ряда мешков с песком.

А сфинксы, как и встарь, возвышались над рекой и людьми.

Нева, посверкивающая, бурлящая, упруго неслась к морю.

Таня перевела взгляд на сфинксов и сделала для себя потрясающее открытие: лица-то – женские!

Привязанные бороды сбивают с толку, обманывают иероглифы. Никакой это не сын Ра, Аменхотеп, правитель Фив!

Древний египтянин изваял женщину.

Таня, наверное, рассуждала вслух, бормотала что-то. Потому и спросил шутливо проходивший мимо моряк в кителе со стоячим воротником и пистолетом на длинных ремешках:

– Неужто по-нашему понимают?

– Кто? – Таня обернулась и встретила с улыбочивым, добрым взглядом. Нет, то другой моряк одарил её 8 марта сухарём. – Кто понимают?

Капитан третьего ранга показал подбородком на сфинксов.

– Они всё понимают, – серьёзно сказала Таня и направилась домой.

Там её уже ждали. Тётя Дуся приехала на трёхтонке с двумя грузчиками.

ОПЕКУНША

– Избаловали тебя, – вынесла окончательное заключение тетя Дуся. – Нянькались. Как же – младшенькая, поздняя. Меньшой брат на девять, старшая сестра на двадцать один год старше.

Таня промолчала.

– И врачи наставляли: больше гулять, на солнце быть. А теперь, как дистрофику, тем паче надо. Ты же – не выгоню, так сутками лежать готова. Ну что губы надула!

Она была права. Никак не хотелось вставать, двигаться, только – есть и спать. Полностью, досыта наесться, конечно, невозможно, хотя бы терпимо чтоб было. У тёти карточки рабочие, не иждивенческие, так она и трудится сколько...

– Мы на фабрике по полторы смены без роздыху. Тяжко, а в том и спасение, что делом заняты. Подымайся, на воздух иди, на солнце. Пайку свою прихвати, я квартиру замкну, до моего возвращения не попадёшь в дом.

У них только кипяток был общий, хлеб и сахар у каждого свой, обедали в разных столовых. Когда случалось дома готовить, всяк своё топливо расходовал.

– И щепочек насобирай, всё равно без дела шататься.

За дровами лучше всего к Неве идти, но берег слишком крутой. И пейзаж безрадостный, не то что на Васильевском...

– Эка ты нескладна, не зацепивши, пройти не можешь.

Тётя Дуся заранее предупреждала. Таня ещё и шагу не ступила от кушетки, а передвигаться в комнате и впрямь необходимо со всеми осторожностями. Почти всю мебель с Васильевского перевезли, в два рейса.

– Буфет никак было не вынести, – сокрушалась тетя Дуся. – Слабосильные грузчики-то. И тут поместить некуда.

В коридоре оставили узкий проход, только боком в комнату пробраться. А в самой тёти Дусиной комнате и вовсе не повернуться.

– Мне оно все ни к чему, – подчеркивала тётя. – Твоё добро, а спрос за него с меня, опекунши. Один спрос, никакой благодарности.

– А можно, я останусь? – робко спросила Таня.

– Ни в коем. Для твоего же здоровья выставляю.

КУКЛА

По городу расползались зловещие слухи: «Они вот-вот перейдут в наступление». То были недосужие рассказы и вредные сплетни.

Овладев, наконец, Севастополем после длительнейшей блокады, германское командование начало в июле перебрасывать из Крыма под Ленинград пехотные дивизии и осадную артиллерию большой мощности. Из Финляндии прибывали свежие резервы.

На фарватер Невы, акваторию Кронштадта, Ладожское озеро авиация сбрасывала морские мины.

Вокруг города возводились дополнительные укрепления. На перекрёстках, в нижних этажах угловых домов замуровывали оконные проёмы, они щерились раструбами амбразур. Ленинградцы готовились биться за каждую улицу, за каждый дом.

25 мая началась летняя навигация. 5 июля Военный Совет Ленинградского фронта решил эвакуировать ещё триста тысяч жителей. Срочно и в обязательном порядке.

Случаи голодной смерти стали редкостью, но не всем, далеко не всем суждено было избежать последствий алиментарной дистрофии.

* * *

Таня переступила порог. Одной ногой, затем другой. Прищурилась от яркого солнца, постояла так, привалившись плечом к дверному косяку.

В канун войны у дома сгрузили толстую длинную трубу. Для каких целей, неизвестно. Так и осталась лежать. Теперь ею пользовались как уличной скамьей. Подкладывали тёплое и мягкое под себя и сидели часами, грелись, лечились солнцем от блокадных болезней.

– Ах ты дистрофик несчастный! – прозвучало рядом.

Голос был тонкий, детский. Он и в самом деле принадлежал ребёнку, девочке лет шести-семи, а может быть, ещё младше. Она явно была блокадницей: личико сморщенное, дряблое, руки, как веточки, ноги-палочки с уродливо раздутыми коленями. Девочка играла засаленной куклой. Тряпичное тело непослушно заваливалось. Это и сердило хозяйку.

«Маленькая», – подумала о ней Таня снисходительно. И вспомнила имя:

– Нехорошо так, Катюша. Разве она виновата, что блокада. Больная, обидно ей такое слово слышать.

– Она ещё маленькая, не понимает ничего, – оправдалась Катя. – И я же сама дистрофик.

«Я – тоже», – могла сказать Таня, но промолчала. Она, как многие-многие другие, почему-то стеснялась признаваться в этом. А тётя Дуся, как нарочно, напоминала, требовала: «Раз дистрофик, обязан в спешном порядке здоровье своё поправить».

Таня и сама знала, что надо принимать воздушные и солнечные ванны, совершать длительные пешие прогулки, добывать живые витамины.

Она намерилась обменять на лук вторую, непарную теперь, турчанку-персиянку, но тётя Дуся, узнав об этом, ужасно разозлилась и строго-настрого запретила «разбазаривать добро». С тех пор и выдворяла на всякий случай, «от греха подальше, чтоб соблазну не было», на улицу, когда уходила на фабрику или по другим делам.

Жаль, что тётя Дуся не забрала и буфет. В правом нижнем отделении хранились игрушки всех Савичевых. Можно было бы подарить Катюше Анжелу, нарядную, гуттаперчевую, с закрывающимися и открывающимися глазами, сидячую и стоячую, как настоящая, живая, здоровая девочка.

Друг

После обеда начался дождь, нудный, затяжной. И – безопасный. Воздушных тревог не будет, а на улицу всё равно не выйти.

Таня устроилась на ступеньке короткой лестницы, оперлась о стену подъезда, зашарканную, с облупившейся масляной покраской, исцарапанную гвоздями и ножичками. Надписи сообщали новости и секреты жильцам и всем свету: «Зина дура», «Колья + Аля = любовь».

Так и было написано, без мягкого знака.

Жёсткая и жестокая, видно, была любовь у Али и Коли накануне войны. Там и дата была вырезана-24.1 V.41 г.

«А какой сегодня день?» – задумалась Таня и долго никак не могла вычислить или вспомнить. Месяц знала, позавчера карточки новые получили, на июль 1942 года...

Дни тянулись уныло и однообразно. Утренний чай, очереди, отоваривание карточек...

После булочной и, редко, других магазинов – стояние за обедом в столовой. Потом делай, что хочешь, пока тётя Дуся не появится, не впустит в дом.

Так невыясненным и осталось, какое сегодня число. Задремала Таня. Раньше, давным-давно, когда-то, виделись прекрасные и волшебные сны. Цветные, с полётами. Теперь – провалилась в безжизненную темноту. И никого, никого-никого не встречала во сне. Даже маму.

А тут вдруг увидела Васю Крылова. Изменился, но всё равно можно узнать. Дорогой, свой, надёжный. Таня ужасно обрадовалась, а Вася очень удивился, обнаружив её на лестнице.

– Что ты тут делаешь? – и за плечо потормошил.

– Привет, – Таня постаралась улыбнуться, но спросила обиженно: – Где ты был так долго, почему не приходил к нам?

– Сыро тут, нельзя тебе, – сказал Вася и поднял на ноги.

Живой, настоящий Вася Крылов.

– Вася, Вася, Вася, – будто заведенная повторяла Таня, прижимаясь к старому другу, и опять, уже громче и настойчиво, спросила: – Где же ты был так долго? Все Савичевы умерли. Я одна осталась, одна, одна!

Конец.

P. S.

Вот и завершился мой печальный рассказ, трагическая история ленинградской девочки. Много лет считалось, что и она, последняя из большой семьи, умерла в блокадном городе, что запись в дневничке 13 мая 1942 года – горестный конец. Даже четверть века после войны не было достоверных сведений. Версии выдвигались разные, но ни одна не подтверждалась документами.

Впрочем, и поныне мало кто знает, что произошло на самом деле. Потому и возникла необходимость дописать ещё одну главу. P.S. – постскрипtum – обозначает в переводе с латинского – «после написанного».

* * *

Уже не вспомнить название железнодорожной станции, но время знаю со всей определенностью – последняя декада июля 1942-го. Ибо 2 августа наш полк уже вернулся в боевой порядок.

Нас везли с Урала на фронт без роздыха: ни бани, ни горячей пищи. Менялись лишь паровозы. И вдруг застряли на целый час в паутине сортировочной, вклинились между двумя другими товарняками. В одном – эвакуированные детдомовцы из Ленинграда, в другом – военнопленные.

Охрана не боялась, что подопечные убегут, разрешила выходить из вагонов.

Немецкие солдаты кланчили или выменивали у детей хлеб. Торговля шла плохо, но милостыня перепадала.

Ленинградцы бросились к маленьким, родным, несчастным землякам. Спрашивали, выкрикивали, называли имена своих братишек и сестрёнок; детей, родственников. Искали соседей по дому, улице, по району хотя бы. И раздавали ржаные сухари, консервы, сахар – весь дорожный наш паёк. И делились махоркой с воспитателями ленинградского детского дома.

Может быть, то был дом № 48 Смольнинского района? Может быть, я видел, говорил с Таней Савичевой?

Не знаю, не помню. Полвека минуло почти...

ВЕСТОЧКА

– Тимофеевна! – позвала от калитки письмоносица. – Воскресла жиличка твоя?

– Вчерась из больнички приплелась, бог миловал.

– Деша ей, толстущая! Как её коса-то?

– Нету больше косы, отрезали. При тифе завсегда стригут.

Бойкая письмоносица примолкла, отдала письмо и поспешила дальше.

Нина слышала каждое слово, бросилась к двери и пошатнулась, привалилась к косяку.

– Не донесу, что ли, сама, – проворчала хозяйка. – Лежала бы.

Наконец-то пришёл ответ! Первый ответ на десятки открыток и писем, отправленных в Ленинград по разным адресам.

Чёрные вычерки военной цензуры траурно бросались в глаза. Строчки приплясывали, расплывались буквы... Нина заставила себя унять дрожь. Скомандовала себе, как перед взлётом: «От винта!»

Дорогая Ниночка!

Какое счастье, что ты нашлась. Меня ведь, как и тебя, внезапно, прямо из цеха отправили – – – – –

Оказывается, мы совсем рядом трудились. – – – – – Потом нашу бригаду откомандировали в – – – – –

В общем, вернулся не скоро, мои уже не надеялись, что живой.

Получив твоё письмо, сразу пошёл к вам и узнал от соседей, что все Савичевы – – – а Таню забрала к себе со всеми вещами Арсеньева Евдокия Петровна. Наведя справки, пошел на Лафонскую. Квартира в бельэтаже. Танюша спала прямо на лестнице. Тётка, уходя на работу, запирает комнату, боится за барахло.

Танюша здорово вытянулась, но очень худая и неухоженная, больная. Очень обрадовалась, что ты жива-здоровая и хорошо устроилась в колхозе. Рассказала, как вся ваша семья – – – один за другим. Я, как назло, забыл дома твой адрес, договорились, что принесу в другой раз, но выбраться скоро не – – – – – и хотелось поднакопить хлеба, продуктов каких-нибудь. У нас с этим, – – – – –

Нина? Прости, но больше я Танюшу не видел. Десятого или одиннадцатого июля тётка сдала её в детдом, сложив с себя опеку. Очень что-то недолго оно продолжалось... Детдом срочно был – – – – – на Большую землю. Куда точно, узнать не удалось. Арсеньева Е.П. и на порог не пустила. Разговаривала так, будто я её грабить пришёл.

Ниночка, не переживай особенно! Это хорошо, что Танюшу вывезли. Сейчас идет – – – – – Кроме того, – – – – – Но мы всё равно выстоим! Думал обрадовать тебя, а вышло наоборот. Прости.

Жду в Ленинграде!

12.VI.42 г. Твой верный...

Тетрадочный лист с письмом Васи Крылова выпорхнул из пальцев; потолочные брёвна с облезлой побелкой рухнули вниз.

– Ой, что ты, что с тобою?! – кинулась на помощь Тимофеевна.

МИХАИЛ

В Дворищах и ахнуть не успели, как очутились на оккупированной территории, в германском тылу. Михаил Савичев при первом удобном случае ушёл с верными товарищами-односельчанами в лес, к партизанам. Сражался в бригаде Светлова, в тяжёлом зимнем бою был ранен. К счастью, после прорыва блокады в январе 44-го Михаила переправили самолётом в Ленинград. Долго лечился, вышел из госпиталя в июле, на костылях, инвалидом. Куда деваться без жилья, без родных? Уехал на Гдовщину, к тете Капе, маминой сестре. Муж её, Иосиф Андреевич Конопельке, был сельским доктором.

В том же году и там же Михаил встретился после трёхлетнего неведения и разлуки с Ниной.

Ещё лежа в госпитале, Михаил пытался отыскать Таню. Выяснил, что она эвакуировалась в Горьковскую область с детским домом № 48. Разослал письма и телеграммы во все районные центры области. Откликнулась одна добрая душа.

Ленинград, 9 П/Я 445, палата 20, Савичеву Михаилу

Уважаемый товарищ Савичев. Получив Ваше письмо, я спешу ответить о Вашей сестре. Тани у нас нет. Она в соседнем детском инвалидном доме. Я её бывшая воспитательница и опишу о ней. Она приехала дистрофиком. Затем постепенно поправилась. 9 месяцев не вставала. Но затем у неё получилось нервное потрясение всего организма. И эта болезнь у неё прогрессировала. У неё потеряно зрение, она уже не могла почти читать, тряслись руки и ноги. А потому ей нужно было лечение, но в наших условиях это невозможно.

Ваше письмо и телеграмму я посылаю ей. Её адрес: Горьковская область, Шатовский р-н, Понетаевский д/инв. С приветом!

А. Карпова

Открытка Карповой пришла весной. От Тани не получили ни строки. Ни весной, ни летом – никогда.

КОМАНДИРОВКА

Вырваться из блокадного города сложно, вернуться в него ещё сложнее. Въезд по специальным пропускам. Нина обращалась на свой завод, ей не ответили.

И вдруг предложение.

– Савичева, – сказал начальник овощной базы, – ты же коренная ленинградка, все ходы-выходы знаешь. Съезди, проверни одно дело в большом штабе. Тут солдатики за картошкой приехали, подбросят тебя до самого Питера.

Её высадили на Загородном проспекте, у пяти углов. Пять улиц, пять сторон – в какую идти? «На Васильевском нечего делать, – предупредил Михаил. – Побывал там, когда в госпитале лежал. Пустота и разгром. Окна выбиты, хлам, запустенье, щепки от нашего буфета. А мы думали, его и снаряд не возьмёт». Нина вспомнила, что буфет пострадал от бомбы, которая угодила в общежитие художников в ноябре сорок первого. Тогда же осколки попортили и картину. «Ничего из вещей не жалко, а «Купальщицу» любил», – признался брат.

Сейчас в квартире на Второй линии жили другие люди.

Вася Крылов сообщил, ещё он писал, что случайно встретил Беллу Велину... Вот куда идти надо, на Литейный, в Дом офицеров. Белла по-прежнему жила и работала там.

Нина и Белла проговорили до полуночи. Утром их разбудил, решительно и вежливо, майор. Высокий, видный, светлоглазый.

– Прошу извинить, Белла Александровна, очередная делегация ждёт нас в Смольном.

– Через десять минут буду готова, Лев Львович! – заверила своим низким, с хрипотой, голосом Белла.

Майор бросил взгляд на часы и мягко уточнил:

– Через восемь, Белла Александровна. Машина у подъезда.

Белла поторопила Нину:

– Одевайся, подкинем тебя до Лафонской.

– Кто это? – Майор произвел на Нину впечатление.

– Ученый, историк, ополченец, политработник, организатор и директор выставки «Героическая оборона Ленинграда». Сходи непременно, тут близко, в Соляном городке. Потрясающий музей! Иностранцы восхищаются и плачут. Ты готова? Пошли! Майор Раков – человек точный.

НАХОДКА

Дверь долго не открывали, Нина уже собралась уходить.

– Кого? – настороженно спросили.

Нина почему-то никогда не могла вспомнить лицо тёти Дуси, а голос сразу узнала.

– Это я, Нина, Нина Савичева.

Металлически щёлкнуло, проскрежетало, в узкой щели показалось заспанное лицо женщины лет тридцати пяти.

– За вещами явилась?

– Какие вещи? – не поняла Нина. – Я о Танечке. В комнате в несколько ярусов громоздилось имущество с Васильевского острова, из квартиры Савичевых и комнаты дядей. Швейная машина «Singer» стояла на пианино. Из-за инструмента выглядывала рама «Купальщицы».

– Все в сохранности, – с некоторой гордостью отметила тетя Дуся. – И документ есть, копия.

– Какая копия? – Нина никак не могла постичь её мысли.

– Описи на имущество. Таней написано. Когда опекунство расторгали, было велено опись составить, чтоб когда вернётся или родственники какие объявятся... – Она поджала в нитку губы и обиженно закончила: – И я не чужая.

– Что, о Танечке что известно?

– А ничего. Вакуировалась с детдомом. Ей тут не выжить было. Зачем мне на душу грех брать? Потом ведь каждому за всё воздастся. Насовсем вернулась?

– Завтра уезжаю, в командировке я, – успокоила Нина. Она так и стояла в двух шагах от двери.

Часы в дубовом корпусе отбomкали семь.

– Пойду еду греть, на работу пора, – сказала тётя и ушла.

Нина разглядывала знакомые с детства вещи и предметы.

Взгляд зацепился за небольшой чёрный ящичек. Палехская шкатулка! Мама хранила в ней свечи и фату. И свидетельства о смерти.

Рука машинально потянулась к крышке с лихой тройкой на черном лаковом поле. Так и есть: фата, свечи, бумаги. И... Он- то как сюда попал, блокнотик, подарок Лёки? Самодельный справочник по котловой арматуре. «Возьму, пригодится ещё, может быть...»

Нина сунула блокнотик и документы в карман. Сердце заколотилось, как метроном во время боевой тревоги.

Вернулась хозяйка. Мгновенно, в один взгляд, проверила, всё ли на прежних местах.

– Кипяточку не желаешь?

– Спасибо, – Нина попятилась к двери. Она спешила выбраться из этого дома, словно тётя Дуся могла учинить допрос и обыск.

ЭКСПОНАТ

Нина и Белла сидели, обнявшись, на солдатской койке, заплаканные, подавленные.

– Нельзя так, милые, – пытался утешить майор Раков. – Надо держаться.

Нина подала блокнотик.

– Вот всё, что осталось от нашей семьи.

Майор рассеянно полистал записи тушью.

– Проклятая война...

И вдруг наткнулся на синие карандашные строчки.

– Да это же!..

Скорбная хроника Савичевых произвела на Льва Львовича ошеломляющее впечатление.

– Этому дневнику место в нашем музее! Сорок одна строка, написанная девочкой-школьницей, вместила в себя трагедию великого блокадного города!

Нина долго не соглашалась отдать блокнотик:

– Ведь это всё, что осталось от нашей семьи...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В сентябре 1944 года боевые друзья перетащили Михаила в шахтёрский городок, устроили на почту. «Работа как раз по тебе: сидячая, а связь со всей страной».

Никак не предполагал тогда Михаил Николаевич Савичев, что дело это станет главным и единственным в его жизни, что в городе Сланцы отработает он почти четверть века, до роковой болезни...

* * *

Он и сестру приглашал перебраться в Сланцы, но Нина не мыслила себя без Ленинграда. Уже и война кончилась в победном мае 45-го, а пропуска всё равно требуют. И тогда она решилась на рискованный шаг, «нелегально» проникла в родной город, на армейском грузовике с картошкой.

Найти работу не составляло проблемы, нашлось место и в общежитии. Ходатайствовать о возвращении квартиры и думать было нечего.

Спустя год Нина во второй и в последний раз побывала у тётки Дуси. Вася Крылов настоял: «Зря фасон давишь. Забери свои вещи, на продукты меняй, приоденься. Не обязательно сразу на двух грузовиках вывозить, постепенно можно, я тележку доставлю, помогу». Тётка Дуся, как всегда, мало обрадовалась появлению гостя.

– Явилась не запылилась, надумала всё-таки. Я тут в тесноте мучаюсь, добро сохраняю, а она... Пиши расписку, забирай всё по описи.

Нырнула за бабушкину дубовую кровать, стоявшую на ребре, извлекла Танин школьный портфель и достала из него папочку с бумагами. Отделила лист из тетради в косую клетку.

– Распишись на обороте, что всё имущество получила, и уноси.

– Куда же мне всё сразу?

– А это твоя забота!

Нина опять, после блокнотика, держала в руках бумагу с Таниной записью. Да, то был её почерк.

Опись имущества Савичевой Т. Н.

1) Полубуфет 1.

2) Обеденный стол 1.

3) Стол рукодельный 1.

4) Атаманка 1.

5) Кровать жел. 2.

6) Кровать дер. дуб. 1

7) Стол письменный 1

8) Кресла мягкие 2. Комод 1.

9) Стулья венские 7.

Савичева

Мгновенно сжало виски, сдавило сердце. Собственный голос слышался чужим, посторонним:

– «Имущество» надо через «и». И ещё одна ошибка...

– Никакой ошибки, – оборвала тётя Дуся. – Всё по закону. Там и печать есть.

Внизу описи был фиолетовый оттиск круглой гербовой печати и неразборчивая подпись, начинающаяся на букву «С».

На двухколёсную тележку поместились швейная машина «Singer», картина «Купальщица» и две статуэтки, рыцарь и турчанка-персиянка с кувшином.

Машину пришлось продать, Нина её проела, трудное ещё было время. А «Купальщица» до сих пор висит в городе Сланцы, в доме по Почтовому переулку. Рыцарь украшает комнату Таниной внучатой племянницы, внучки Нины Николаевны, студентки Светланы. Все признают, что Света очень похожа на Таню.

Турчанка-персиянка у Нины Николаевна на комодке стоит, как до войны.

* * *

О том, что случилось с Е.П. Арсеньевой, тётей Дусей, сообщила её сестра. Ольга Петровна Крутоус (по мужу) писала мне из города Минска:

«Родились мы с сестрой в Ленинграде, на Васильевском острове. В 1918-м отец и мать умерли, остались мы одни. Жизнь нас размотала, я воспитывалась в Детском селе (г. Пушкин. – И; М.) в детском доме, а её взяли в деревню, в няньки.

Что она могла увидеть и воспринять, находясь с 7-8 лет у чужих людей, да ещё сиротской доле.

Когда, будучи взрослой, я её нашла, она была неграмотная и какая-то забитая и обзлённая, но трудолюбивая девушка. Приехав ко мне в Ленинград, она поступила на слюдяную фабрику. Я вышла замуж за военного, и я с 1930 г. с ней не общалась. Неприветливость Е.П. я считаю результатом тяжёлого детства.

Умерла она в 1976 г., а до этого за год умер у неё сын в возрасте 25 лет. Муж умер через два года после неё».

Такая вот судьба.

МЕДАЛЬ

Выставка «Героическая оборона Ленинграда» в Соляном городке, которую потом назовут музеем, открылась в праздничные майские дни 1944 года. Тысячи, сотни тысяч людей побывали на ней за первый год работы. Доезжали до улицы Пестеля или Лебяжьей канавки трамваем, шли дальше пешком. У входа в громадное здание стояли немецкие орудия, танки и даже самолёт. На стальных стволах и крыльях с чёрно-жёлтыми крестами запросто сидели мальчишки.

* * *

Борис Воронеж с превеликим удовольствием залез бы в германский танк или оседлал пушку, но – возраст не тот и медаль на груди. Да и не впервые он здесь, посмотрелся на боевые трофеи, без пояснительных табличек всё про них знает.

Он сразу прошёл в зал с особенным оформлением, с особыми экспонатами. Будтоходишь в громадную палатку с ледяными опорными колоннами. Внимание привлекает витрина булочной: за покрытым изморозью стеклом видны в морозной дымке весы. На одной чаше гирьки: 100, 20 и 5 граммов. На другой чаше – серый, ноздреватый кусочек хлеба – блокадный суточный паек.

Посреди зала стоит обычная витрина, музейная. На одной половине – боевые ордена и документы павшего молодого воина, на другой – раскрытый блокнотик. Скромный, небольшой – в развороте, и то на ладони поместится, с синими карандашными строчками. Краткая, как блокнотная запись, табличка: **Дневник Тани Савичевой.**

Танин блокнотик принадлежит Истории.

Борис, как и в прошлые разы, никак не мог оторваться от витрины с Таниным блокнотиком. Не сразу и заметил, что резко убавилось посетителей. Очевидно, временно прекратили впуск.

Вдруг в «палатку» вошла большая группа людей, штатских и военных. Экскурсовод, круглолицая женщина с низким, хрипловатым голосом, рассказывала на английском языке. Борис скромно отошёл в сторонку, стал наблюдать.

Самой главной в группе была, вне сомнения, высокая, худая дама с уложенными седыми волосами. Все обращались к ней с подчеркнутым уважением. «Английская королева, что ли?» – подумал Борис.

Дама склонилась над дневником Тани. Экскурсовод перевела ей содержание записей. «Королева» жалобно и беспомощно посмотрела на свиту и заплакала, как обыкновенная женщина, вытирая глаза шелковым платочком.

Потом все двинулись дальше, и тут им встретился на пути Борис Воронеж.

– О! – изумлённо воскликнул английский генерал, показывая на медаль «За оборону Ленинграда» на груди Бориса.

«Королева» тоже заинтересовалась.

– Леди Черчилл, – произнесла с твёрдым окончанием симпатичная переводчица, – спрашивает, за что тебя наградили и сколько тебе лет?

Борис не сробел, ответил с достоинством:

– Всю блокаду здесь. Всякие задания выполнял. Дежурил, «зажигалки» обезвреживал, людей из развалин помогал выручать. А лет мне пятнадцать. Почти.

Супруга премьер-министра Великобритании ласково коснулась плеча юного ленинградца. И остальные, чужие и наши, выразили Борису Воронцу свое глубокое почтение.

ТАНЯ

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Волнение моря определяют по шкале Бофорта, силу землетрясения – по Рихтеру. Существуют уровень радиации, процент жирности, степень напряжения, единица массы. Цифры характеризуют скорость и концентрацию, размеры и яркость, заряд элементарных частиц и мощность термоядерных взрывов. Наука с фантастической точностью математически анализирует явления и вещи. Но как, чем измерить страдание и горе, боль утрат и груз печалей?

Не знаю, никто не знает.

* * *

Шли, летели годы. У Михаила и Нины росли сыновья, но боль и безвинная вина за младшую сестру не покидала ни на день, ни на ночь. Судьба Тани оставалась неясной, разноречивы были и официальные бумаги. Неопределённость угнетает, но и поддерживает искру надежды.

Над дневником Тани Савичевой склоняли головы короли и президенты, маршалы и международные лауреаты, туристы и чрезвычайные полномочные послы, а судьба, судьба простой и несчастной девочки волновала лишь двоих оставшихся в живых Савичевых. И юных пионеров, «красных следопытов» Шатковского района Горьковской области.

В журнале «Огонёк» напечатали в 1964 году фотокопии страничек блокадного дневника. И сказано было, что Таня Савичева до последнего часа находилась в Горьковской области, в Понетаевском детском доме инвалидов.

Прочитав об этом, учителя и ученики средней школы, которая после войны разместились в бывшем инвалидном доме, решили выяснить, что случилось с ленинградкой.

К поиску подключились красные следопыты Красноборской и Шатковских школ.

Объявились свидетели, нашлось «Личное дело № 293 обеспечиваемого инвалида Савичевой Татьяны Николаевны». Удачная находка стала источником ложных данных. Сразу, на титульном листе, – фальшь:

«Прибыла 7 марта 1944 года, убыла – год 1945».

Ни месяца, ни числа. Год и тот...

Хранилась в папке и копия официального ответа на запрос Нины Николаевны Савичевой. 1 августа 1944 года (запомним эту дату!) директор заверил: «Последнее время здоровье Тани лучше, но сказать, что она поправляется, пожалуй, ещё рано. Ясно одно: по заключению врачей её жизнь вне опасности».

Красные следопыты обыскали чердаки и подвалы. И нашлась **«Книга учёта детей-инвалидов»**.

Против фамилии Тани Савичевой значилось: «Прибыла 7 марта, выбыла 23 мая 1944 года в Шатковскую районную больницу».

Так добрались по следу до больничного архива, а там – конец:

«Татьяна Николаевна Савичева скончалась 1 июля 1944 года. Диагноз – туберкулез кишок».

Она скончалась ровно за месяц до бодрой директорской отписки.

Оставалось невыясненным, где похоронена Таня.

* * *

Анна Михайловна Журкина, бывшая санитарка Шатковской районной больницы, никуда из родного посёлка не уезжала, так и жила себе там, где всю войну. Она и думать не думала, что хранит важную тайну, что ленинградская девочка, которая умерла

на её руках, стала всемирно известной. Анна Михайловна испытала радость и смущение, когда к ней пришли ребята.

– Хорошо, что меня застали. Я да больничный конюх только и знали, где предана земле бедняжка, а конюха давно уже нет. Последняя я свидетельница.

Она повела красных следопытов на местное кладбище.

– С конюхом вдвоём и схоронили. Вот здесь. Нет, не путаю. Она одна из всех ленинградских ребятишек померла в Шатках. Под этим бугорком и лежит она, Таня, Савичева по фамилии.

А через год, в мае 1972-го, в Шатках был торжественно открыт памятник. На лицевой стороне красной кирпичной стены разрушенного дома барельеф девочки с бантом и отлитые в металле блокнотные странички.

И были в тот день в Шатках брат и сестра Тани, Михаил Николаевич и Нина Николаевна.

Увенчанный красной звездой памятник установлен в нескольких шагах от могилы Тани. Надгробная плита с бронзовым барельефом в голубой гранитной нише появилась десять лет спустя.

На это сооружение пошли трудовые деньги ребят, девушек и юношей не только из Горьковской области. Со всех концов страны шли переводы на счёт Шатковского райкома комсомола. Из Ленинграда, Москвы, из Белоруссии и Украины, даже из Совета Министров РСФСР.

Сейчас в Шатках целый мемориальный комплекс «Никто не забыт, ничто не забыто». Возведён он не только на народные средства, но и добровольным народным трудом.

* * *

Имя Тани стало бессмертным. «Таня», «Дневник Тани Савичевой» неразрывно связаны с трагедией блокадного Ленинграда.

На Нюрнбергском процессе, в суде над военными преступниками, звучали чудовищные числа. За 900 дней беспримерной жестокой блокады

«Немцы сбросили на Ленинград 107 000 фугасных и зажигательных бомб, 150 000 тяжёлых артиллерийских снарядов».

«От бомбёжек и артиллерийского обстрела убито 16 747 и ранено 641 803 человек».

Сколько умерло на дорогах эвакуации и потом, в благополучном тылу, сколько ленинградцев всё равно настигла блокадная смерть, – этого никто и не пытался выяснить, подсчитать невозможно.

Не вошла в статистику смерти и Таня Савичева, но её блокадный дневник был свидетелем на Нюрнбергском процессе.

Всё, всё познается в сравнении. На Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде – только на Пискаревском! – захоронено 470 000 жертв блокады. В Хиросиме и Нагасаки погибло от атомных взрывов 320 000.

Многотысячные числа смертей, как точно заметил немецкий классик, воспринимаются уже абстрактно, смерть одного человека – трагедия. Потому, очевидно, и производит такое неизгладимое впечатление фотокопия дневника Тани Савичевой в тесном музее Пискаревского мемориала.

* * *

Имя Тани стало вечным. Весной 1980 года Международный планетарный центр утвердил названия новых планет, открытых советскими астрономами. Высокой небес-

ной чести удостоилась и ленинградская девочка. Одна из малых планет так и названа – **Таня.**

Публикуется по: Миксон, И. Жила, была : истор. повествование / И. Миксон. – Л. : Дет. лит., 1991. – 224 с. (http://militera.lib.ru/bio/mikson_il_savicheva/index.html)